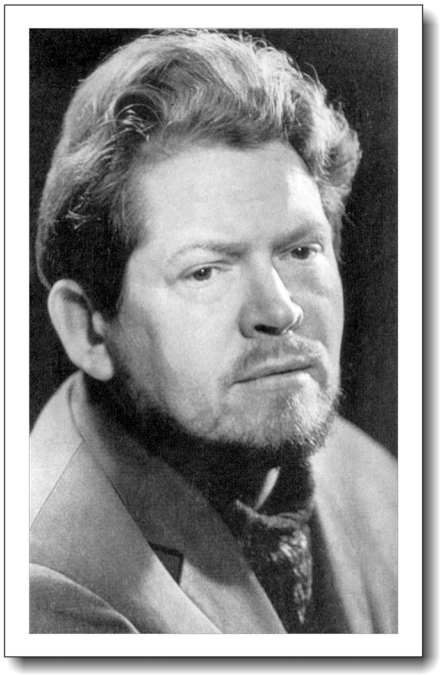
Писал я много на веку,
Но всё, народ, сожги!
Коль хоть одну мою строку
Вдруг запоют враги!

И. Кобзев

У наших предков, у славян,
Меж дел великого значенья
Всегда к речениям, к словам
Жило особое почтенье!

Игорь КОБЗЕВ

ИЗБРАННОЕ

Сборник стихов

Благовещенск
2015

ция

Кобзев И. И.

Избранное : Сборник стихов. - Благовещенск, 2015. - 528 с.

Издатель:
Шаталов Роман Олегович,
член Президиума Центрального Совета Всероссийской политической партии «Курсом Правды и Единения»

© Публикуемые материалы являются достоянием Русской культуры, по какой причине никто не обладает в отношении них персональными авторскими правами. В случае присвоения себе в установленном законом порядке авторских прав юридическим или физическим лицом, совершивший это столкнется с воздаянием за воровство, выражающемся в неприятной «мистике», выходящей за пределы юриспруденции. Тем не менее, каждый желающий имеет полное право, исходя из свойственного ему понимания общественной пользы, копировать и тиражировать, в том числе с коммерческими целями, настоящие материалы в полном объеме или фрагментарно всеми доступными ему средствами. Использующий настоящие материалы в своей деятельности, при фрагментарном их цитировании, либо же при ссылках на них, принимает на себя персональную ответственность, и в случае порождения им смыслового контекста, извращающего смысл настоящих материалов, как целостности, он имеет шансы столкнуться с «мистическим», внеюридическим воздаянием.

Задача поэта состоит в том, чтобы максимально точно передать суть вещей и явлений, как можно большему количеству людей. Нести Правду, как поэт её понимает, его служение, и чем точнее он чувствует Правду, тем более выразительными средствами владеет.

Естественная потребность искать Правду во всём, а не только в модном или почётном, своевременно делает поэта народным, по сути, а не по званию.

В случае с Игорем Ивановичем Кобзевым, поэта лишили возможности быть любимым своим народом.

До настоящего времени сборников его великолепных стихов не было в природе.

На народные деньги мы решили издать книгу, в которой поэт расскажет свою историю сам, своими стихами.

Нас восхищает талант, позволивший в ярких и понятных образах, передать смыслы Концепции Общественной Безопасности (КОБ) ещё до её появления.

Кобзев Игорь Иванович, родился 19 августа 1924 года, умер 10 мая 1986 года.

Русский советский поэт, литературный критик и общественный деятель. Родился в городе Ростове-на-Дону в семье железнодорожника. Окончил московский Литературный институт имени А. М. Горького (1950 г.). Как поэт начал печататься еще в годы войны: его первые стихи были опубликованы в армейской газете 4-го Украинского фронта. Первая книга стихов - «Прямые пути» - вышла в 1952 году.

Игорь Иванович Кобзев входил в литературу как поэт-лирик. Его стихи о любви, верности и дружбе завоевали большую популярность у молодежи. В них разливается душевный свет, царят радость жизни и теплота чувств. («Первое свидание», «Лебединое озеро», «Северный полюс», «Черный лебедь», «Прощальное танго»).

С большой любовью и нежностью поэт рисует великолепие родной природы, любуется ее красотой и добротой. Будучи журналистом Кобзев много путешествовал; впечатления от этих поездок отразились в его стихотворениях («В Ясной Поляне», «В Михайловском», «Поездка в Суздаль», «Покров на Нерли», «Город Китеж», «Палехские узоры», «Дума о Родине»). В них поэт напоминает о героических судьбах и славных событиях истории Отечества.

В 1965 году поэт поселяется на даче в поселке Семхоз в окрестностях Сергиева Посада. Там он вливается в литературный кружок во главе с И. М. Шевцовым, который только что издал свой роман «Тля», 12 лет не издававшийся; впоследствии эта группа из 20 человек стала называть себя отрядом патриотов-«радонежцев».

С этого момента в поэзии Кобзева начинают преобладать гражданские мотивы. Поэт активно включается в идеологическую борьбу с сионистами. Когда главный редактор журнала «Москва» М. Н. Алексеев опубликовал стихотворение С. И. Липкина «Союз И», Кобзев немедленно откликнулся стихотворением «Ответ Семену Липкину». Стихотворение Липкина заканчивалось строками:

Без союзов язык онемеет и, пожалуй, сойдет с колеи.
Человечество быть не сумеет без народа по имени «И».

В ответ Кобзев писал:

Хоть вы избрали, Липкин, эзоповский язык,
Читатель без ошибки в ваш замысел проник.
Итак, выходит что же? Вы из чужой семьи?
Вам Родины дороже народ на букву «И».
Не подрывайте корни Союза Эс-Эс-Эр,
Где поит вас и кормит народ на букву «Эр».

Кобзев также выступал в периодической печати и как литературный критик, и как публицист. Когда после выхода в свет романов Шевцова «Любовь и ненависть» и «Во имя отца и сына» в 1970 году на их автора обрушился шквал сионистской критики, Кобзев был единственным в нашей стране, кто выступил в защиту писателя-патриота (на страницах газеты «Советская Россия»).

Поэзия Кобзева тематически разнообразна. Большой цикл стихов посвящен жизни за рубежом («В Стамбуле», «В тропиках», «В венской опере», «На площади Испании» и др.).

Перу Кобзева принадлежат несколько патриотических поэм («Радонежский лес», «Дума о России» и др.). Обращаясь в своем творчестве к сюжетам русской истории («Поездка в Суздаль», «Покров на Нерли», «Град Чернигов», «Дмитрий Донской», «Ольга», «Пересвет», «Слава веков»), поэт пытается разобраться в летописных свидетельствах событий: что в них быль, а что - выдумка. Так, вспоминая героев русских летописей, Кобзев подвергает сомнению существование на Руси татаро-монгольского ига (стихотворение «Слава веков»).

Кобзев проявлял большой интерес к языческой Руси и в течение ряда лет работал над поэтическим переводом «Сло-

ва о полку Игореве» (изд. в сборнике «Весенние заботы» в 1985 г.). Его перевод отличает тонкое поэтическое чутье и стремление к точной передаче ритмики древнерусского текста:

Братья и дружина! Уж лучше убитым быть,
Нежели полоненным быть!
Воссядем, братья, на своих борзых коней
Да узрим синего Дона!

Нетрадиционных толкований текста у Кобзева немного. Он, видимо, связывает понятие Трояна с Троей («Тропой Троянской», «века Троянские», «на землю Троянскую», «Как будто в том самом веке Троянском»). Отметим и другие нетрадиционные толкования в переводе:

Осыпали меня из опустевших тулей
Поганых бестолочей
Великим жемчугом по всему лону...
* * *
И всю ночь, с вечера,
Босомыгия вороны граяли;
* * *
В былые годины Святославовы
Рек Боян, песнетворец старого времени,
Для Ярослава и для Ольги,
Княгини его желанной.

Работа над «Словом...» помогла ему при создании поэмы-сказа «Падение Перуна» и поэмы «Лесная сказка». Вот как писал об этом сам поэт: «Часто для построения поэтического образа, стремясь превратить его в емкий многогранный символ, я опирался на поэтику бессмертного «Слова...».

Уверен, что высокие художественные достоинства этого произведения были и остаются лучшей школой для многих поколений поэтов...

Знакомство с этим литературным источником оказало мне немалую помощь в работе над обширным по количеству

исторического материала сказом «Падение Перуна», повествующем о жизни языческой, дохристианской Руси».

По мотивам «Слова...» написаны стихотворение «После побоища» (1971 г.), в котором Кобзев воспроизводит существующее поверье о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году, и поэма «Меч-кладенец» (1978 г.).

В этой поэме нашла отражение поддерживаемая Кобзевым версия о том, что автором «Слова...» является сам князь Игорь. В тексте поэмы говорится о том, как Игорь Святославич, будучи в половецком плену, сложил «Слово...» и как затем исполнил его в гриднице Святослава перед киевским князем и его гостями. «Меч-кладенец» содержит много парафраз «Слова...», например:

Знал Игорь: моравы и греки -
Все, все его нынче корят:
Мол, скинул он золото в реки,
Сгубил свой могучий отряд!
* * *
Он ихним цветным узорочьем
Мосты по болотам мостил.
* * *
По градам, по весям витая,
Крепчала той песни краса.
От горла Днепра - до Дуная
Ее разнесли голоса...

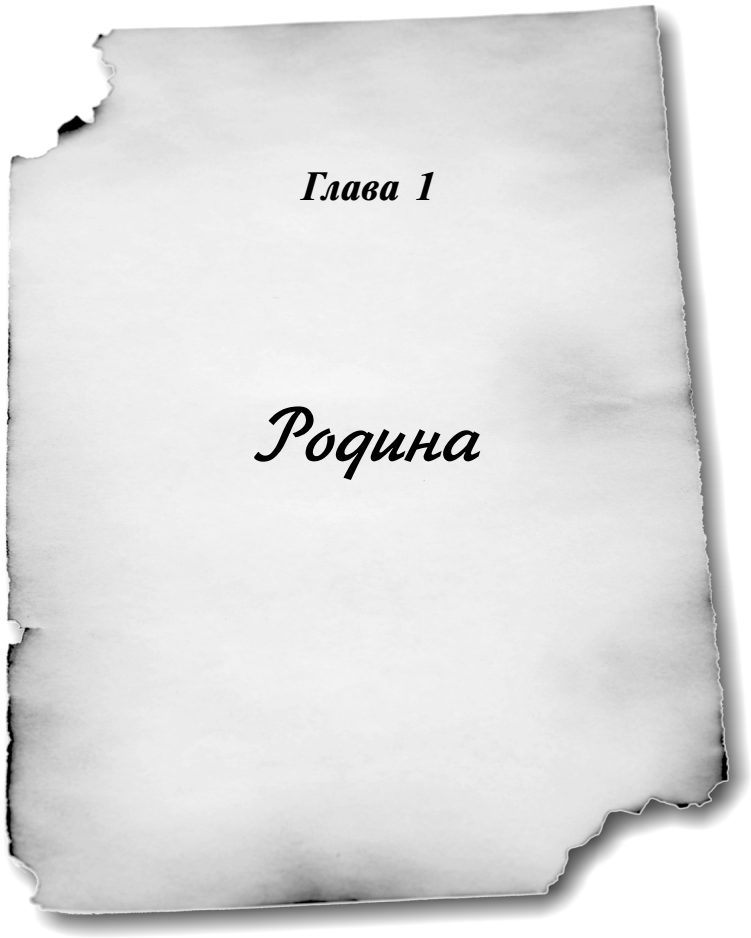
Кобзев также был хорошим художником. Ему принадлежит серия картин на сюжет «Слова...».

Поэт был сторонником подлинности Влесовой книги и автором ее поэтического переложения.

В декабре 1977 года Кобзев организовал в Москве общественный музей «Слова о полку Игореве», размещавшийся в Погодинской избе и ставший в 1980-х одним из центров возрождения русского национального сознания. Музей продолжал народно-патриотическую линию клубов «Родина», ВООПИиК и «Русского клуба», одним из неформальных лидеров которых был Кобзев.

Среди активистов музея насчитывалось около 100 человек. Главной целью музея было изучать и пропагандировать великие памятники русской литературы. Основную работу вел сам поэт, возглавлявший музей со дня основания вплоть до своей кончины.

Игорь Иванович Кобзев является автором многих поэтических сборников, среди которых: «Шпага чести» (1963 г.), «Лебеди в Москве» (1964 г.), «Радонежье» (1968 г.), «Гусляры» (1971 г.), «Дума о России» (1976 г.), «Мгновения» (1977 г.) и другие.

Глава 1

Родина

…Порой меня снедает грусть:
О сторона моя родная.
Куда ж ты задевалась, Русь,
Веселая и разбитная?!...

ДОМ ПОД ВЯЗАМИ

Посреди раздолья
Колдовских земель,
Там, где снегополье,
Сосны да метель,

В пуховых подушках,
В снеговых перинах,
Спит моя избушка
На ножках куриных.

Нынче все порожки
Замело в пургу.
Даже курьи ножки
Не видать в снегу.

Я боюсь: любимая
Не найдет мой дом,
Значит, счастье мимо
Пронесется сном.

Только воробьишка,
Самый верный друг,
Клювиком чуть слышно
Постучится вдруг...

А над домом вязы
Будут горевать,
Чистые алмазы
В белый снег ронять...

1974

ДУМА О РОДИНЕ
(Родина)

Заводи темные
Шум тополей.
Тихие, теплые
Руки полей...

Милая Родина,
Я - твой росток!
Малая родинка,
Родничок.

В стынь и в распутицу
Веровал я
Свято: да сбудется
Воля твоя!

Годы все множатся,
Ткут седину.
Стал я тревожиться
За страну.

Памятью детства
Дорога манит.
Каждое деревце
Душу щемит.

Каждой травинкою,
Где прохожу,
Я - как кровинкою -
Дорожу.

Древняя, отчая
Матерь-земля
Стала как доченька
Для меня.

Думаю думушку,
Спать не могу:
Чем ей голубушке.
Помогу?

Как мне сады
Заслонить от ветров,
Наши труды
Сохранить от врагов?

Как защитить
От недобрых людей
Звонких синичек
И гордых лосей?

Как от бесчестной
Потравы сберечь
Русские песни
И русскую речь?!

1969

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

Над шатром лесной дороги
Не стихает птичий крик:
Мнится, будто бы сороки
Сабли точат: вжик да вжик.

А еще дозор дроздиный
Гомонит со всех сторон,
Словно бы набат старинный,
Заревой, сполошный звон!..

Знать, недаром птиц пугали
Сечи жаркие вокруг;
Знать, не только попугаи
Перенять умеют звук.

Что за диво? Мать честная!
Где ж покой да тишина?
На Руси и даль лесная
Тихой доли лишена.

Слишком битвы были долги,
Слишком въелась злая звень,
Ишь, как пеночки-теньковки
Бьют клинками: тень-тень-тень...

ПЕЙЗАЖ

Медовые стога, духмяная стерня,
Широкие поля насквозь открыты взору.
И яркие, как шелк, густые зеленя,
Тесня кусты ракит, бегут по косогору...

А выше, на холме, забытый монастырь,
Литые купола, прижатые друг к другу,
Где златоглавый храм, как древний богатырь,
Глядит в седую даль и сторожит округу...

Цветные кровли изб, садов кудрявый хмель,
На тоненькой струне повиснувшая птица...

Куда б я ни умчал, за тридевять земель,
Везде мне этот вид ночами будет сниться!..

РУСЬ

Соседи в импортных плащах,
Как вы не ласковы при встрече!
Надменный блеск у вас в очах.
Скупы и скудны ваши речи.

Порой меня снедает грусть:
О сторона моя родная.
Куда ж ты задевалась, Русь,
Веселая и разбитная?!

Но... попадаю в поезда -
И в переполненном вагоне
Мне душу радует всегда
Разлив саратовской гармони.

Мелькают версты в синеве.
Выходят, входят пассажиры,
И все - как будто бы в родстве:
Ведь вместе столько пережили!

И я на станции любой
Могу сойти - коли охота -
И буду принят с добротой.
Как повелось среди народа.

И знаю: там промеж лугов
Бегут поселки и деревни.
Подняв, как копья от врагов,
Тысячелетние деревья.

Там не таят заморский яд
В магнитофонных модных лентах.
Там песни русские звучат
Без чужеземного акцента.

Там мать-и-мачеха цветет,
И там растет иван-да-марья.
Там мудро Русь моя живет,
Храня заветы и преданья.

Бывая там, я не страшусь,
Что мы забудем все родное:
Ты, как чаруса, топишь, Русь,
Все чуждое и все чужое!

СЕНТЯБРЬСКОЕ УТРО

Прекрасно и мудро
Сентябрьское утро:
Туманы духмяны и травы остры,
Заря пламенеет
И стрелами сеет, -
Как пели славянские гусляры...

Чуть слышно деревья
Скрипят, словно двери,
И осень готова войти на порог.
И рада природа
Всем краскам восхода,
И нет на душе ни тоски, ни тревог.

Пусть ветер, пусть осень,
Пусть тучи наносит -
Я каждому утру на Родине рад,
Все зори желанны,
Ясны иль туманны -
Листочки иль ласточки в небе кружат.

Хотите разведать,
Как в пору рассвета
Прекрасна лесная моя сторона?
На каждой хвоинке
Висит по росинке,
И в каждой росинке Россия видна.

1969

ДУМА О РОССИИ

1

«Погляди на мир, - Москва сказала, -
Нарисуй чужой земли портрет».

В залах Внуковского аэровокзала
Запах заграничных сигарет.

Разная бывает заграница,
Есть и в ней граница и черта:
Вот друзей приветливые лица,
Вот врагов угрюмая чета.

Чемоданы с кожею тисненой,
Роговые черные очки,
И, как жесть, сверкают отчужденно
Безупречные воротнички...

Молча пьют коньяк. Шуршат перлоном.
Как журнал, листают белый свет,
И нигде уже таким персонам -
«Ничего особенного» нет...

Всех подряд берет на борт машина.
Кресла - словно у зубных врачей.
Точно дикий тур, ревет турбина.
Столько удивительных вещей!

Все эти предвзлетные процессы
Лично мне внушают интерес:
Входят три прекрасные принцессы
С титулом московских стюардесс.

В шапочках фасонных, в юбках узких...
Ай девчата! Ай да молодцы!
Шпарят по-английски и по-русски
И при этом дарят леденцы!

Быстрый взлет! И вот уж, словно козы,
Под крылом пасутся облака...
Тут на все проблемные вопросы
Ты, как бог, взираешь свысока.

Чем заметней подлетают стрелки
На часах небесной высоты,
Тем яснее, как позорно мелки
Мерки нашей вечной суеты.

Мелки даже тучи грозовые,
Даже тень от них едва видна.

Лишь течет внизу, течет Россия,
Наша великанская страна.

2

То блеснет река, то бор нахмурится,
То опять поля... Какой простор!
Есть где развернуться Илье Муромцу,
Не задев плечом за косогор.

Поезда... Ракеты... Авиация...
Скоро можно на Луну слетать!
Но своя у сердца гравитация:
От России нас не оторвать!

Сквозь тумана перья лебединые
Ширится, угодий не тая,
Родина, страна моя любимая,
Дом мой,
дума
и душа моя.

Там сейчас по грушам и по яблоням
Стелется жемчужный, нежный цвет,
А в другом краю идут по ягоды,
В третьем - жжет глаза полярный свет.

Там лежат луга с ночными красками,
С сонною, росистою травой,
Там сейчас заря
стальными кранами
Солнце поднимает над Москвой.

Дальше - над рекой скрипят уключины,
Чья-то плавно лодочка плывет,

И, поди, небось про Ваньку-ключника
Над затоном кто-нибудь поет...

3

Какой-то турист (уж не знаю - откуда),
Очкастый, внимательный, как в кино,
Взирает в натуре на «русское чудо»,
Весь знаком вопроса воткнувшись в окно.
Глядит на поля, на леса, на левады -
Завистливо хмурится и молчит,
Глядит на дома, городские громады -
Придирчиво щурится и ворчит.

А вот его голос плывет по салону:
- Никак не постигну я вашу страну:
У вас еще избы стоят под соломой,
А вы уж нацелились на Луну!

Смотрю: проплывает под нами деревня.
И правда, на кровлях - столетняя рожь.
И тут не докажешь, взывая к доверью,
Что слух про солому - газетная ложь.

Домишки - как спичечные коробочки.
(Я знаю, как страшно они горят!)
Как будто старушки, надвинув платочки,
О чем-то далеком своем говорят.

Ну что тут?!
Сказать про большие заботы,
Про домны Урала,
поля целины?
Сказать, что повсюду заводы, заводы

Над этой последней соломой видны?
Сказать про иные, нарядные села,
Где зримее контуры наших побед?
Сказать, что растут там в бревенчатых
школах
Конструкторы и капитаны ракет?!

Сказать-то скажу! Все как следует выдам!
Любому распутаю, что к чему!

Но мне та деревня, невзрачная с виду,
(Хоть мало таких) грудь щемит самому.

Как будто бы здесь вот
мальчонкой-подпаском
Отец мой с веревочным опояском
Гонял в суходолы бодучих коров,
Как будто одни здесь осинки босые,
Как будто еще не проснулась Россия -
Великая матерь стальных городов!

Давно уж тут лампочки
вместо лучины,
Давно уж тут тракторы
вместо сохи,
Ан, видимо, есть непростые причины,
Коль виснет солома с лохматой стрехи.

Заветное дело,
прицельная веха:
Увидеть прекрасными эти места.
Ан, видимо, есть непростая помеха,
Коль где-то запаздывает красота!

Мы в силах теперь опоясать экватор
Шелками,
которые за день наткем,
И ты еще станешь такою,
как надо,
Деревня, мелькнувшая под крылом!

4

Мотор поет над желтыми полями,
Мотор поет басисто, как Шаляпин.
И, как в театре, напрягая взгляд,
Туристы о России говорят.

Одним -
страна в лучах
видна внизу,
Другим -
соринка лишь в глазу...

Что им, таким? Любая наша трудность
Одним бочком им светит, как Луна.
А знать бы им, как жадно нашу юность
Косила пулеметами война!

Тут, под крылом, могилы патриотов...
Ты, гость, чужое горе уважай.
Так просто сеять бомбы с самолетов,
Так трудно жать пожаров урожай!

Вот стюардесса
с добрыми словами
Подносит пассажирам «русский ленч»,
Где даже апельсины в целлофане,
Где все блестит... Совсем иная речь!

А мне припомнилась война...
Осколки с неба...
Бензинный чад ползет издалека.
На целый день - скупая пайка хлеба.
Ни сахара. Ни кружки молока.

А мы бредем из школы по платформе,
Мы не спешим с сестренкой на обед:
Нас дома мать обедом не накормит,
У матери обеда нынче нет.
Я в жизни горя повидал немало,
Но для меня страшнее всех страстей
Глаза усталой и бессильной мамы,
Которой нечем накормить детей.

И вот однажды
вижу я со страхом:
Сестра пришла с замотанной рукой,
Зато в руках - конфеты, масло, сахар,
Пакеты с белоснежною мукой.

А на груди значок с названьем «Донор»...
Нет, нет! Сестренка кровь свою сдала
Не для того, чтоб сытно было в доме,
А потому, что фронту помогла!

Быть донором не вредно для здоровья.
Кровь возвратится. Значит, не беда.
Но я впервые увидал, как кровью
Бывает впрямь оплачена еда.

Война грозою обжигала семьи.
Скрипела долго, точно жернова.
И жгла сады. И старые скамейки
(Там, где «любовь»!) рубила на дрова.

Я видел, как стелился дым над Доном,
Горела Волга в грохоте мортир.

И вся Россия, как огромный донор,
Своею кровью выкупала мир!

5

Зато потом,
я сам потом
Был удостоен чести
Узнать, как огненный потоп
Швыряет шквал возмездья!

Я видел сдачу крепостей,
Хвостатые ракеты,
Победный шаг родных частей
По рубежам планеты.

Солдату солнце застил дым,
И воды рек кипели.
И танки в страхе перед ним
Кидались на колени.

Вот он осилил, победил.
Грудь в орденах и ранах...
Другой бы земли прихватил
Во всех соседних странах,

А он добра не припасал,
Не клады рыл, а мины,
Колючку рвал, людей спасал,
Берег от пуль картины.

Сам из спаленных областей,
Он с добротою нашей
Немецких брошенных детей
Кормил солдатской кашей!

6

И сегодня опять, как водится,
От Вьетнама до финских ферм -
Жить, работать, бороться, строиться
Помогает Россия всем!

Все, что есть на Земле хорошего,
Не боится встречать рассвет,
От жестоких бед отгорожено
Грозным строем русских ракет!

Я по миру немало странствовал,
Потому-то и ясно мне,
Отчего с такой жгучей страстностью
Говорят о моей стране.

Путь наматывал чьи-то земли
На вагонное колесо,
И везде предо мной, как в зеркале,
Было нашей страны лицо!

Раньше волны морские видели
На судах лишь британский флаг -
Из Судана, из нищей Индии
В Лондон мясо шло для собак.

А теперь Восток кандалы порвал!
И недавно я видел сам,
Как седой араб аплодировал
Ярославским грузовикам!

Это рук трудовых братание.
Это дружбы прямой пример.
Где ж Великая та Британия?
Извините! Не вижу, сэр!

Может, на слово мне поверите:
Что еще ряд годков пройдет -

С мирового жандарма, Америки,
Гонор тоже заметно спадет!

Прут кубинцы!
Никто не сломит их!
Венгры, чехи идут вперед!
Вот где суть наших крыш соломенных,
Да не всякий ту суть поймет!

7

Встретишь друга
с улыбкой ласковой -
И за это одно уже
Я бы столько понарассказывал,
О широкой русской душе!

Если друг - на! Бери, пожалуйста!
Все, что есть, навек -
пополам.
Если в горницу гость пожалует -
Приглашаем в застолье к нам!
Если трудный час -
не отступимся
(Кто не помнит былых боев!),
Друга выручим и заступимся,
Подмогнем
одолеть врагов!

Я бы вам рассказал: и нынче как
Теплоходы уходят вдаль
Со станками, с цементом, с ситчиком -
Для друзей ничего не жаль!

Нашим братьям, из мрака вышедшим,
Мы пропасть в беде не дадим.
Мы-то русские.
Мы-то выдюжим.
Удержать бы свободу им!

Я боюсь плакатной бравадою
Мой родной народ оскорбить.
Любоваться легко парадами,
Но солдатами трудно быть.

Я не знаю и сам: откуда он,
Этих сказочных сил запас?
От славянской ли нашей удали?
От кулачных лихих забав?!

Это русские наши матери
Нас учили такими быть.
Это мудрая воля Партии
Так сумела нас закалить!

8

Ходит слух
среди многих земель
О стране силачей и талантов.
Не напрасно Фидель
Окрестил нас «народом гигантов»!

Но порой, но порой
И другое на свете бывает:
Кто-то сделал добро,
А «спасибо» сказать забывают...

Из пределов чужих
Приезжают к нам странные гости:
В их очках роговых
Выраженье досады и злости.

Самолет над землей
Расстилает лучистые крылья,
Облака пеленой
Пограничную зону прикрыли...

Но какой интерес
У иных «интуристов» на лицах:
Ищут ключ от дверей,
Что у нас на границе хранится!

Господа, господа,
Вы ключей наших лучше не троньте!
Дай вам бог никогда
Не увидеться с нами на фронте!

9

...Датский остров Борнхольм
Блещет блюдцем на скатерти синей...
«Русь уже за холмом»,
За туманом родная Россия.

Мы - в чужих берегах.
Здесь чужих городов этажерки.
Здесь короны в гербах,
Здесь коровы одеты в жакетки.

Континент подо мной -
Точно копия контурной карты,
Мы такие порой
На уроках чертили когда-то.

Ах как мелки поля!
Ах как люди обходятся малым!
Будто дремлет земля
Под лоскутным цветным одеялом.

Вы не думайте, сэр,
Я, как вы, придираться не стану
Ни к полям, например,
Ни к рекламам, привыкшим к обману.

Я лечу не затем,
Чтоб дивиться напастям и бедам.
Дай бог счастья вам всем -
С теплым домом и сытным обедом.

Людям каждой страны
Мы желаем, чтоб жили и крепли.
Может, если б не мы -
Все заглохло б в бурьяне и пепле!

«Всем народам сестра -
Москва!»
Я боюсь показаться нескромным,
Но вот эти слова
Я в поездках по миру запомнил.

Глава 2

Традиции и наследие

...Любой бы был увидеть рад
Ту жизнь, что по Руси бурлила,
Когда былинный Китеж-град
Еще бедой не затопило.
Был славен наших предков быт,
Его обычьи и законы:
«Славяне, - летопись гласит, -
Мужи премудры и смышлены...»

АРКОЛЬСКИЙ МОСТ

Поэзия в потоке будней
Меня манит, как высота.
Чья даль порою недоступней
Твердынь Аркольского моста.

Гранитных скал верблюжьи спины
Здесь громоздятся на пути,
И хищный рев реки Альпины
Мешает к дамбам подойти.

Туман, тяжелый, как железо
Скрывает топкую тропу,
И рассыпают митральезы
Свою свинцовую крупу.

Но все равно, с лихим азартом.
От алых зорь до синих звезд.
Неукротимым Бонапартом
Я атакую этот мост.

Не ради чести иль награды,
А чтоб настичь свою мечту.
Я пробиваюсь сквозь преграды -
Как по Аркольскому мосту.

БЕРЕЗКИ

Не зря шумят березки белые
Весенней позднею порой,
Когда девчонок парни смелые
Уводят в рощу за рекой...

Не зря березки, словно светочи,
Горят в сиреневой ночи,
Не зря стекают с тонких веточек
Посеребренные лучи.

Порой заманят сердце бедное
Красивой ложью, как блесной, -
Но вспыхнут вдруг березки белые
Стыдливой гордой белизной...

Вот почему ночами росными
В весенней пьяной темноте
Девчонки помнят под березами
О честности и чистоте.

И может, лишь у нас на родине,
Где столько тоненьких берез,
Есть девушки такие строгие,
Такие гордые до слёз...

БОГАТЫРКА

В чистом поле пыль клубится,
Это мчит на вражий клик
Богатырка - поленица,
Витязь-баба. Не мужик.

Чуя бранную потеху,
Блещут удалью глаза.
По булатному доспеху
Развевается коса.

Мужики на зелье слабы:
Где-то пьяные лежат, -
На Руси, бывало, бабы
Все заставы сторожат!

Бабы знают: стоит лишек
Чужаку простору дать,
Скоро собственных детишек
Негде будет пеленать.

Бабы в сторону чужую
Похмеляться не бегут,
Бабы отчину родную
Пуще ока берегут.

А когда взъярятся бабы -
Тут тебе смертельный бой!
Илья Муромец, бывало,
Объезжал их стороной.

БОГАТЫРЬ

В былине, на древней картине,
В легенде, поросшей быльем,
Я часто встречаюсь доныне
С могучим богатырем...

В нем - доблесть бойца удалого,
И верность, и рыцарский пыл.
Вознес его дар Васнецова
И Врубель - в бессмертье врубил!

Он - рослый, прямой и упрямый,
В кольчуге. С шеломом стальным.
И конь его, тяжкий как мамонт,
Чугунно ступает под ним.

Какой же он сильный-пресильный!
А очи горят добротой.
Как будто бы взор его синий
Забрызгало волжской водой.

Ты дай ему лямку - для тяги, -
Он Землю своротит плечом!
А я, как о малом дитяте,
Вседневно тревожусь о нем.

Я думаю с тайной заботой:
Могуча у воина грудь,
Да больно он добр. Коль охота -
Такого легко обмануть!

Ни грозное ханство, ни царство
Не сделают с ним ничего.
Но хитрость! Но ложь! Но коварство! -
Вот страшное зло для него!

1972

ВИТЯЗИ

Леса от боли не кричат,
Хоть и у них душа живая;
Они, как витязи, стоят,
Удары молча принимая.
Но там, где скошен ряд дубов,
Где наземь свалены березы,
Сверкает розовая кровь
И блещут росы, будто слезы...

Вглядись: ряды осокорей
Да сосны стройные, как свечи,
Похожи на богатырей,
Поднявшихся на поле сечи.
Порасспросить бы старый лес,
Достигший звезд мачтовник рослый,
Чай, много б всяческих чудес
Поведали дубы да сосны:
Про заревую даль земель,
С ее пирами да перунами,
Про то, как пел кудрявый Лель,
Бренча яровчатыми струнами...

Любой бы был увидеть рад
Ту жизнь, что по Руси бурлила,
Когда былинный Китеж-град
Еще бедой не затопило.
Был славен наших предков быт,
Его обычьи и законы:
«Славяне, - летопись гласит, -
Мужи премудры и смышлены...»

Одежды у славян ярки:
На молодцах - цветны кафтаны,
Сафьяновые сапожки,
На красных девках - сарафаны.
А как танцуют, как поют! -
Как будто от утра до ночи
Серебряною нитью шьют
Затейливое узорочье.

При встречах - ласковый поклон.
В речах - взаимное почтенье.
Обычай и закон племен:
«Иметь к сородичам стыденье».
Другой закон промеж людьми:
«Всяк мирный гость - посланец бога,
Скради, но гостя накорми;
Соседи не осудят строго!»

Но, коль доспехами бренча,
Недобрый гость войдет некстати,
На расстояние меча
Не подходи к славянской рати!
Уж сколько раз наш русский меч,
Прямой и обоюдоострый,
Тягался в лаве жарких сеч
С хазарской саблей длиннохвостой,
Ни половецкий хитрый хан,
Ни те батыевские орды
Не истребили род славян,
Прошли и скрылись, «яко обры».

Люблю мою родную Русь!
Люблю узорность русской речи!
С сыновней верностью горжусь
Упорством дедов в каждой сечи!
Горжусь, что в прошлую войну,
В годину горя и печали,
Мы нашу мирную страну
Достойно предков защищали!

А все же что-то злое есть
В небрежности к дарам народа;
Где нынче русский сказ прочесть?
Где вспомнить игры хоровода?
Не знаю: верно ль подберу ль
Богатствам древности сравненье:
Они - как неразменный рубль.
И неизменно их значенье.

С того-то инда рвется крик,
Что забываются поверья,

Что оскудняется язык,
Что вырубаются деревья.
Забыв певучую красу,
Пеньки, пиленые пенечки
Чернеют, как пивные бочки.
В спаленном, «пропитом» лесу.
Простор становится пустым...
Да не за лес один опаска:
Редеют, тают, точно дым,
За былью быль, за сказкой сказка...

ВЫБОРЫ АТАМАНА
(шутка)

В Запорожском стане
Громкий шум и гам:
Избран казаками
Новый атаман.

В битвах самый бойкий,
Самый удалой,
Он сидит на бочке,
Вертит головой.

А дружки-братаны
В очередь встают:
В очи атаману
С меткостью плюют!..

«Чтобы не был гордым!
Нос не задирал!
Чтобы знал, как в морду
Всяк ему плевал!»

До чего же зорко,
Весело и зло
Войско запорожцев
Волю берегло!

Мудро и практично,
Строго хоть куда!
Не гигиенично?
Это не беда.

ГАРДАРИКИЯ

У варягов панциря на груди,
Именные мечи на чреслах;
Снаряжали варяги востры ладьи -
Погулять меж земель окрестных...
Пред очами сих заморских гостей
Дивный край округ открывался,
Этот край бесчисленных крепостей
«Гардарикией» прозывался.
Гардарикия! Слово - как гордый гром!
Здесь врагу не сыскать гостинец!
Здесь в Смоленске - Кремль,
А во Пскове - Кром,
В древнем Новгороде - Детинец!
Здесь зубцы над башнями в городах,
Здесь заплоты и рвы в дуброве,
Здесь у русских витязей на щитах
Блеск червленый -
Краснее крови!
Никогда варяг ничего урвать
У Руси не смог, сколь ни тщился,
Разучился начисто воевать,
Торговать зато научился!
Потому-то здесь, через Русь и Чудь,
В крепкий узел связавши реки,
Испокон веков шел торговый путь,
Мирный путь - «из варягов в греки».

1971

ГОЛУБАЯ РОЗА

Такая красавица прихоть любую
Могла повелеть, как закон непреклонный.
Хотелось ей розу иметь голубую!
Пускай похлопочет садовник влюбленный!..

Но роз голубых на земле не бывает.
Садовник работал умело и споро.
Да слишком стремительно век убывает,
А трудное дело дается не скоро!

С тоскою взирая, как старая дама
Проходит по саду - взглянуть на куртину,
Садовник до гроба трудился упрямо
И муку свою заповедовал сыну...

А сын завещал эту тяготу внуку,
И внук лишь изведал ту гордость большую.
Когда, наконец, в свою дряхлую руку
Дрожащую розу он взял голубую.

Мы в жизни мечте своей верить могли бы -
Когда б за нее не вступались потомки?

Теперь эта роза цветет на могиле
Далекой, неведомой мне незнакомки...

ГРАД КИТЕЖ

Лесное озеро... Закат...
Волна кувшинки колыхает...
И вдруг незримый Китеж-град
Сквозь рябь и ряску проступает...

И чудится меж тростников
Червонный блеск церквей богатых,
Верхи посадских теремов,
Коньки на княжеских палатах.

И память сквозь мираж и явь
Уводит в те года крутые,
Где встал заслоном Светлый Яр
На кочевой тропе Батыя.

И кажется: озерный челн
Похож на древние уструги,
И брызжет звон чешуйных волн,
Как звон застежек на кольчуге...

1972

ГРАД ЧЕРНИГОВ

Манит меня Чернигов -
Старинный стольный град.
Черешней и черникой
Он сыздавна богат.
Еще богат он давней
Чредою славных лет -
Алмазами преданий
И жемчугом легенд.

Не здесь ли даль столетий
Восславил князь Мстислав,
Иже в бою с Редедей
Явил суровый нрав?!
В трудах и буйных спорах
Он был неутомим.
Высь Спасского собора -
Как памятник над ним.

Отсель же по уделам
Летал на стременах
Ревнитель славы дедов
Владимир Мономах.
Напористо, не шатко
Он княжьи нес дела.
Была, знать, его шапка
Ему - не тяжела!..

Вел по тому же следу
Князь Игорь рать свою,
Ан не сыскал победу
В запальчивом бою.
Средь степи окаянной
Сей разудалый князь
Сгрузил на дно Каялы
Своих хоругвей вязь...

Но дум его наперсник -
Неведомый певец -
Спаял из звонкой песни
Блистательный венец.

Осьмой уж век промчался,
А Песня все живет:
Победой увенчался
Тот горестный поход!

Не посрамим Чернигов
Град стольный, золотой.
В нем мирно спит князь Игорь
Под каменной плитой.
А сила славы громкой,
Звенящая окрест,
Манит сюда потомков
Из самых дальних мест.

ГУСЛЯРЫ

По веснам, да по зимушке,
Да сквозь густы боры
Гуляли по Россиюшке
Бродяги-гусляры.
Не трубадуры модные,
В одежде золотой -
Они певцы народные,
Напев у них простой.

Не много знали радости
Крестьянские дворы,
И слаще всякой сладости
Им были гусляры.
О горюшке, о долюшке
Былинник напоет -
И сердце к вольной волюшке
Покличет, позовет!

Великой злобой дыбились
Вельможи да цари,
Чтоб на Руси повывелись
Скитальцы-гусляры,
Но пели струны стойкие,
И был их лад суров, -
И шли бунты жестокие
От песен гусляров!

Точены да узорчаты
Те гусельки на вид,
А их напев яровчатый,
Как реченька, звенит.
То грозные, то грустные,
Те гусли не умрут,
Покуда люди русские
На Родине живут.

1970

ДЕВУШКА ЗА СТОЛОМ

Вернувшись из дальних плаваний,
Пьют вино моряки.
Как будто по шаткой палубе -
Колотят пол каблуки.

Трещат рестораны шумные,
Матросы вдрызг матерят...
А если кто - слишком «умные»,
Пускай в дверях постоят!..

Но вдруг кто-то стукнет кружкою -
И вмиг тишина кругом:
Братишка пришел с подружкою -
Девушка за столом.

Кончай озорство и глупости!
Есть пункт в законе морском:
Нельзя ни малейшей грубости:
Девушка за столом!

Душе разгуляться хочется!
Но нынче - без дураков! -
Девушка дрессировщицей
Сидит средь "морских волков".

Всех словно песком продраило,
И каждый глядит орлом.

Отличное это правило -
«Девушка за столом»!

ДРУЗЬЯМ ПОЭТА

Напрасно, что ли, долгими веками
Гуляли песни громом в облаках
И девки васильковыми венками
Свивали хороводы во лугах?!

Что пелось под лучину да в потемках,
Да в чистом поле вьюжистым путем,
Раскатисто аукнулось в потомках,
Осело в генах: все теперь поем.

Богат на ниве колос уродился.
Глядишь: сегодня каждый с малых лет,
Едва читать-писать настрополился,
Уж он - певец, он, стало быть, поэт!

Ревнуя труд, певцы теснят друг друга,
Поэты в спорах не жалеют слов...
А что шуметь? Не наша честь-заслуга!
Талант идет от дедов, от отцов.

Не следует нам ссориться ревниво.
Хвала, что каждый голосом окреп.
Поэзия - как золотая нива:
Чем гуще колос, тем добрее хлеб.

«ЖИВАЯ ВОДА»

Памяти поэта Дм. Кедрина

Вся Русь мечтала, чтоб Ерема
Мог выше облака летать.
Чтоб было все до окоема
В волшебном зеркале видать.
Чтоб отмыкать земные клады
В полночный час разрыв-травой,
Чтоб смерть осилить, коли надо,
«Живой и мертвою водой»...

Теперь на деле стали былью
Затеи древних небылиц:
И человек имеет крылья.
Быстрей и лучше, чем у птиц.
Отворены земные недра.
И уголки большой страны
На много тысяч километров
В волшебном зеркале видны...

Но не сбылось одно лишь чудо:
Не знаем мы, в земле какой,
Еще неведомый покуда,
Течет родник с «живой водой».
Где та вода? Не скрыть опаску.
Что нам ее не увидать!
А я бы мог за эту сказку
Все сказки прочие отдать.

КАЗАЧЬИ ПЕСНИ

Не забыть мне этих песен. Ровно
Я их слушал только лишь вчера...
Казаки усядутся на бревна
В тихие донские вечера, -

И неспешно песня повествует,
Как уходит войско на врага,
Как один лихой казак тоскует,
Ибо нет коня у казака...

...Тут велит ему молода жена
(Этих слов из души не вырубишь!):
«Ты заложь меня, да купи коня,
Врагов выгонишь - меня выкупишь».

Помню, пронимало аж до дрожи, -
Вон как надо дело понимать:
Родина родной жены дороже,
Родина любимее, чем мать!

Знать, у казаков судьба такая,
Кровные обычаи свои:
Казаки поют об отчем крае
Чаще, чем о ласковой любви.

А по-моему, нам всем годится -
Вместо модных джазов привозных! -
Верности великой поучиться
У казачьих песен боевых.

Тут велит ему молода жена
(Этих слов из души не вырубишь!):
«Ты заложь меня, да купи коня,
Врагов выгонишь - меня выкупишь».

КОНИ

Колхозные сытые кони
Топтали в лугах синеву
И - словно с широкой ладони -
Щипали траву-муравy.

Вдруг конь, рудо-желтый, буланый,
Заржал и копытом забил,
Как будто бы сбруей булатной
В сырой тишине позвонил.

И - вовсе не конник, не латник -
Я что-то почуял в себе
И вмиг встрепенулся, как всадник,
Привыкший качаться к седле.

И вспомнились дикие кони
Какой-то далекой поры:
Турецкие сабли, погони,
Варяжские топоры...

Коль мы на земле не чужие -
Нам все слишком дорого в ней,
И слышатся судьбы России
В заливистом ржанье коней.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Что я знал? Что понял?
Где весь век витал?
Куликова поля
Даже не видал!..

Ну! Скорей в дорогу!
К черту свой насест!
Что же есть дороже
Этих славных мест?

Луч рассвета полил
Ровные поля...
Куликово поле -
Кровная земля.

Отворяю дверцу,
Прямо грудью всей
Припадаю к сердцу
Родины моей...

Куликово поле,
Наш лучистый храм,
Сроду в лучшей школе
Не учиться нам!

Плохо мы дружили,
Туго нам пришлось:
Стойкие дружины
Полегли поврозь.

Куликово поле,
Ты рукой своей
Закалило копья
Храбрых сыновей.

Ты сказало братьям:
«Помните, князья,
Перед вражьей ратью
Ссориться нельзя!»

Куликово поле,
Матерь всем полям,
Тут и кровь и порох -
С пеплом пополам.

Я упал средь нивы,
Землю целовал,
Я таким счастливым
Сроду не бывал.

Кликало на подвиг.
Спасало от бед.
Куликово поле,
Спасибо тебе!

ЛОЖКИ ЗВУЧАТ

Ромашковый луг.
Подружки вокруг.
В деревне спать ложатся,
Вдруг ложки: тук-тук-тук...

Покуда на гармошку
Рублей не наберег,
На деревянных ложках
Играет паренек.

Для чего всем ложки?
Просто для еды.
А хочется немножко
Душевной красоты.

Гитарой или скрипкой
Легко заворожить.
Попробуйте улыбку
На ложках заслужить

Ложки стучат,
Ложки звучат.
И девичьи ножки
Танцевать хотят!..

Какой народ-умелец
В моем краю живет:
Все-то он умеет,
Все в руках поет!

МОГИЛЫ ПРЕДКОВ

Да, скифы мы!..
А.Блок

Когда враги теснили скифов,
А их еще не взял задор.
Они, детей на седла вскинув, -
Скакали прочь в степной простор...

Ох, широки степные дали!
Вокруг полынь да ковыли!
И скифы долго отступали,
Дымком маяча издали...

Но если на могилы предков
Ступала чуждая нога,
Как стаи стрел, прямых и метких,
Кидались скифы на врага!

А те священные могилы
Творили магию свою:
Они своих потомков силы
Могли утраивать в бою!

1972

МОНУМЕНТЫ

Вы, может, не знаете даже,
Что с чуткой тревогой в очах,
Седые чугунные стражи
Дежурят в московских ночах?

Когда затихают проспекты,
И звезды по небу парят,
Всех славных времен монументы
Выходят на вечный парад.

Те двое - все спорят с пожаром,
Тот - с палкой стоит, угловат.
Тот слишком сурово, пожалуй,
Глядит на притихший Арбат.

Князья. Полководцы. Поэты...
Чуть встречу их - в тот же момент
По четкому силуэту
Узнаю любой монумент.

Все смотрят на нас: не забыты ль
Заветы решительных дней?
Готовы ль мы в бой за обиды
России, Отчизны своей?

Звучат их шаги в переулках,
Вдоль берега темной реки.
Бессонно, чугунно и гулко
Стучат по мостам каблуки...

ОЛЕГОВЫ КОРАБЛИ

Издавна Царьград на морском ветру
Пышно стягами реял гордыми,
Издавна он хитрую вел игру:
Ссорил Русь с кочевыми ордами.

Он зубцами врезался в горизонт.
Крепко башни в нем в узел связаны.
Под замком у города Гелиспонт:
Мореходам пути заказаны.

Чтоб дорогу за море отомкнуть.
В даль глухую с надеждой глядючи.
Снаряжал Олег свое войско в путь,
Всех полян, древлян, чудь да вятичей...
Трудно ворога в крепости устрашить!
Ан, вишь, вещий Олег сподобился:
На ладьи колеса велел пришить,
Льву крылатому уподобился.

Византийцы ждать того не могли,
В снах не видели, въявь не чаяли:
На колеса вставшие корабли
К их высоким стенам причалили!
Убоявшись сказочных парусов,
Что парят над водой и сушею,
Стали греки к русичам слать послов
Да просить, чтобы град не рушили!

Тут-то весь скопившийся долг обид
Князь Олег по счетам оплачивал:
Он врагам на память червленый щит
К городским вратам приколачивал.

Да велел им князь, чтоб уняли злость,
Чтоб предали корысть попранию,
Чтобы впредь бы каждый торговый гость
Встречен был тут вином да банею!

Утвердивши мир меж окружных мест
По горам-долам да разлужиям, -
Александр и Леон целовали крест,
А Олег поклялся оружием.

ОЛЬГА

Я одно лишь помню только -
Все опять сбылось точь-в-точь
Ты же - Ольга,
Та же - Ольга,
Перевозчикова дочь...

Я опять угрюм и грозен
Старый вещий князь Олег
Я стою на перевозе
Тороплюсь сыскать ночлег.

Пред моим усталым гневом
Стихло все как пред грозой
И лишь голос юной девы
Кружит песней над водой.

Как бы кто красу не сглазил!
Все в ней дивно в склад и в лад;
Речь ведет с премудрым князем
Гордо, ласково, впопад.

Я в свой стольный град уеду,
Буду мед и пиво пить,
Долго-долго ту беседу
Буду в памяти хранить.

И все будет как когда-то...
Лишь в одном я отступлю:
К милой Ольге лучших сватов
Я конечно не пришлю!..

1973

ПАЛЕХСКАЯ ШКАТУЛКА

Все тут исконно русское,
Все из родимых мест:
Парни, орешки лузгая,
Ласковых ждут невест.

А за холмами, вытянув
Кованых войск ряды,
С вызовом смотрят витязи
В темь Золотой Орды.

Как на рублевской «Троице»,
Краски - в полном цветенье:
Рубиновая конница,
Серебряные сирени.

А надо всем - морозное
Черного лака небо,
Светлая россыпь звездная -
Словно из зерен хлеба...

...Кисти ваши узорные,
Волшебники-палешане,
Ценят дороже золота
Пражане и парижане.

Край мой! Не бронзой гулкою,
Не парусом, не волной -
Палехскою шкатулкою
Схвачен характер твой!

С ярким нарядом девичьим,
С зорями в высоте.
С чистым окатным жемчугом
В бархатной черноте!..

ПЕРВОПЕЧАТНИК

Где громоздит узор зубчатый
Китай-городская стена,
Стоит Иван Первопечатник,
Изваянный из чугуна.

А рядом с ним, у перекрестка,
Прохожий должен замечать
Окошко книжного киоска -
Под вывеской «Союзпечать».

Вот так годами
с возвышенья
Среди газет, брошюр и книг
Первопечатник с изумленьем
Глядит на дело рук своих...

1950

ПЕРЕСВЕТ

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла...
А. Блок

Поют косны... прядет туман Непрядва...
Галдят над полем выводки галчат...
А я гляжу и чувствую: неправда! -
То вороны, то вороны кричат.

В медовом мареве, в свистящих острых косах
Мне виден древних сабель пересверк,
Как перед тьмою лучников раскосых
Раскованно гарцует Пересвет.

О Пересвет! Мне так до боли близок
Твой смех, твой гнев
И твой надменный вид,
Как будто сам я здесь бросаю вызов
Всему, что горем Родине грозит!

Не все ль одно, что Пересвет, что Игорь?
Я тоже был бы среди той грозы,
Чтоб черное бытыевское иго
Пронзить копьем сквозь медный щит мирзы.

Ордынский князь, он в битве ищет славы,
Он горячит поджарого коня,
А мне спасать язык и честь державы,
А мне спасать Россию от огня.

Здесь ели хлеб от вдовьих слез соленый,
Здесь скорбных песен непочатый край,
Здесь только ветер шелестел соломой...
Чего ж еще ты хочешь, хан Мамай?!

Мне ведомо, какой тоской томится
Славянская певучая душа.
И потому я долго буду биться
И в пыль паду, собой не дорожа.

Мы сыты горем, злым, многовековым.
О Родина! Трудны твои пути.
Россия стала полем Куликовым -
И от возмездья некуда уйти!

Стальной кольчугой стали наши беды
Теперь мы в битвах понимаем толк.
У нас один - тяжелый! - путь победы.
Блестя шеломами, летит Запасный Полк.

Не быть позору. Не бренчать оковам.
Жить будут внуки с гордой головой.
И будет столп на поле Куликовом
Грозить врагам чугунной булавой!

ПЕТРОВСКИЕ КОРАБЛИ

Еще велик не слишком
Был Петр. И в те годки
Ему, как всем мальчишкам,
Мечталось - в моряки!

Ни моря и ни флота
Нет у Москвы, а все ж,
Коли царю охота,
Достань вынь да положь!

Вот матушке-царице
Сынок пообещал
Поехать помолиться
Монашеским мощам, -

А сам, с большим секстантом,
С дорожной тьмой хлопот,
С голландцем Карштен Брантом
Помчался строить флот!

Пусть там не ветер вольный
Морских пучин, а лишь
Плещеевские волны,
Плеща, тревожат тишь,

Но уж смола курится
Куются якоря,
И топорок ярится
В ладонях у царя!..

Царице непонятно:
Пошто в такую даль
Велит прислать канаты
Затейник государь?!

А над водою хмурой
Растут меж стапелей
Высокие фигуры
Крылатых кораблей.

Уже в потехе бранной
Ведут «морской парад»
Фрегаты «Марс» и «Анна» -
По тридцать пушек в ряд.

Кипит-шумит потеха!
И сквозь завесу лет
Уже доносит эхо
Грядущий гром побед!

На флагмане бьют «зорю».
И через тьму лесов
Москва выходит к морю,
Вся в блеске парусов...

1967

**ПЛАЧ КНЯГИНИ ЕВДОКИИ
ПО КНЯЗЕ ДМИТРИИ ДОНСКОМ**

Едва преставился Димитрий-князь.
Его жена, княгиня Евдокия,
Над ним плакучей ивушкой склонясь,
Возговорила причеты такие:

«О, горе мне! Души моя во тьме.
Куда. ты, свет очей моих, сокрылся?
Пошто ни слова доброго ко мне
Не молвишь днесь? Пошто так осердился?

Пошто, моя вечерняя звезда,
Грядешь на запад, в сторону чужую?
Пошто, мой ясный месяц, навсегда
Укутываешь лик во тьму ночную?

Ужели ты, мой виноградный сад.
Цвести и зреть уж никогда не станешь?
Не утолишь вовек душевный глад
И сладким плодом сердце не одаришь?

Великий князь! Гроза чужих сторон!
Победами украсивший державу!
Пошто же ныне, смертью побежден,
Не смеешь с ней поратовать на славу?

Восстань, как прежде, в силе и в чести!
Пускай печаль родной Руси не сгложет!
Края своей Отчизны поблюсти
Никто, как, ты, воистину не сможет.

Еще от нас и юность не ушла,
Еще седая старость не настигла,
Пошто же смерть, безжалостна и зла,
Меж нами тьму кромешную воздвигла?

Пошто не в царском бархате усоп?
Пошто сей ризы жалостной не съемлешь?
Пошто свой тесный, неприютный гроб
За красный терем княжеский приемлешь?

Легко ли сердцу слышать скорбну речь?
За все утехи - видеть слезны реки?
Мне краше было б первой в землю лечь,
Дабы сей кары не познать вовеки.

Ужели никакие словеса
К тебе, мой князь, не дотекут отныне?
Ужели ни мольба и ни слеза
Тебя не смилостивят, господине?

Земные звери к норам держат путь,
Летят ко гнездам птиц небесных стаи. -
Ужели, княже, хоть когда-нибудь
К родному дому не придешь из дали?

Всем вдовьим бедам я теперь родня.
Мои подружки глаз своих не прячьте.
Утешьте, вдовы старые, меня,
А молодые в лад со мной поплачьте...»

ПОЕЗДКА В СУЗДАЛЬ

Станет тебе горько,
Станет грустно ль,
Затоскует сердце под дождем, -
Знаешь что? Давай поедем в Суздаль!
Вот увидишь: в сказку попадем!

В Суздале предстанет нам воочию,
Как Иван-царевичам жилось...
Куполов цветное узорочье
Там по небу солнцем разлилось.

Каждый храм - как шапка Мономаха,
Над рекой - крутой зеленый вал.
С удалью, с талантом и размахом
Русский мастер Суздаль создавал.

Крепостные стены. Колокольни.
Воронье над башнями кружит.
Шишаки на башнях - точно копья,
Точно копия лихих дружин.

Может, Илья Муромец с Добрыней
Там еще живут, Не удивлюсь!
В Суздале во всем сквозит доныне
Молодая, заревая Русь.

Пусть она порой жила без хлеба,
Но зато задор у ней таков,
Что до края закидала небо
Шапками червонных куполов!

Крепко деды землю защищали,
Сберегли и честь свою и речь
И навек потомкам завещали
Золотую родину беречь!

Суздаль - это узел в русских судьбах.
Город сей преславен и пригож.
Кажется: не повидаешь Суздаль -
И российской сути не поймешь!

1968

ПОКРОВ-НА-НЕРЛИ

Храм Покрова-на-Нерли!
Что ты знаешь
О нашей русской дали вековой?
О чем ты думаешь,
Про что ты вспоминаешь
Своею голубою головой?

Задумчивый, спокойный, светлоглавый,
В кудрях листвы, спадающей на грудь,
Своею громкой мировою славой
Ты не кичишься, кажется, ничуть.

Ты дружишь с небом,
Да с широким полем,
Да с ветром, погоняющим волну.
От шумных слов, от звона колоколен
Ушел ты в луговую тишину.

Нет, ты не кроткой святостью возвышен,
Не тени ангелов в твоем молчанье спят.
Какая «святость»?!
Князь, тебя воздвигший,
В семейных распрях в тереме распят.

Жизнь катит годы, как шальные орды.
Не раз огонь над куполом свистел
А ты все тот же - доблестный и добрый...
Скажи: каким ты чудом уцелел?

Все черточки твои -
Как молодые...
Чиста, как сахар, каменная кладь...
Бессмертна и загадочна Россия?
Тут, право, есть над чем поразмышлять...

1975

ПОСЛЕ ПОБОИЩА

Ветры веков разметали далече
Рати той горестной толк -
Не отыскать, где порублен был в сече
Игорев доблестный полк.

Сколько о славе не пели Бояны,
Громкой молве вопреки,
Не отыскать той проклятой Каялы,
Той половецкой реки.

Но - по старинным народным поверьям -
Где-то в донецких степях
Майскою ночью туманным виденьем
Витязи мчат на конях...

Топчут ковыль гривуны вороные,
Вороны вьются в ночи,
Тускло мерцают шеломы стальные,
Зеркалом блещут мечи.

Светит в очах удалое горенье,
К родине пылкая страсть!
Всем им досталось без погребенья -
В поле неведомом пасть...

С давних времен им, бессонным, не спится.
Рыщут во тьме по ночам.
И перепугано брешут лисицы
Вслед их червленым щитам...

1971

ПОСОЛЬСТВО КАЗАКА БАЙКОВА

В одну из памятных годин
Царя «тишайшего» веленьем
Был снаряжен послом в Бейпин
Казак Байков с сопровожденьем.

В Москве приказные дворы
Сплели посланье к богдыхану
И заготовили дары -
Согласно царственному сану.

И бойкий атаман Байков,
Вступивши в стремя полномочий,
Повел чубатых казаков
Сквозь тьму урманов и урочищ,

Немало тягостных недель.
Шло к цели русское посольство
Через пески, через метель,
Через вражду и недовольство.

Вот, наконец, и стольный град
Чужой неведомой державы.
Сам богдыхан принять их рад,
Что служит знаком высшей славы.

Когда настал приемный час.
Гостям сказали в наставленье,
Мол, пред владыками у нас
Стоят все преклонив колени:

«Послы и гости искони
Должны при встрече непременно
Дары и грамоты свои
Вручать коленопреклоненно!..»

Казак Байков взревел как гром:
- Э, нет! Не на таких напали!
Мы и пред нашим-то царем
Вовек колен не преклоняли!

Душе противно перенесть
Столь шутовское представленье,
Зане в обычье вашем есть
Российской чести умаленье!

Вот вам казенные дары,
А я тут больше - не посольство!
И провались в тартарары
Такое ваше хлебосольство!

...Казак Байков был нравом прост
И, невзлюбив чужие страны,
Пошел за десять тысяч верст
Назад в родимые поляны...

ПОТОМКИ СОЛНЦА

Отец наш - Солнце. От него
Когда-то отделился облак,
Который в жизни для всего
Нашел земной привычный облик.

От Солнца - камни и трава,
И вещий гром в небесной сфере,
И молодые дерева,
И люди, и моря, и звери.

Мы все - от Солнца. Где-то в нас,
В любом живущем человеке,
Горячий солнечный запас
Запрограммирован навеки.

Не оттого ль блестят глаза
И щеки светятся румянцем?
Во всех нас буйствует гроза
Пылающих протуберанцев.

Мы все способны уставать.
Душе порою не поется.
Но не годится забывать!
Мы все - от Солнца. Все - от Солнца!

Я с малых лет всем людям рад.
Но к тем из них я льну приветней,
В ком ярый солнечный заряд
Всегда надежней и приметней.

ПСКОВИТЯНКА

Плыли тучи над Изборском,
Над ручьем, бегущим в путь.
Над кремнистым перекрестком,
Породнившим Русь и Чудь...

Дым висел над вещим камнем.
Над веками бурь - былых,
Над собором стародавним
И над ликами святых.

Журавли трубили в трубы
Над холодной мглой озер,
Над Крутым холмом, где Трувор
Ставил княжеский шатер...

Это все сошлось во взоре
У художницы одной,
Что в Михайловском соборе
Познакомилась со мной...

...Я не знаю, чем другие
Обольщаются в любви, -
Мне дарили даль России
Очи синие твои.

1973

РАЗНОЦВЕТЬЕ

Гляньте как у нас в поселке
Стали колером играть:
Стали синие светелки
Алой жестью покрывать.

Каждый дом раскрашен хитро,
Именинником глядит,
А наличник, как палитра,
Полной радугой горит.

Кое-кто порой смеется:
Дескать, зря блажит народ!
Мне ж, по совести, сдается:
Все - совсем наоборот!..

Кабы жить нам не мешали
То разрухой, то войной,
Мы б всю Русь порасписали
Той жар-птичьей хохломой!

РОДНЯ

У нашей бабушки семья
Была родней своей богата:
Братья, сватья да кумовья,
Да дети их, да их внучата...

Бывало, сколь всегда гостей,
Застолий шумных да ночевок!
Да сколь бессчетных новостей -
От всех невесток и золовок!

И сколько тут приветных слов
И самых ласковых присловий -
От деверьев да от шурьев,
От снох, от тещ и от свекровей.

Как дуб на жилистых корнях
Весь род стоял - не на знакомстве,
А на зятьях да на дядьях,
На пращурах да на потомстве.

И были беды не страшны,
Поскольку, крепче чем стенами,
Здесь были все окружены
В родстве живущими друзьями!

РОДОСЛОВНАЯ

Ведом мне мой отец да дед
Да немного ближайший прадед,
А меж тем с изначальных лет
Даль времен моей жизнью правит.

Может сам я - такой прямой,
Всю войну прошагал без страха
Потому, что прапращур мой
Был дружинником Мономаха?!

Может в сечах далеких дней
Конь буланый сберег мне предка, -
Оттого я люблю коней,
Хоть теперь их встречаю редко.

Может, прадед, лихой мужик
Заступал дорогу Мамаю,
И с того я - как свой дневник -
Книгу летописей читаю?!

Кто разведает, кто поймет,
Сколь глубоки веков секреты?
Даже самый незнатный род
Вдаль уходит - к корням планеты...

1974

РУССКАЯ РУБАШКА

Ты не сделай, милая, промашку:
Галстуков мне модных не дари,
Подари мне лучше русскую рубашку
Цвета ясной утренней зари!

Верно, я не сделаюсь красивей,
Но, гордясь рубашкою своей,
Стану я как принято в России,
Проще, бесшабашней и смелей.

Жить так жить! Без робости и страху!
Обходных дорожек не искать!
В трудный час последнюю рубаху
Верному товарищу отдать!

А коль ворог, распроклятый ворог,
Оплетет коварной ворожбой,
Я рвану на той рубахе ворот
И - как воин! - в рукопашный бой!

Говорю вам, а на сердце тяжко
Милая серчает: брось чудить!
Подари, мол, русскую рубашку! -
А такой рубашки не купить.

Где-то втихаря определили,
Дескать, тем рубашкам вышел срок.
Всех нас поголовно обрядили
В среднеевропейский пиджачок.

Но ведь есть черкески с газырями,
Можно же в гуцулке щегольнуть!..
Отчего же вам перед друзьями
Русским узорочьем не блеснуть?

Мудрая Советская Отчизна!
Ты не верь, что недруги шипят:
Сроду никакого «шовинизма»
Русские рубашки не таят!

Ты не сделай, милая промашку:
Галстуков мне модных не дари,
Лучше сшей мне русскую рубашку
Цвета ясной утренней зари!

1968

РУССКИЕ БАНИ

Пускай не лгут про наш народ:
Какой он был «забитый»,
Как жил вдали от всех щедрот -
«Забытый» да «немытый»!..

Я от души напомнить рад,
Что мир - по всем преданьям -
Еще две тыщи лет назад
Дивился русским баням.

Хоть труден был у предков быт,
Хоть мало было денег,
Но искони в почете был
В народе банный веник!

Всяк путник удивлен был тем,
Как, распалясь, славяне,
«Не принуждаемы никем,
Секут себя прутьями!»

Поднесь у нас холсты белят,
Чтоб ярче были ткани,
И добела полы скоблят,
И жарко топят бани.

И, как исконная черта
Прямой души славянской,
Вошла навеки чистота
И в дом и в дух крестьянский.

РЫЦАРСКАЯ БАЛЛАДА

Взял в полон Брунгильду Зигфрид.
Привязал ее к седлу.
Борзый конь помчался вихрем,
Поскакал в седую мглу.

Небеса мутило вьюгой.
Над горами шли грома.
Над долиной Нибелунгов
Нависала ночи тьма.

Отдохнуть пора настала.
Вот - пещера меж камней,
И в нее герой усталый
Входит с пленницей своей

Ан ведь рыцарю негоже
Спать с чужою женою лечь,
И на каменное ложе
Он кладет булатный меч.

Быть вдвоем теперь не страшно,
Кровь не вспыхнет, клокоча,
Между ними, точно стража,
Сталь точеного меча.

Словно дети спали вместе,
Над постелью сон кружил,
И оградой женской чести
Меч тот рыцарский служил.

Сколько здесь добра и ласки!
Сталь остра. И честь крепка.
Не напрасно эти сказки
Долетели сквозь века.

СКАЗ О БОГАТЫРСКОЙ ОБИДЕ

Был у стольного Киева
Славный страж богатырь.
Силу мощной руки его
Знала буйная ширь!

Злые ханы не видели,
Чем унять молодца
Слали письма, чтоб выдали
Им того удальца.

Верно сведали вороги,
Как недружен наш люд,
Как порой нам не дороги
Те, кто нас берегут.

Крикуны середь города
Глотки начали драть!
Мы, мол, люди не гордые!
Можем парня отдать!

Мы, мол, силой богатые!
Отдадим одного!
Мы, мол, сами - богатыри!
Проживем без него!

Тут заступник Отечества
Приуныл, говоря:
«Хватит мне молодечество
Впредь растрачивать зря!..»

Помолясь богородице
У ворот городских,
Ехал он из околицы,
Мимо стен крепостных.

А навстречу из сутежи,
Вскинув луки туги,
Непроглядными тучами
Надвигались враги...

СЛАВА ВЕКОВ

Я думал о зле великом
О горестях давних дней
За что окрестили «игом»
Три века земли моей?
Неужто закрыло дымом
И Волгу, и Днепр, и Дон?
Неужто в краю родимом
Царили лишь боль да стон?
Да нешто - как птицы в клетке -
Томиться средь вражьей тьмы.
Смогли бы прямые предки
Таких удальцов, как мы?!
Мир помнит грозу тех ратей
И славу былых побед,
В которых гремел Евпатий,
Ослябя и Пересвет.
Да каждый курган над полем,
Да каждый валун седой -
Как памятник тем героям,
Что смело кидались в бой.
Чуть землю копнешь ногою -
То щит, то, глядишь, копье...
Здесь не было дня без боя!
Где «иго», Батый, твое?!
В том долгом кровавом споре,
Где гром, да вороний гам,
Ни Новгород, ни Поморье
Не отдали мы врагам!
И слава ласкала солнцем
Кольчуги и стремена,
И Невский громил тевтонцев
В те самые времена!
Три века над ширью русской,
В огнях и во тьме ночей
Набатом гремела рубка,
Звон сабель и стук мечей.
Досыта хлебнули лиха!
Пощады тут не проси!
А все ж никакого «ига»
Не ведали на Руси!

Не с тем чтобы силой хвастать,
А с тем, чтоб уйти от вранья.
Твержу я: вовеки рабства
Не знала земля моя!
И, стало быть, не годится
Порочить нам старину,
И есть у нас, чем гордиться,
За что прославлять страну!

1980

«СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ»
(шутка)

Ярится вешняя гроза,
Гремит над облаками.
Стегает красные леса
Лиловыми кнутами.

Сыскав приют в густом бору,
Уверены славяне:
- Чай, славно парится Перун
В своей небесной бане!

Славяне веруют в добро.
Они не знают страху.
Что гром?! Порожнее ведро
Перун швырнул с размаху.

А коли буря валит лес
И ливень месит глину,
Так это просто бог Велес
Перуну мылит спину!..

СЛАВЯНСКИЙ МЕЧ

Как повествует Летописец Нестор,
Зело был дивен стольный Киев-град.
На ту красу, на то святое место
Позарился Хазарский каганат.

Смышлен Народ у нас в краю родимом.
- Платите дань! - Хазары молвят речь.
Дала им Русь чуть подчерненный дымом,
Каленый в битвах двухлезвийный меч.

Хазарский вождь взял русский меч булатный,
Принес на суд советникам своим.
И, словно над загадкой неразгадной,
Старейшины задумались над ним.
И так рекли: - У нашей сабли грозной
Клинок точен с одной лишь стороны,
А меч славянский - обоюдоострый!..
Нам страшен гнев суровой сей страны!
Языческой Руси стальная сила
Сметала тех, кто шел на нас, грозя.

Как пишет Нестор - так оно и было.
«И тут ни слова вычеркнуть нельзя».

СЛОВО

У наших предков, у славян
Меж дел великого значенья
Всегда к речениям, к словам
Жило особое почтенье.

В те годы, кто хотел любить,
Молился слову, словно чуду:
Ведь словом можно «присушить»
И можно напустить «остуду».

Скажи: «Умри!» - и враг умрет.
Скажи: «Живи!» - он встанет хрупко
В быту и в битве знал народ,
Что в слове скрыт двойник поступка.

От тех времен, от тех племен
Дошли к нам дивные творенья,
Где что ни строчка - то закон,
И что ни слово - откровенье!

Я тем большим словам учусь,
Когда колдую над стихами;
Я как предателей страшусь
Слов, разминувшихся с делами.

СПОРЫ О ВКУСАХ

Поскольку Константин Аксаков
Был ревностный славянофил,
Он вместо сюртуков да фраков
Армяк и мурмолку носил.

Шел давний спор о двух культурах,
И каждый «западный» журнал
В насмешливых карикатурах
Аксакова изображал.

Кажись бы, нет причин ругаться:
Кому что любо - то носи!
Но слишком вкусы иностранцев
Высоко ценят на Руси.

И вот московский полицмейстер
Велел Аксакова призвать,
Грозил сбрить бороду на месте
Армяк и мурмолку изъять!..

Видать давно уж знали прежде,
Что пыл народа не потух,
Что даже в малости - в одежде -
И то опасен русский дух.

У ТРОИЦЫ

Жаль мне если вы не видели
В миг, когда спадает мгла,
Как на Троицкой обители
Полыхают купола!

И как зорями узоря их,
Солнце виснет на зубцах,
Разливаясь на лазоревых
Муравленых израсцах.

До чего же город сказочный!
То ль из камня он сложен,
То ли просто кистью красочной
На холсте изображен?

Не гадая в рай пристроиться,
Не спасаясь у креста,
Я живу в соседстве с Троицей,
Потому что - Красота!

Часто где-нибудь на лекции
Слышим мы, разиня рты,
Дескать, только в древней Греции
Знались с культом Красоты.

Ан и Русь, пожалуй, тоже ведь,
Целя церкви в высоту,
Поревнивей культа божьего
Почитала Красоту!

ХЛЕБ

В кафе, где стены с зеркалами,
Где грохот джаза дразнит плоть,
В углу валялся под ногами
Ржаной поджаристый ломоть...

Корить кого-нибудь нелепо
За то, что мир разбогател
И что кусок ржаного хлеба
Никто поднять не захотел.

Но мне тот хлеб, ржаной, «немодный»,
С обидой тихо проворчал:
«Забыли, чай, как в год голодный
Я всю Россию выручал?!

Когда война в дома ломилась,
И черный ветер мел золу,
Тогда небось во сне не снилось,
Чтоб хлеб валялся на полу!

Добро, что люди сыты ныне,
Что столько праздничных судеб.
Но, как заветные святыни,
Нельзя ронять на землю хлеб».

Я протянул поспешно руку
И подобрал ржаной кусок -
Как поскользнувшемуся другу
Подняться на ноги помог.

1972

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Мне говорят: Забудь, мол, старину,
Ведь ты поэт - сегодняшний, советский! -
А я рукой на критиков махну,
И еду снова в Переславль-Залесский!

Сей древний город славу перенял
От златоглавых киевских нагорий.
Он Александра Невского нам дал,
Он подарил Петру мечты о море!

Таков же точно Суздаль и Ростов,
И Новгород - боец тысячелетний.
Есть много русских сел и городов,
Где чувство Родины - острее и заметней!

То чувство забывать нам не велит
Ни о далеком вече, ни о близком,
Оно курганы древние роднит
С теперешним солдатским обелиском.

Когда за модой гонится поэт,
А прошлое чернит и критикует,
Я знаю - чувства Родины в нем нет!
Он без гнезда - кукушкою кукует!

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Светлане

В осенней чаще
Осенний, полусонный лес,
С его еланями пустыми,
Как заколдованный дворец,
Стоит в морозной паутине.
Уже в нем нет ни пикников,
Ни медных струн, ни птичьих свистов,
Ни молчаливых грибников,
Ни разухабистых туристов.
Когда пусты в лесу кусты
И лес ничем не угощает,
Его «ненужной» красоты
Почти никто не замечает...
А я люблю сквозь глушь брести.
Здесь всякий раз идешь, не зная,
Какая тайна впереди
И чем одарит даль лесная.
Чуть слышно гаечки* поют.
На дубе бронзовеет крона.

Почти как птица Гамаюн
Вещует сизая ворона.
Вот белка, сделав хитрый ход,
За ветку спряталась, помешкав,
И кажется, как будто ждет
Заветных золотых орешков,
Из бора тянет холодком.
Знакомое лесное озеро
Слегка подернулось ледком
И листья лилий приморозило.
Вглядись в стеклянный этот сад -
И встанет, как в волшебном зеркале,
Какой-то дивный древний град,
Коньки на кровлях - с пересверками...

Хоровод
Когда-то здесь, в краю родном,
В лесу дремучем и густом,

* Гаечка - маленькая синичка

Злат терем княжеский стоял
И всех соседей удивлял.
Был терем рублен из сосны,
С крылечком в столбиках точеных.
Полы вощеные чисты,
Верхи - в чешуйках золоченых.

Неписанных Преданий вязь
Гласит, по уточнив по числам,
Мол, жил тут древле строгий князь
И звали князя Родомыслом.
Но тот бы князь не князем был,
Когда бы он весенней ранью
Не задавал веселый пир,
Зазвонистое столованье.

Вот всю округу соберет,
Раскинет брашна пред гостями -
И вяжет песни хоровод
Затейливыми кружевами.

Пошли молодцы гулять,
Красных девиц выбирать.

Уж я выберу красу,
Черно-русую косу,

Милонравную душой
Да пригожую собой.

Как в старину умели петь!
Как не ломливо танцевали!
Уж нам такого не суметь:
Забыли, зрителями стали.
И не с того ль мы столько пьем,
Порой скандалим при народе,
Что сами так уж не поем,
Как пели в русском хороводе?!

Удал речистых гуслей гуд,
А пальцы прядают по струнам -
Как гуси-лебеди плывут
По голубым озерным струям.

Гусляр искусен и горласт,
С кудрями, словно хмель, густыми.
Весь мир прославить он горазд,
И Мирослав он носит имя.
Всех в круг мелодия свела.
Чуть-чуть свирели подпевают.
«Купцы» гуляют вдоль стола,
«Красны товары» выбирают:

Я тебя, Авдотьюшка, да не силой брал,
Я тебя, Авдотьюшка, лаской выбирал,
У твово у батюшки сватался,
У твоей у матушки кланялся!

Застенчиво, не торопясь,
Из круга девица выходит
И, белой ручкой заслонясь,
С «купцом» искусный «торг» заводит:

- Из-за леса, леса темного,
Ясен сокол вылетает,
Ясен сокол вылетает,
Белу лебедь выкликает.
«Ясен сокол, я бы вышла.
Нету шубки у меня.
Нету шубки штофяной.
Душегрейки парчевой».

Все ждут: не вышел бы обман.
Храня подружку, встали около:
- Не льстись, душа, на синь кафтан,
А льстись душа, на ясна сокола.

- Не кручинься, бела лебедь,
Коли крепко полюблю,
Коли крепко полюблю,
Шубку новую куплю,
В косу ленту алую
Подарю, пожалую!

Смех. Шум, румянец у девчат.
Бегут, натешась хороводом,

Цветные пряники едят
Да запивают пьяным медом.
А мед на ягодах варен,
А пряники в словах-узорах:
«Сей коржик милому дарен»,
«Не коржик мил - подарок дорог».
А у крылечка с петушком
Не утки-говорухи крячут -
Сошлися маменьки кружком.
О дочках, о сынках судачат.
Промежду них родная мать
С тоской глядит на Мирослава:
«Вишь, не устанет горло драть,
Всё для него игра-забава!»
Давно родимице его
Без внуков ласковых случалось,
Желала сына своего
Женить. Ан все не получалось.
Беспутный сын - господь, прости -
С гуслярской славою извечной
У многих девок был в чести,
Да не имел любви сердечной.
«Успею! - думал Мирослав. -
Чай, теста в спешке не замесишь.
Жена не гусли - поиграв
Ее на стенку не повесишь!»

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

Вот перед кметями гордясь
(«Пусть видят птицу по полету!»),
С вальяжной свитой едет князь
На соколиную охоту.
Кафтан на князе, как огонь,
Пылает алым аксамитом,
Лебяжьей шеей крутит конь
И бьет серебряным копытом.
Еще не расточилась мгла,
Но все спешат. Азарт на лицах
И, словно свечи, сокола
Колышутся на рукавицах.
И ради княжеских забав.
Промеж других, в молчанье строгом
Рысит унылый Мирослав
С колчаном, с гуслями и рогом...

Вот, словно легкий дым, летуч,
Красив, как сказочная небыть,
Под черной гарью хмурых туч
Поплыл но небу белый лебедь.
Вмиг сокол спущен. Мчит стрелой?
Как будто в снег плеснули деготь.
Р-раз! И под левое крыло
Вонзает свой отлетный коготь!
Картавый хищник чертит круг,
Парит над падью вековою,
А лебедь падает на луг,
Как карта, битая другою.

Горит весельем княжий взор:
- А ну, живей сыщите птицу! -
Сокольник в лес во весь опор
Сквозь ветви слипшиеся мчится.
Среди чащобы росный луг,
Людьми забытая опушка,
И там - невесть откуда вдруг -
Резная темная избушка.
Хозяйка встала на крыльце,
Оправлен жемчугом кокошник.

И столько дивного в лице,
Что ввек не выразит художник.
«Так это, верно, дочь волхва,
Лесная знахарка Снежана,
О ком давно плетет молва
Узоры мутного тумана?!»
Бела, пригожиста лицом.
Коса ромашками увита.
Живет в избе, в краю лесном,
А словно с золота умыта!
Гость подольститься норовит,
Гордясь расшитою одеждой.
Но у хозяйки строгий вид:
Не тешься глупою надеждой!
В глазах гроза: не подходи!
Заносчивая северянка.
Стоит, молчит, прижав к груди
Больного лебедя-подранка.

- Отдай добычу, госпожа! -
Сокольник молвит ей с поклоном.
А та в ответ - острей ножа:
- Кто ж лебедей дарит воронам?
- Добро! - глаголет, осердясь,
Ловец. - Тут наши недалеко!
Гляди: сейчас нагрянет князь.
Уж не ворона - верный сокол!
Смеется, светлая, как луч,
И так с улыбкой отвечает:
- Я верю: сокол твой могуч,
Ан выше солнца не летает!
Сама все шепчет, наклонясь
Над бедной птицею подбитой.
А тут как раз - и вот он, князь,
Со всей своей вальяжной свитой.
Сурово князь на всех глядит,
Как будто бы корят измену,
Каурый конь под ним кипит
И с морды стряхивает пену.
Вдруг видит Родомысл: идет
С крыльца красавица девица,
Неспешно лебедя несет
И молвить слово не боится:

- Здесь, князь, угожие места,
И я твоей удаче рада.
Но ведь нужна и красота!
И убивать ее не надо!
Ты сокола метнул копьем,
Рука по цели метко била.
А я искусница в другом:
Больную птицу исцелила.

Тут у кудесницы в руках
Подбитый лебедь оживает,
Летит и в белых облаках,
Как белый призрак, исчезает.
По лицам тени пролегли:
- Чур, чур меня! Толико чудо!
- Мы, князь. на ведьму набрели,
Вертай по-доброму отсюда!
Известно: с ведьмой не шути!
Князь кликнул - цокнули копыта!
Подальше ноги унести
Спешит испуганная свита.
И только лишь один гусляр
Застыл на месте как прикован:
То ль не боится черных чар,
То ль уж навеки зачарован?
Он не спешит. Куда спешить?
Рукой от прочих отмахнулся.
Когда бы сокол промахнулся?
Весь век такую он искал.
Ему в ней все повадки любы.
Как мимо конь не проскакал?
Гусляр коня целует в губы!
Меж тем, к крыльцу направив шаг,
Хозяйка кланяется низко:
- Прощай! Я слышу гул в ушах,
Спеши домой: гроза, чай, близко!

ПЕРУНОВЫ СТРЕЛЫ

Нет, не таков был тот гусляр,
Чтобы грозой его сразило,
Чтоб вспыхнувший в душе пожар
Весенним ливнем загасило.
Укрылся за ракитов куст,
Глядит, как на небе темнеет,
И слышит как от новых чувств
Незримо песня в сердце зреет.
А тут - на страх! - как грянет гром,
Как хлынут синие зигзаги!
Аж до конька потрясся дом,
Как трус в опасной передряге.
А вслед еще сильней удар
Рванул над самой головою,
И воздух, как густой угар,
Запах паленою травою.

Снежана вихрем из дверей -
И в лес. Как будто на свиданье!
А Мирослав тайком - за ней,
Как следопыт за быстрой ланью
Бегут под ураганный рев.
Вот вдруг поляна под ветвями.
На той поляне бог громов
Перун стоит, грозя очами.
У ног его лежит тропа
Языческого богомолья.
Зверей убитых черепа
Пред ним нанизаны на колья.
Еще подальше, там, где лес
До дна окутал сумрак мертвый,
Вздымает посох бог Велес,
Хранитель стад, с собачьей мордой.
И рядом с ним, в краю берлог,
Среди замшелых великанов,
Видны Ярила и Дажбог
И много прочих истуканов.

Весь лес объяла темнота.
Деревья головы пригнули.

А клочья туч - как борода
Бушующего бога бури.
Зловещий грохот все лютей.
Все пуще молния ярится.
Но все приветной и светлей
Перуна преданная жрица.
Не пряча обуявших чувств,
Куда-то ввысь глядится зорко,
И прямо сами рвутся с уст
Молитвы, полные восторга:

- Перун! Ты грозен и могуч!
Как меч, твои блистают очи.
Ты одолитель черных туч.
Один властитель дня и ночи.
Твой шлем зарею золочен
И звездным жемчугом обвязан.
Ты облаками облачен
И молниями опоясан.
Хвала громам твоим Перун!
Ты одаряешь мать-природу,
И каждый цветик поутру
Дивится новому восходу!

Как будто с другом давних дней
Снежана речь держала с громом,
И лес, гудящий до корней,
Был для нее родимым, домом.
А ливень, плотный, как стена.
Одежду напластал на тело;
Гусляр увидел: как стройна
Прекрасная лесная дева!
Он молча ждал и ликовал
И не спешил в свою светлицу,
Он втайне к богу ревновал
Его прекраснейшую жрицу.

Но вот, почуяв чей-то взгляд,
Снежала гневно обернулась,
И был тот взгляд как черный яд,
Как будто в ней змея проснулась.
Гремучей гул прошел в бору.

Когда она вдруг закричала
- Перун! Скорее вынь, Перун,
Калены стрелы из колчана!
Сразу бесстыдника! - И вмиг,
Вложив в удар всю божью злобу,
Пронесся гром. И тонкой крик
Потряс угрюмую чащобу.
Упало дерево. Под ним
Снежана в мох лицом уткнулась.
Закон небес непостижим:
Стрела Перуна промахнулась!
Гусляр впервой изведал страх
За все, что он невольно сделал.
Он осторожно на руках
Понес домой лесную деву...

ДОМ ВОЛХВА

В тот заповедный дом волхва
Ничья нога ступать не смела.
Он видит: вещая сова
В углу на колышке присела.
Оскалясь, смотрят черепа,
На поставце дымятся травы.
Глазища черного кота,
Как очи лешего, лукавы.
Здесь от людей ведун укрыл
Все чернокнижье всех столетий:
«Вороноград» и «Шестокрыл»,
И «Остромий», и «Звездочетьи».
Здесь старый волхв читал, писал.
Рыбачил, бортничал, знахарил;
И все, что мог, и все, что знал,
В наследство дочери оставил.
Но не предвидел звездочет:
Лишь восемь лун пройдет по кругу -
Чужой, незваный гость войдет
В его священную лачугу...

Утихла буйная гроза.
Луч солнца выплыл белой рыбкой.
Застенчиво открыв глаза,
Снежана молвила с улыбкой:
- Прости, гусляр, мне те слова.
Что я в сердцах в тебя метнула.
Клялась я: быть, пока жива.
Невестой грозного Перуна.
Но говорят, что рокот струн
Серебряней лесного снега.
Сильней, чем яростный Перун,
Звончей, чем гром, гремящий с неба.
Ты в руки гусельки возьми.
Аль верно: звука нет чудесней?
Так даром сердце не томи,
Потешь своей веселой песней!
Он пел для князя на пирах,
Для красных девок в новолунье,

Для добрых молодцев в боях.
Чего ж не спеть и для колдуньи?

- Покатись, зерно, по бархату,
Покатись, зерно, по чистому,
Прикатись, зерно, ко яхонту,
Прикатися ко бурмистому.
Что окатный жемчуг с яхонтом -
Добрый молодец с подруженькой.
Две красы навстречу тянутся,
Обоймутся - не расстанутся...

Та песня сладкая как мед,
От слов ее в душе истома.
Зачем Снежана слезы льет?
Ей это было незнакомо.
- Гусляр, ты сам колдун, видать:
Начнешь словами узорочить -
Сумеешь душу обаять,
Заворожить да заморочить!

Меж тем на струганом столе
Раскрылась скатерть-самобранка:
Сыта во фряжском хрустале,
Печатных пряников вязанка,
Неколотых орешков горсть -
Дары угодия лесного...
- Не погордись, любезный гость,
Отведай хмеля золотого.

С потайкой кованый кувшин:
Хозяйка повела глазами -
И струи притаманных вин
В хазарский кубок льются сами.
Но пуще вин - ее слова,
Журчащие духмяным соком:
- Как долго я тебя ждала,
Мой ненаглядный, ясный сокол!

Уж Мирослав от бражных струй
Совсем теряет нить раздумья...

Ну что ж! Чаруй его, чаруй,
Зеленоглазая колдунья!
И пусть все духи черных книг,
Все легионы силы злобной
С законной завистью на них
Глядят из тьмы своей загробной.

ГУСЛЯРСКИЕ ПЕСНИ

В ту ночь до утренней зари
Струна звенела и жужжала.
- Ну, говори же, говори! -
Шептала гусляру Снежана.
Немало было у певца
Былин, припевок да побасок,
Он словно сыпал из ларца
Хрустящий сахар русских сказок.
Должно быть, их кудрявый Лель
Наплел ему своей свирелью,
Седая бабушка метель
Набаяла над колыбелью.
Должно быть, в тишине полян
Зимой, в морозные сутёмки,
Озябший синеокий Пан
Их щедро вынул из котомки?
А может быть, родной народ,
Крепя связующее братство,
Из века в век, из рода в род
Копил те песни, как богатство?
Бывало: чуть прибудет день -
Все мчатся в рощи без оглядки,
И веселят лесную сень
Скороговорные колядки.
Пурга завалы нагребет,
Деревья - ровно дым бродячий.
Недобрый дух луну скрадет.
Лежать бы на печи горячей.
Да где там! Гул стоит в лесах!
«Хоронят золото», гадают,
И с песней в хрупких зеркалах
Невесты счастье выглядают...
Когда же снежные холмы
Пурга сметает на задворки,
Морену, чудище зимы,
Славяне жгут на красной горке.
Тут для блинов законный срок,

Летают сани расписные,
На речке
снежный городок

Воюют всадники лихие.
Выходят окликать весну,
Дивятся на игранье солнца,
И гулко в голубом лесу
«Веснянка» звонкая поется.
Пахать поля придет черед,
Пасется скот под сенью леса,
И тут не молкнет хоровод
В честь бога пастуха Велеса,
А следом праздники опять:
Спешит русальная неделя -
Тут надо предков поминать,
Венками украшать деревья.
А перед самою страдой -
Восторг и страх купальской ночи,
И вновь за пляской, за игрой
Славяне не смыкают очи.

Как про тот народ
Слово молвится:
Вся душа поет
В добром молодце!
Он и спать идет
Все играючи,
Поутру встает
Припеваючи...

ЗАГОВОР НА ОСТУДУ

- Ты, сын, куда? Ин скоро ночь!
В глазах у матушки тревога.
А сын - в седло и мигом - прочь,
Как ветер, баловень Стрибога.
«Вишь, в девках не сыскал жены,
В глухом раменье заблудился
Да поверстался в колдуны,
С проклятой ведьмой покумился».

Дошел до матушки рассказ,
Как эта ведьма с ловкой прытью
У змей ползучих промеж глаз
Иглу продергивает с нитью,
Как по ночам над нитью той
Заклятье тайное свершает
И травку с черной сухотой
В одежду гостю подшивает.
Да это что! Твердят о ней:
Когда всю ночь гроза ярится,
Влетает к ней Огневый Змей
И добрым молодцем рядится.
Едва приникнет - истомит,
И страх, и стыд в огне утопит,
Уста речами усладит,
В меду и в сахаре растопит.
Ох, люто ведьма поутру
По Змею своему тоскует,
И кто приблазнится в бору -
В пылу до смерти зацелует...
А тут еще суровый князь,
Блюдя святую верность богу,
На ведьму шибко осердясь,
Нагнал на матушку тревогу.
Сказал князь: - Ты ведь, мать, стара,
Тебе, седая, надо знать бы:
Вовек не будет вам добра
От этой окаянной свадьбы.
Чтоб сына не покрыл позор,
Чтоб мать не плакалась о сыне,
Забудьте путь в дремучий бор,
Не лезьте в пасть нечистой силе!

Послушал Мирослав - да в лес.
Напрасно старый князь старался:
Ну где ж, когда, какой певец
Державной воле покорялся?!
Князь не велит. А что ему?
Как пожелает - так воротит:
Сам больший-набольший в дому,
Никто ужо не укоротит!
Снедает матушку печаль:
Как быть, что делать ей - не знает.
По совести, и сына жаль:
Любовь, чай, сердце выбирает.

Подходит ночь, а мать не спит,
Ей мнится топкая трясина,
Где ведьма с жадностью когтит
Истерзанное тело сына.
В сердцах родимица клянет
Колдунью в капище сосновом
И крепкий заговор кладет
Старинным отворотным словом:

- Ты послушай меня, заря-заряница
Ты послушай меня, земля сырая,
Вы послушайте меня, леса дремучие
Ветры буйные, пески сыпучие!
Заговариваю я своево дитятку
Над своею фатою брачною,
Над своею парчой венчальною,
Над свечою обручальною...
Умывала я сыну лицо чистое,
Утирала убрусом узорчатым
Чело думное, очи ясные,
Уста сахарные, ланиты красные.
Будь ты, дитятко мое ненаглядное,
Ровно солнышко незакатное,
Будь лицом белей воску ярого,
А румянцем алей цветка алого.
Будь ты, родный мой, в ночи, в полуночи
Сбережен в пути, во дороженьке
От лесного гада от хищного,
От чужого взгляда от хитрого.

А как станет злая кикимора
Звать, манить тебя в свое урочище,
Пусть за все ее злое ворожество
Разольется у ней по телу неугожество!
Чтоб иссохла вся!
Чтоб не пила, не ела бы,
Чтоб своею красотою омерзела бы!
Чтоб пропасть ей в болотной тине,
В черной топи, в мельничной плотине!
Чтоб вампиры ее в цепи заковали,
Чтоб замкнули за семьюдесятью замками!

Как быстра река Волга разливается,
Так пески с песками размываются,
Как лазорев день со тьмой не сходятся,
Так пусть сын от злой колдуньи отворотится!
На море, на океяне, на острове Буяне
Бел, горюч камень Алатырь лежит,
Мое слово крепкое замком сторожит,
Кто с места камень плечом столкнет,
Тот мое слово ключом отомкнет!

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ

Уже весь бор пошел темнеть.
Скакун летит, не зная плети.
Густая липовая цветь
Спадает всаднику на плечи.
Зеленым золотом закат
Окрасил тонкие осинки.
Лучи, как копья, тьму разят,
Роса искрится в паутинке.
Он мчит сквозь ельник, напролом,
Колючих лап не замечает.
Меж чернолесья тихий дом,
Как давний друг, его встречает.
- Земной поклон тебе, мой гость,
Добро пожаловать, родимый.
И он, забыв про княжью злость,
Как повилика, льнет к любимой.
Чай, не ждала?
Не угадал.
Сороки уж давно вещуют.
Да кот, вишь, гостя намывал:
Земные твари всё учуют.

Снежана в праздничном венке,
В ресницах спрятанная ласка,
На белом платье, на руке -
Из белых лилий опояска.
- Мой друг, все папоротников цвет
Идут искать купальской ночью;
Пойдем и мы стеречь рассвет,
Ты много див узришь воочью!
Они идут глухой тропой
В туман, в кочкарники и мшары,
И лес встает живой толпой,
Стряхнувшей ведовские чары.
Там глушь орехами полна,
А ягод не собрать и в два года,
Там винна ягода пьяна
И ядовита волчья ягода.
Там за дремучею стеной,
Куда никто не кинет взоры,
Есть темный дол с разрыв-травой,

Той, что срывает все затворы,
Там мгла таит игрень-траву,
От коей в жилах кровь играет,
А пуще одолень-траву,
Что всякий вред одолевает.
Там липы гульбища ведут,
Березки кудри завивают,
Девичьи присказки плетут,
К себе Купалу закликают:

«Купала, Купала,
Дай клады открыть,
Хочу я, Купала,
Счастье купить!»

С рассвета лето вниз пойдет,
А нынче все на высшей грани,
Ин папоротник впрямь цветет,
И цвет его горяч, как пламя.
Ты с ним любой отыщешь клад,
Да сам он нелегко дается.
Смотри: не оглянись назад -
От страха сердце оборвется.
Маячат, манят огоньки
В кустах то дальних, а то ближних,
Но ускользает от руки
Неуловимый кочедыжник.
Звенит, аукается лес,
Там парни с девками играют,
С разбегу (что за интерес?)
Через огонь костров сигают.
Аж кровь кипит! Не молкнет визг.
Резвятся, тешатся до зорьки.
Под песни обруч гонят вниз -
Как будто солнце катят с горки.

Порой гусляр с подружкой вдруг
Затеют салочки иль прятки,
Снежана в чащу во весь дух,
Как лань, умчится без оглядки.
Он все кусты обрыщет зря.
Глядь - как из-под земли явилась!
Где ж ты была?

Да близ тебя.
Березкою оборотилась.

Все было грезой или сном
Святой купальской ночью жаркой!
Купаясь в озере лесном,
Снежана чудилась русалкой.
Притихнет, сядет на откос,
И греет плечи в лунном свете,
И пряди шелковых волос
Распутывает, будто сети.
И начинает волховать,
Ночными чарами узорить,
Разнеживать да волновать,
Заманивать да миловзорить.

Вокруг томительная ночь,
Ярилин плеск в озерных струях,
Что стоит робость превозмочь -
И захлебнуться в поцелуях!
И после помнить до седин,
Как нежно вздрагивало тело,
Как взор таинственно светил
И снизка жемчуга блестела...

В тот век языческих страстей
Все людям музыкой звучало,
Земля сама своих детей
В цветочных венчиках венчала.
Но кто с преданьями знаком,
Тот помнит голос чести строгой:
Среди славянок жил закон -
Чтоб быть до свадьбы недотрогой.
Коль любишь, милую храни!
Хоть и густы кругом деревья,
Смотри в пылу не обмани
Ее девичьего доверья!

Чуть утомятся от игры,
Снежана скажет: - Спи, мой сокол!
Нарвет заветной сон-травы
И усыпит духмяным соком.

И спят, как лебеди, вдвоем,
Как два крыла, как Лад и Лада.
Зеленый лес им добрый дом,
И больше ничего не надо.
Причудлив сон на свежем мху,
Над ними Млечный Путь клубится,
Луна навстречу жениху
Спешит в алмазной колеснице;
Ретив коней могучих пыл,
Но перед ликом солнца тает,
И звезд серебряная пыль
На шапки сосен опадает...

БЕРЕЗКА

Не с моря буйная вода,
Не с неба огненная туча,
Напала на любовь беда,
Завистлива и неминуча...
Однажды князь повел на рать
Свою хоробрую дружину.
Гусляр велел любимой ждать
Да гнать с души тоску-кручину.
Минуло уж немало дней.
Томит Снежану грусть-отрава.
Как вдруг старушка входит к ней -
Родительница Мирослава.
Робея, девушка встает,
Глядит на матушку с волненьем,
А та ей руку подает
С приветным, дружеским почтеньем,
В уста целует от души,
Речь молвит с кротостью честною:
А ну-ка, дочка, покажи,
Свое житье-бытье лесное!
Доверясь матушке вполне,
Снежана отвечает с лаской:
В бору, как будто бы во сне,
Перемешалась быль со сказкой.
Пойдем со мной, посмотришь лес,
Он много дивного расскажет
И много спрятанных чудес
С великой щедростью покажет.

Притих дремучий шум древес,
Как будто сном его сморило,
Как будто собственный дворец
Ключом хозяйка отворила.
Резные дверцы у дворца -
Из клена, дуба да рябины,
А дальше нет дарам конца:
Ковры, алмазы да рубины.
Не Страшен нелюдимый путь...

Вот гостья ластится к Снежане:
- Ска-жи-ка, дочка, аль ничуть
Не жутко в этой глухомани?
А той вольготно меж ветвей,
Ей все здесь близкое, родное:
- Кого ж пугаться-то? Зверей?
Они давно дружны со мною!
В природе много волшебства.
Вот захочу: тряхну прической,
Шепну заветные слова -
И белой обернусь березкой!

Старушка молвит: - Обернись
Березкой! Дай взглянуть на диво!
Да только вновь назад вернись,
Как есть, разумна и красива.
- Не бойся, не тревожься, мать,
Я лишь на миг с тобой расстанусь.
Вот если веточку сломать -
Навеки деревцем останусь!

Властительно нахмурив лоб,
Снежана что-то зашептала,
И вдруг промеж двух узких троп
Березка тоненькая встала.
Стоит, качает головой,
Как будто девица хохочет,
И кучерявою листвой
Слова чуть слышные бормочет.
Быть может, это был обман,
Пустой кудеснический морок,
Быть может, призрачный туман
Застыл у матушки во взорах?
Старушка ахнула, платок
Из рук на землю обронила
И хрупкий, маленький сучок
Как бы случайно обломила...

О, кто бы слышал, что за стон
Пронесся по зеленой чаще

И как ему со всех сторон
Ответил гулом лес шумящий!
А голубые небеса
Вдруг затянуло облаками,
И неутешная гроза
Всю землю залила слезами!

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДАНИЕ

Вновь вешний дождь по насту льет,
Снега сжимаются белесы,
И в светлом мире настает
Славянский праздник - День березы.
Вновь хоровод сплетает нить,
Играют гусельки-певуньи.
Но гусляру не позабыть
Его красавицы колдуньи.
Все оказалось горьким сном...
Когда вернулись из похода,
Гусляр не смог найти тот дом,
Что был для сердца слаще меда.
Напрасно он Снежану звал,
В ответ любая бы примчалась,
Но лишь одна плакун-трава
Ему печально отзывалась...
Теперь не тот у гуслей гуд,
И пальцы не летят по струнам,
Не гуси-лебеди плывут
По голубым озерным струям.
Все струны стиснула печаль,
Не ждать от них веселой речи,
Уносят гусли мысли вдаль,
К далеким дням счастливой встречи...

- Ну полно! Праздник не губи! -
Князь гусляру грозит очами.-
Поди-ка, милый друг, сруби
В лесу березку покурчавей.
Пусть отроки березкин ствол
Борзо отешут топорами
Да пусть украсят княжий стол
Ее душистыми ветвями!

Вот Мирослав сквозь глушь бредет,
Вот видит: молода, неброска,
Над тихой росстанью растет
Прямая, тонкая березка.
Вот он свой харалужный меч

Выпрастывает вон из ножен
И хочет деревце подсечь,
Свалить на землю с белых ножек.
И вдруг - как будто бы слова
Звучат сквозь шум листвы унылой:
- Мой милый, я еще жива.
Не убивай меня, мой милый!
И падают к его ногам
С ветвей склонившейся березы
Не то росинки-жемчуга,
Не то девические слезы...

Наверно, все пустой обман,
Но шла молва в том поколенье,
Как он березку обнимал,
Как целовал у ней колени.
А в это время грянул гром.
По лесу буйный вихрь промчался.
И с той минуты с гусляром
Никто уж больше не встречался.
Не то он заплутал в бору,
Не то в чарусы провалился,
Не то разгневанный Перун
Огнем за жрицу расплатился?!
А есть еще и слух о том,
Что будто бы у перекрестка
Нежданно вырос стройный клен
В обнимку с тонкою березкой.
Чуть клен листвою зашумит,
Прохожие твердят в раздумье:
- Гусляр с подружкой говорит,
Прощенья просит у колдуньи...

Я сам порой, когда в лесу
Увижу клен с березкой рядом,
Сквозь непривычную слезу
Смотрю на них печальным взглядом.
Бывает иногда: закат
Лучи прощальные расстелит,
И близко на земле лежат
Их перепутанные тени.

Как будто две родных души
В разлуке много бед хлебнули,
Потом друг друга вновь нашли
И успокоенно уснули.

МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ

I

Два дня пели стрелы над полем,
Два дня мок от крови ковыль,
На третий - пылающим полднем
Все стяги попадали в пыль.
Деревья поникли плачевно,
От боли трава полегла,
И высадил князя кочевник
Прочь из золотого седла!
Хлебнувший беды из Каялы,
Князь еле удерживал стон,
Пока половчин окаянный
Тащил его в тяжкий полон.
Над зыбью чужих побережий
Пластались тени орлов,
Ползли половецкие вежи -
Как шлемы с огромных голов.
И таяла Русь за холмами,
Тускнели зарниц огоньки,
И дни протекали за днями -
Как мутные волны реки...
Напрасно коня дать любого
Сулил ему хитрый Кончак -
Князь взвешивал ханское слово
И сплевывал: - Как бы не так!
«Уж лучше поганые черти,
Убейте «раба» своего,
Но сделаться пленником чести
Никто не заставит его!» -
Князь Игорь кривился усмешкой:
- Ты, хан, за конями следи!
Не то своей волчьей побежкой
Меня не изловишь поди! -
Кончак же оскаливал зубы,
Смеясь, мол, крепка его сеть!
- Ты ранен, орел вольнолюбый,
Не можно тебе улететь! -
Ох, хан не скупился на «ласки»:
- Зачем ты, батыр, так суров?
Пойдем - половецкие пляски
Посмотришь у наших костров!..

Но, разве же Игорю - в радость
Разбуженный бубном простор?
В неволе душа надрывалась
От скорби за отчий простор.
Он знал, что по нивам, по жатвам,
По стогнам уделов родных
Гнедым огнегривым пожаром
Мчат орды кащеев степных.
Забывши о собственной ране,
Князь думал про дев и про жен,
Которых в собачьем аркане
Сейчас угоняли в полон.
Как призрак уныл и бескровен,
Гадая, чем дух укрепить,
Твердил он: «Я в том не виновен!
Я тщился удар упредить!
Кто ж ведал, что эдак бесславно
Паду я как сокол в петле,
Что лада моя Ярославна
Зегзицей заплачет во мгле?!»

II

Знал Игорь Моравы и греки -
Все его нынче корят;
Мол, скинул он золото в реки
Сгубил свой могучий отряд!
Корят, что, забыв про затмение,
Повел он на битву людей
Отринув знамение Бога
«За-ради корысти своей!»
Ох, тяжки такие наветы,
Да нешто б он поднял свой стяг,
Когда б не чинили набеги
Ни Гзак, ни Кончак, ни Кобак.
Чай он-то по тропам их волчьим
Совсем не за данью ходил!
Он ихним цветным узорочьем
Мосты по болотам мостил,
И нес он святые хоругви -
За Русь, за свободу, за дом.
Решаясь погибнуть с оружьем,
Но только б не зваться рабом!

Ан, видно по норову людям
Кого-то корить и карать!
Чем сможет он будущим судьям
Безвинность свою доказать?!

III

Ни солнцу, ни полю, ни лесу
Не дорог был Игорев зов.
Тогда-то воззвал он к Велесу
К исконному богу певцов.
Он понял, никто не расскажет
Про то, что он сам повидал.
Никто за него не докажет,
Что он не напрасно страдал!
И - вроде гудца удалого,
С кем часто певал на веку, -
Он начал слагать свое «Слово» -
О павшем в походе полку.
В запале твердил он, как пьяный
- Уж я вам былину спою!
Вовек никакие Бояны
Не спутают песню мою!
Нелепо ль к такому напеву
Прикрасы узорить шитьем
Да вчуже по мысленну древу
Порхать молодым соловьем?
Не гусельным рокотом ладным
Свяжу я в той песне слова.
Сварю их железом укладным!
Держись на плечах голова!
Перун разрази меня, если
Мне дорог тут славы венец!
Нет, песнь моя будет - не песня,
А яростный меч-кладенец!
И в час, когда горе настанет
В родном моем русском краю,
Пусть каждый для битвы достанет
Каленую песню мою!
И пусть она стягом взовьется
И душу покличет в зенит!
И в блеске кольчуг отзовется!
И в звоне мечей прозвенит!

IV

Доколе князь Игорь как узник,
Постылый полон отбывал,
Дотоле он в сердце, как в кузне,
Могучую песню ковал.
Чуть раны гореть перестали,
Сей пленник как должно бойцу
Душою промерил из дали
Дорогу от Дона к Донцу.
Он верил: он родине нужен.
Она же ему дорога.
Тем паче, владел он оружьем,
Опасным для злого врага!..
И вот уж по травам понурым
Сквозь тьму половецких степей
Князь Игорь с надежным Овлуром
Бежал из позорных цепей.

Ночь веяла запахом мяты,
Стожар полыхал впереди,
Сторожкими стуками дятлы
Тропу помогали найти.
Легко тростники шелестели,
Скрывая извилистый след.
Вдали соловьиные трели
Вещали погожий рассвет...
Свободный - как сокол на воле -
Князь вышел на берег реки.
Под кручей раскинулось поле
А в поле - кругом - васильки...
Безбрежье пылающей сини!
И воздух, пьянящий, как хмель.
Нет слов - рассказать, как красивы,
Просторы родимых земель!..
Взлелеянный в бурях походных,
Кому - как в пример - Мономах,
Князь сроду был малый охотник
Раздумывать о цветках.
А тут - инда, братья, нелепо:
Он весь посмурнел от тоски!
Как ширь новеградского неба,
Блеснули пред ним васильки!

И, чуя в душе избавленье
От бед, причиненных врагом,
Князь бережно встал на колени
Пред синим лучистым цветком.
Казалось: не травы шептали,
Не ярко горела роса,
А рядом влюблено пылали
Его Ярославны глаза!

V

По отчине слух разметнулся
Дразня и волнуя до слез:
«Князь Игорь из плена вернулся
И дивную песню привез!»
По градам, по весям витая
Крепчала той песни краса.
От горла Днепра - до Дуная
Ее разнесли голоса...
Весельем светилась Держава.
Град Киев как гром рокотал.
И в гриднице у Святослава
Зазвонистый пир клокотал.
Князь Игорь на красном помосте
Сидел, как гусляр и певец,
И ждали вальяжные гости:
Что скажет им песни творец.
Был миг тот для Игоря грустным,
Как груз для натруженных плеч.
Рукой не притронувшись к гуслям,
Он начал тяжелую речь:
- О чем мне вам, братья, поведать?
Что молвить на ласку, друзья?
Хотел бы я спеть про победу.
Ан, вышла другая стезя...
Давайте же нонь разберемся,
Коль родина нам дорога:
С чего мы - так храбро деремся! -
А все не осилим врага?!

Вся гридня в ответ загудела
- Враги, мол, конями сильны
- У половцев - первое дело -
Насквозь по степям табуны!..

- Победа - в мечах да в кольчуге! -
Дружинник сказал молодой.
- Уж больно кощеи - хитрюги! -
Догадливо молвил другой...
- Ну! Взялись перечить друг другу!..
- Спой, Игорь! Пошто приумолк?! -
И поднял князь жесткую руку,
Водившую горестный полк:

Поверь мне, народ мой родимый,
Я думал, сбираясь в поход,
Что в бедах отчизны любимой
Я - самый надежный оплот.
А рядом князья были тоже,
И каждый из них полагал,
Что он для отчизны - дороже,
И ратный мой зов отвергал,
Вотще, позабыв о покое,
К единству сзывал Святослав:
То слово его золотое
Заглохло, дружин не собрав.
Во тьму половецких урочищ
Один погонял я коня,
Лишь брат мой, да сын, да сородич
В трудах поддержали меня.
А, чай, для степи окаянной,
Где буйствуют Гзак да Кончак,
Нам нужен не перст безымянный,
А сжатый для бою кулак!..

Я вот о чем, братья, терзаюсь:
Привыкли мы с вами, видать
В высоких делах состязаясь,
Друг дружке пути не давать!
С одною мечтою: снискать бы
Первейший почет на миру,
Мы спорим на дружеской свадьбе
На тризне и на пиру.
Нам спорить бы с морем да с полем,
Нам спорить бы с лютым врагом,
А мы все друг с дружкою спорим,
Промеж себя битвы ведем.

Боюсь, может дорого стоить
Нам эта старинная страсть:
Глядишь - доведется проспорить
И землю, и волю, и власть!
Нагрянет незваная сила
Из дальних, недобрых сторон -
Да все, что нам дорого-мило
Как раз и захватит в полон!
Покуда тот ворог безвестный
Позора нам не учинил,
Прислушайтесь, русичи, к песне,
Которую я сочинил.

Тут Игорь светло и сурово
Ударил по струнам тугим
И спел свое вещее «Слово»,
Что стало нам всем дорогим.

1978

ПАДЕНИЕ ПЕРУНА

Вещий Боян

Мне бы в руки звонкие гусли взять
Да потешить вас старой сказкою.
Неспроста нынче начали вспоминать
Призабытую быль славянскую.
Коли крепко помнится о былом,
Легче знать, что в грядущем станется, -
Так пускай же быль не слывет «быльем»,
Пусть вовек старина не старится!

Гложет душу мне уже много лет
Одна дума немалой трудности:
Где, в какой дали затеряла след
Книга древней славянской мудрости?
Горько пялить взор на чужой Парнас,
Тешить слух лишь чужими мифами;
Неужели в певучем краю у нас
Своего Гомера не слышали?
Не хочу внимать лишь чужой струне,
Вспоминать лишь Фингала смелого;
Неужель в многострунной моей стране
Своего Оссиана не было?

Нам себя обкрадывать не к лицу!
В каждой русской старинной повести
Одному позабытому нонь певцу
Воздаются большие почести...

...Он не десять соколов выпускал
На лебедок, плывущих струями,
Он персты на гусельки воскладал,
И они рокотали струнами.
Он, стремясь отвагу взъярить в полках,
Славил силу и доблесть дедову,
Реял сизым ястребом в облаках,
Растекался мыслью по дереву.
Его голос пел, как свирели звук,
Он светился, подобно золоту...

Тот певец Боян был, Велесов внук
(Пастушонком ходивший смолоду)...

Что же нынче ты приумолк, Боян,
Соловей старинного времени?
Ты и был наш собственный Оссиан,
Наш Гомер - из былинной темени.

Это ты в седой голове хранил
Тайны светлые неба звездного,
Родовые заповеди могил
И заветы Перуна грозного.

Воротись из дали, могуч певец,
Коим все на Руси дивилися.

Ты и нашим песням - родной отец:
От тебя все певцы родилися.

Русь языческая

Отмахнем, почесть, тыщу лет назад,
Рыща след на тропу Троянову,
Поведем свой сказ не на новый лад,
А по замышленью Боянову.
И пускай привидится сквозь туман,
За посадами и за весями,
Как скитается по Руси Боян,
Собирая преданья с песнями...

Хоть и стар Боян, а душою - юн:
Очи зоркие, речи рьяные,
И блестят серебряней тонких струн
Кудри кольчатые Бояновы.
Он свой век не с сиднями скоротал -
Любит версты путей вымеривать
И простор полей, как цветной кафтан,
На широки плеча примеривать.
Постучит в окошечко ветерок,
Поманит гусляра из горницы -
И ведет, ведет вдоль витых дорог,
От околицы - до околицы.
И заходит странник в чужи дворы,
В ряд с каликами перехожими,
И тайком - до времечка, до поры, -
Прячет гусельки под рогожами...

Широка, раздольна земля кругом.
И хотя еще снежно, холодно,
Но уже Дажбог золотым ключом
Отомкнул теплый ветер с полудня.
Уже слышно: в роще дубы шумят,
Накликая сырую оттепель,
Коромыслами в небе дымы висят,
Каркуны разметались по степи.
Понапрасну машет метлой метель,
Понапрасну ревет медведицей -
Солнце тоненький палец проденет в щель,
И глядишь, как лучина, светится!..

Все ярчее сполохи среди тьмы
Подымают рудые головы.
В небе белое пламя седой Зимы
Бьется с алым весенним полымем!
Встретит белое пламя девку с ведром,
Говорит ей: «Залей пламя алое!
Я за то тебя звончатым серебром
Из богатой казны пожалую!»

А другой огонь обещает тож;
Чтобы верх одержать над холодом:
«Коли белое пламя водой зальешь,
Одарю тебя красным золотом!»
Ну, понятно: девка умом хитра,
Гасит белый огонь, не ленится,
Ибо выше чистого серебра
Красно золото в мире ценится!..

Вот уже в санях повезли сжигать
Идол Масленицы соломенной.
- Полно, полно, Зимушка, зимовать,
Черствый хлеб твой набил оскомину.

Люди славят милость Весны-красны
Да гадают про все хорошее;
Вместо хлеба нынче пекут блины,
С подрумяненным солнцем схожие.
И гусляр с приветом глядит на всех.
Что ж любовь от людей утаивать?

Даже мнится, будто сединный снег
Начинает с кудрей оттаивать...
Ой ты Русь, заповедная сторона!
Нигде в мире такой не видывать!
Сердцу весело, как начнет весна
По земле гостинцы раскидывать!

Все смелей, разымчивы и легки,
Налетают ветра из ясени
И спешат развязывать узелки,
Что с зимы на ветвях завязаны.
Все щедрее солнце дарит теплом.
Все нарядней на вербах платьица.
Вот и первый гулкий весенний гром,
Как телега, по небу катится.

Чай, знакомо всем, как идет гроза,
Как кочевья туч надвигаются, -
Вдруг удар! - и темные небеса
В грозном грохоте содрогаются!
Это бог Перун в наковальню бьет,
Высекает молнии молотом:
Сошники к весне мужикам кует,
Украшает червонным золотом.

Из-за моря, из дальнего далека,
Подивиться громовой удали,
Приплывают румяные облака,
Девы пышные, полногрудые.
И когда Перун у тех дев рукой
Расплетает густые волосы,
По Руси душистой живой рекой
Моют степь дождевые полосы...
Вот уже, как будто полки на рать,
В чисто поле идут оратаи,
Принимаются сочную ярь строгать,
Урожаи мостить богатые.
Как жена под мужем, лежит земля
Под плугами остро точеными,
Дышат негой распаханные поля
Под зарницами золочеными.

Словно в праздник, обновы свои надев,
Расчесав удалые бороды,
Мужики затевают весенний сев,
Щедро семя кидают в борозды.
Все на пашне: дети и старики.
Кто-то мчит, обрядясь Ярилою.
Заневестились девки, плетут венки;
Парни хвастают юной силою.
По обычаю древнему, перед сном,
С тайной негой, весной разбуженной,
Осыпают девки себя овсом:
«Приходи жать овес, мой суженый!»

И все громче жаворонки звенят,
Все пышней березки кудрявятся,
Яровые ранние зеленя,
Ровно птенчики, вылупляются.

От прямых лучей, от косых дождей
Зацветает ширь земли-матери,
Зачинают жены нести детей,
Все лошадушки забрюхатели.
И сдается утреннею порой:
Не заря горит меж сосеночек,
А у темной Ноченьки вороной
Родился гнедой жеребеночек...

Радуница

Все идет Боян сквозь родной простор.
Вешний мрак соловьями плещется...
Видит странник: светит в лесу костер,
Как жар-птица во тьме трепещется.
Вот так радость! Радуница пришла!
Нынче всюду ночные бдения,
Стар и млад повысыпал из села.
Рыщут по лесу привидения!..
В колдовском мерцаньи весенних звезд,
Как старинным укладом признано,
Собрались сородичи на погост:
Память предков почтить за тризною.

До чего же смачно едят и пьют
(Сладок плод от трудов их праведных!),
А притом меды на курганы льют:
Угощают дедов и прадедов.
Тут и страннику место в кругу нашлось,
Был почтен Боян по-достойному,
Ибо каждый путник - желанный гость
Миру русскому хлебосольному.
И сказал Боян: - Бог вам счастья даст!
Нет предела народной щедрости.
Все ты, русский люд, раздарить горазд
От богатств своих и от бедности.
Вот германец сумрачный - не таков,
Там не медом с тобой расплатятся:
Там казнят беспомощных стариков,
Чтобы хлебом на них не тратиться!
Опечалила добрых простых людей
Эта весть, по душе скребущая.
Но зато предстала вдвойне милей
Русь, отцов своих берегущая.
Обступила землю ночная тишь.
И сказал бородач-старейшина:
- Мы простой народ, соблюдаем лишь,
Что нам пращурами завещано.
Ну а ты, видать, по земле гулял,
В кораблях, поди, плавал реками.
Уж не тот ли ты златоуст-гусляр?
Так речей вести кроме некому!

Видно, трудно золото утаить:
Его отсвет в глаза бросается.
Принялись тут все гусляра просить:
Пусть споет для них, постарается...
- Расскажи, Боян, что в преданьях есть?
Велика ли Земля под звездами?
Мудрено ли тайну веков прочесть:
Как мы, люди, на свете созданы?..

И сказал певец: - Как же мне суметь
Угодить вам речами-сказками?

Ну да первую песнь и зардевшись спеть
По пословице не заказано.
Гляньте, сколько див в темном небе есть:
Львы, Драконы, Орлы да Лебеди,
А ведь чай не буковки не прочесть
Вы в той грамоте не сумеете.
Я слыхал, что встарь у славян была
Книга Вещая Голубиная.
Тайну светлых звезд объяснить могла
Лишь она одна-разъединая.

Вор заморский гость, по Руси скакал,
Землю рыл, по посадам рыская,
Голубиную Книгу у нас украл
Да продал ее папе римскому.
В папском нонь дворце
В колдовском ларце,
Безо всякой нужды и нужности,
Заперта в веках на семи замках
Книга древней славянской мудрости.

Аз же, грешный, слаб, беден голос мой,
Помню мало, что пелось дедами.
Из той книги мудрости вековой
Вам одну лишь строку поведаю.

Отворите двери своих ушей,
Распахните хоромы памяти.
Не скажу вам, что станете вы мудрей,
Может чуть веселее станете.

Тут Боян, как памятку, напоказ
Развернул свои гусли звончаты
И повел, повел соловьиный сказ,
Загудели лады яровчаты...

Сварожичи
(Первая песнь Бояна)

Мне бы взять коня - да лети, гуляй
Вплоть до самой земной околицы! -
Поскакал бы я, братья, в далекий край,
Где земля с синим небом сходится.

В том краю, слыхать, уж такая страсть,
Уж такие дела чудесные:
Когда ихние девки кончают прясть,
Прячут лен в чердаки небесные.
Там точеным месяцем, что серпом,
Жнут на поле рожь белоярую,
А хмельные бражники за столом
Пиво черпают звездной чарою.
Там один мужик с солнца драл парчу,
Той парчою порты подвязывал.
Сам того я не видел и врать не хочу,
А кто видел, так вот что сказывал...

За земным окоемом стена стоит,
За стеной - океан, море синее,
В океане плавает рыба-кит,
Рыба-кит с великанской силою.
И лежит Земля на спине кита;
Коли рыба-кит чуть шелохнется -
Поменяют горы свои места,
Всем глубоким ущельям вздрогнется.

За чертой Земли есть большой чертог.
А в чертоге том в ночи черные
Самый главный в небе славянский бог
Запаляет огни несчетные.
Где Сварог, где Белбог его Русь звала.
Все на белом свете им сделано.
Голова его - точно дым бела,
Борода - что туманы белые.
Распахал Сварог черноту небес,
Проскородил сырую пахоту
И пошел из лукошка швырять окрест
Зерна звезд по рытому бархату.
Притомился бог. Изнемог. Устал.
Столько дел! Одному где ж справиться?
Тут нежданно вдруг божий взор упал
На угодья Земли-красавицы.
А Земля лежала вдали, внизу,
Разметав леса, косы темные,
И глядели в чистую бирюзу
Голубых озер очи томные.

Инда вспыхнул в небе влюбленный бог!
Стал дарами невесту радовать:
Жемчуга, цветы раскидал у ног,
Опоясал твердь лентой-радугой.
Как пожар, желанье в груди зажглось,
И кипенье той страсти бешеной
Ливнем яростным пролилось
В лоно вешней Земли разнеженной.
И родились дети от той любви,
Удалые сыны и дочери:
Боги, люди и соловьи,
И пригожие твари прочие.
Не из глины, из коей горшки творят,
А из ливня мужского семени
Зашумел вокруг плодоносный сад
Молодого лихого племени.

Сын старшой Сварога - то наш Дажбог.
Чадо мудрое и прекрасное,
Он в парче-багрянице до самых ног,
Над челом корона алмазная.
По Руси о нем гусляры поют,
Люди кличут его «Красно солнышко»,
По весне на заре, ровно счастья, ждут
И зовут заглянуть в оконышко.
А еще сын средний - могуч Стрибог,
Царь ветров злой зимы и осени;
Затрубит он в свой серебристый рог -
Все дубы бьют поклоны до земи.
А любимый сын - баловник Перун.
Как примчит в грозовом обличий -
Недостанет слов и не хватит струн
Рассказать про его величие.
Он за всеми с тучи следит, грозя.
Взведена тетива звенящая.
Инда всуе вслух произнесть нельзя
Его имя, огнем разящее!

А еще милее, чем сыновья,
Для Сварога - краса дочерняя:
Дочь старшая - утренняя Заря,
Дочь меньшая - Заря вечерняя.

Люди кличут Денницей одну сестру,
Что выходит с лучами первыми;
На ней платье алое поутру,
Весь кокошник осыпан перлами.
А другую сестру Вечерницей звать,
Синий плащ ее шелком светится,
И горит на плече, той красе под стать,
Золотая застежка месяца.
Много чад у Сварога с женой Землей.
Каждый нужное дело делает:
Бог Ярила хлеб растит яровой,
Бог Велес - тот стадами ведает.
Чай, и мы все от тех же корней пошли:
От огня небес - очи-звездочки,
Тело крепкое - от родной земли,
От кремневых скал - наши косточки.
У творца Сварога простор велик!
Трудно всеми ночами бодрствовать.
Вот он сыну, Солнцу, взять власть велит,
Над земным престолом господствовать!..

Тут, однако, песню пора кончать:
Вишь, Заря рассыпает золотце,
Время красное солнце идти встречать,
Да опять в путь-дорогу трогаться!..

Хлеб-Батюшка

Вновь шагает по росной Руси Боян...
Видит он, как весну отславили,
Как по всем древлянским лесным краям
Шумный праздник Купалы справили.
Храмы пышные русичам не нужны! -
Лишь бы не было непогодины,
Все священные игры в лучах луны
Под дубами отхороводили...
Подошли зажинки... Повдоль межи
Зазвенели серпы на волюшке,
И уже венки из колосьев ржи
Стали девки плести на полюшке...

Как-то жарким полднем устал старик,
Сел воды испить над криницею.

А в деревне - гомон, галдеж да крик:
Суд рядят над молодкой-жницею.

. . . . . .

Жала глупая баба на поле рожь.
Под копною дитя игралося.
С неразумного дитятки что возьмешь? -
В травке ползая, замаралося.
Ну а мать, дуреха, забыв про стыд
(Видно, с разумом не в ладу была!),
Сорвала пучок колосков густых,
Хлебом грязь обтереть задумала!..
Люди видели: небо померкло вмиг,
Неотступной грозой насупилось!
Инда страшно было б сказать про них,
Кабы баба не образумилась!
Неспроста кругом зашумел народ:
Нарушать уклад - не безделица,
Кто обычаев добрых не бережет,
Может камнем бездушным сделаться.
Коли красному солнышку мы друзья,
Значит, надо чтить нам хлеб-батюшку,
Даже черствую корку кидать нельзя
На кормилицу землю-матушку!

...Тут пошла беседа, как речка, течь,
Без конца журчит, извивается:
Чуть один мужик исчерпает речь,
Молвить слово иной пускается...
Хлеборобский труд - корень всех судеб.
Так судила им доля давняя.
Оттого все больше про хлеб, про хлеб -
Все беседы их, все предания...

- Жили встарь три брата в одном дворе...
От отца, землепашца старого,
Каждый взял в наследье в большом ларе
Цельный воз зерна белоярого.
Старший молвил: «Надобно хлеб беречь!»
Средний торг открыл той пшеницею.

Младший рек: «Зерну любо в землю лечь,
А земля возвернет сторицею...»

Шли три брата по полю, вдруг глядят:
На стерне лежат, с неба павшие,
Золотые, блёсткие, ровно клад,
Плуг, хомут да секира с чашею.
Потянулся старший, ан взять не смог:
Больно золото распылалося,
Средний тоже даром ладони сжег,
Брату младшему все досталося.
Осерчали братья: «Я, мол, старшой!»,
«Ну, а я, мол, купчина-лавошник!»
Не поймут, видать, что за смысл большой
В том богатом подарке давешнем!
Тут раздался с неба могучий глас:
«Пусть любой свое дело чествует,
Только первое слово тому из вас,
Кто по полю за плугом шествует!
Перво дело - посеять, второе - сжать,
А потом можно пир заваривать,
Корабли торговые снаряжать,
Об иных делах разговаривать!
Не за тем дан хлеб, чтоб набить живот,
Хлеб - начало всему прекрасному.
Кто свой век хлеборобским трудом живет,
Тот главнейший друг солнцу красному!»
- Встарь, слыхать, вольготная жизнь была
Хлеборобам от солнца дадена:
До небес пшеница в полях росла,
Пожелал - забирайся на небо!
Солнцу что? Заметит голодный рот,
Скажет: «Эх, вы, ленивы чадушки!»
Сковородку к темечку поднесет,
В один миг напечет оладушки!
А едва начнут мужики покос,
Глядь, на зорьке, рассветным холодом,
Солнце между колосьев просунет нос,
На носу висит сумка с золотом.
Добрый бог Дажбог. Ан хитер на вид.
Подмануть мужика старается.

Вишь ты, нос себе утереть велит,
А уж сам вовсю ухмыляется.
Коли жнец солнцу нос пятерней утрет,
В пятерню червонец обронится,
А коль скинуть рубаху на то смекнет,
Вся рубаха деньгой наполнится!..
Тут бы жить, веселиться! Да горе в чем?
Мы, славяне, мужи могучие,
Мы тяжелое бремя легко несем,
Плохо сносим благополучие.
Нам от щедрых благ мутит душу блажь.
Неспроста говорит пословица:
Чем ни больше соломы в костер поддашь,
Тем жаднее огонь становится.
На пирах ругаются кумовья.
На полях мужики межуются.
Высоко взмостившиеся князья
«Красным солнышком» именуются.
Им и ночью, солнце, гони свой свет,
Им пускай заря не смеркается!
Не поймут, видать, сколько выйдет бед,
Коль не в меру жар распылается!

- Говорят: жили бабы в одном селе,
Было печь топить неохота им:
Вышли в чисто полюшко на заре,
Стали свет собирать решетами.
Солнце вешнюю травку теплом печет,
Землю радует, улыбается,
В решето золотым родничком течет,
Через краешек переливается.
Но чуть баба в избу - шасть с решетом,
Чтобы в ларь схоронить на донышко,
Ровно юркая рыбка, вильнув хвостом,
Ускользает лукаво солнышко...
Одурели бабы совсем, видать, -
Чай, работа была напрасною, -
И давай, окаянные, ввысь плевать,
В небо синее, в солнце красное.
Плюнешь в небо - сам попадешь в себя!
Увидал Дажбог бабьи глупости,
Дунул пламень с неба, срамниц губя,
В черный камень спалил за грубости!

Кто в краю том был один раз хотя б,
Проезжал столбовыми верстами,
Не забудет черных гранитных баб,
Что стоят вдоль дорожной росстани.

Постращали жницу бородачи
Да велели, чтоб впредь кумекала!
Ан ведь жалко бабу: не богачи,
Доглядеть за ребенком некому.
Отчего же гневается Дажбог,
Укрывает лицо за тучами?
Отчего то ниву спалит не впрок,
То дождями зальет текучими?..

Луна да Солнышко
(Вторая песнь Бояна)

Тут сказал Боян:
- Встарь по всей Земле
Люди жили светло и молодо,
Ибо даже в синей вечерней мгле
Прядал с неба ручей из золота...
А Дажбог сидел в теремном дворце,
Где рубины в окошки вправлены,
Караул стоял на резном крыльце,
Из двенадцати дев составленный.
Братья Ветры двор во дворце мели,
Сестры Зори в нем маки сеяли,
Звезды дружные хоровод вели,
Солнца спящего сон лелеяли.
А к исходу ночи Земля звала,
Ввысь тянулись дубки да елочки:
- Гой ты, солнышко-ведрышко, дай тепла,
Прокатись колесом по горочке! -
Запрягала Зорька рудых коней,
С золотыми, витыми гривами,
И на землю искры цветных огней,
Рассыпаясь, летели гривнами...

Только грустно все одному гулять,
Греть чужие луга да рощицы:
Чай, ведь мягко стлать, когда не с кем спать,
Отродясь никому не хочется.

Тут вот встретило Солнце в пути Луну,
Чаровницу жемчужноликую,
И навеки в сердце она ему
Заронила тоску великую.
Ну, и свадьбу сыграли! Пир на весь мир!
Вся земля от веселья ахнула!
Я и сам там был, пиво-мед там пил,
По усам текло, в рот не капнуло.

Чуть Дажбог в объятья жены упал,
Все забыл он в одно мгновение.
И тотчас же свет над землей пропал,
Мир окутала тьма затмения.
Ровно черная птица взметнулась ввысь,
Белу лебедь когтями сцапала,
И из хищного клюва на землю, вниз,
Кровяная роса закапала...
Спит на ложе супружеская чета,
Друг ко дружке прильнули грудями.
А кругом - студеная чернота,
Звезды днем проступили в сутеми.
Накликая горе на бедный люд,
Стонет ночь над землей испуганной,
Враны клекотом к пиру зверей зовут,
Волки рыскают меж яругами.
Не родит хлебов ширь земных полей,
Рыба рвется из тонких неводов,
Дивы кличут из темных лесных ветвей,
Чернобог наслал лютых демонов.
По чащобам нежить кутить пошла,
Мизгири тенета раскинули,
Расплодились лешие без числа,
Поселились в домах кикиморы.
А еще мерзее в ночной глуши
Набежали в сутемки гулкие
Змеи, ящерицы, ужи -
Ползуны, межеумки юркие.
Издавна на Руси, на кресте дорог,
Вещий камень лежал у росстани,
Чтобы каждый путь себе выбрать мог:
По уму ли ему, по росту ли?

Межеумок вертится так и сяк,
Выбрать путь прямой не решается.
Проползает всюду, то нагл, то наг,
Правду с кривдой смешать старается.
То благим прикинется, то плохим,
То ручьем скользит, то тропинками,
Даже в сильный ливень совсем сухим
Проползает промеж дождинками...
Глянул вниз - приужахнулся бог Сварог!
Разбудил Дажбога с супругою.
Пол-лица у светлой Луны отсек,
Врозь ходить повелел по кругу им!
С той поры Солнце в небе гуляет днем,
А Луна одна ночью мается,
Изнывает по муже она своем,
Сохнет, бедная, убивается.
Но, видать, Сварог не устал серчать:
Отнял власть у Дажбога старого,
За него на царство велел венчать
Меченосца Перуна ярого.
«Пусть теперь царит громовник Перун!
Он-то землю из мрака вытащит.
Он-то всем врагам надерет чупрун.
Он-то всю мерзоту повылущит!»
Вот и весь сказ о Солнышке, о Луне.
Чур, к себе его не примешивать.
Да, однако, не надобно свет в окне
Бабьей юбкою занавешивать!
Хорошо, когда голубь с голубкой в лад,
Хорошо, когда парень с девицей,
Хорошо, когда всякий незлобный взгляд
От чужого счастья согреется.
Только мать Отчизна первей жены!
За нее пекусь, беспокоюся.
Муж не тот, кто носит длинны штаны,
А кто носит меч возле пояса.

Коляда

Отгулял, отпел листодер в лесах,
Всю озимую рожь отсеяли,
Приползла зима на пустых санях,
Ветры северные повеяли...

А как стало вновь солнце силу брать,
Заскрипел ледок под сапожками,
Вышли ряженые колядовать,
Пироги сбирать под окошками:

Коляда, Коляда,
Ждем-пождем середь двора
Пирога печеного
Да питья сыченого!..

Величая песнями новый год,
Каждый счастья в душе загадывал,
Чтобы бог Ярила родной народ
Урожаем большим порадовал.
Проходил Боян по земле древлян,
Пробирался по мерзлой Припяти,
А под вечер спрашивал поселян:
- Люди добрые, гостя примете? -
В каждом доме старца к столу вели,
И как всюду обычьем велено,
Угощали ласково, чем могли:
Пьяным медом аль дичью стреляной;
Подносили чарку, все вновь да вновь,
А уж там, глядишь, банька топится,
Приглашали гостя попарить кровь,
Как у добрых хозяев водится...
Говорят, какой-нибудь чужанин,
Побывав на Руси, пугается:
Как «никем не мучимый, славянин
Сам по телу прутьём стегается?!»

Эх, вы, глупые головы! Что скрывать:
Подружились бы с русской банею,
Научились бы чище себя держать,
Крепче стали бы в испытаниях!
Чудо-банька! С травкой, с дымком, с кваском,
С хлестким веничком, злым, березовым!
Ровно в сказке: был седым стариком,
Обернешься отроком розовым!
На дворе морозы зело люты,
Все пути замело, завьюжило.

А Боян, напарившись, пьет меды
В терему резном, чисто кружево...
В доме тетки Прияты, вдовы честной,
Сладки яства не перевидывать.
Тут Бояна чествуют день-деньской,
Инда может князь позавидовать.

Как у той вдовы дочь Забавой звать.
Вот разумница, раскрасавица!
Ан не может суженого сыскать:
Дюже многим «купцам» «товар» нравится.
Промеж многих милого как найдешь,
Коли витязи все хорошие:
Ярослав пригож, Ростислав пригож,
Мирослав и того пригожее.
Женихи отменные, на подбор.
Кто из них родней света белого:
Громобой? Могута ли? Ратибор?
Творимир? Лучезар ли? Всеволод?
Как нарядны все! Не отвесть глаза!
На оплечьях зерно жемчужное,
На кафтанах шитые пояса,
На ремнях мечи харалужные.
Кто тут ладный самый - поди, реши!
Смотрят гордо, степенно движутся,
Слово молвят истово, от души,
Коли надо - мечом подпишутся!..

Крепче всех в Забавушку был влюблен
Витязь, коего звать Могутою,
Ан из гордости бережно прятал он
Ту заботу-кручину лютую.
Лишь гонясь за турами по лесам,
Витязь душу свою развязывал,
Он ночным дружкам - кочевым ветрам
О любови своей рассказывал:
«Гой вы, буйные вихри, стрибожья рать!
Вы по белу свету гуляете,
Вы огни умеете распалять,
Вы морскую глубь колыхаете!
Полно, братцы ветры, без толку дуть,
Понапрасну сушить дубравушку,

Вы повейте милой в лебяжью грудь,
Присушите ко мне Забавушку!
Чтоб ни пить, ни есть она не могла,
Чтоб открылась мне речью смелою,
Чтоб, как хмель обвившийся вкруг кола,
Обвила мое тело белое!
Чтоб вошли ей в душу и в хоть и в плоть
Мои шепоты с ней бессонные,
Чтоб булатной саблей не расколоть
Наши руки переплетенные!»

Тут как раз в посад Коляда пришла.
Снег как скатерть в полях застуженных.
Для влюбленных - истинная пора
Погадать о желанных, суженых!
Не беда, коль ветер свистит в бору.
Да щелкает мороз орешками,
Парни с девушками от двора к двору
Мчат с загадками, с пересмешками:

- Кто такой, друг мой:
Ночью спит со мной,
Днем одет, как пан,
Во черный кафтан?

Кто-нибудь чернявого жениха
Ищет, глупый, промеж ребятами,
А подружки тешатся: - Ха-ха-ха!
Глянь: Забаве блоху присватали!
И летит смешок, как тугой снежок,
И вдвойне посмелей теперича
В затаенной загадке сквозит намек
На цветной поясочек девичий:

- Днем он, как обруч,
Ночью, как уж.
Кто разгадает,
Будет мне муж!

Тут уже начинает игра-гульба
Голубкам голубок подсказывать,

Тут уже начинает швея-судьба
По две ниточки в узел связывать.
И гадает Забава на именах,
На лучине, на воске тающем,
На колечке, на туфельке, на свечах,
На дымке, в туман улетающем.
Вот, заботы девичьей не тая,
Цросит девушка старца светлого:
- Посоветуй, славный мудрец Боян,
Как мне ладу сыскать заветного? -
А Боян не зря по земле бродил,
В шумных селах, в лесной безлюдности, -
Много он в душе за года скопил
Заповедной народной мудрости!
Говюрит гусляр: - Верный способ есть:
Ляг пораньше да спи без просыпа.
Не забудь перед сном ложку соли съесть,
Пусть, кто любит, напоит досыта! -
И приснился девице тот, кто мил,
Тот, о ком и мечтать боялася,
До утра полной чарой ее поил,
А питья еще впрок осталося!
Разгадала, кто ей родней иных:
«Ты, Могута, могуч детинушка,
Ты - мой суженый, ряженый, мой жених,
Мой сугревушка, красовитушка!»

Свадьба

Вот сваты ударили по рукам!
Затуманилась вдруг Забавушка,
Засвербила жалость к родным углам,
Затомила тоска-отравушка.

- Легко ль тебе, солнышко,
С полюшком прощаться?
Легко ль тебе, красное,
С травушкой расстаться?
- Я за рощицу зайду,
Тучкой принакроюсь,
Дождичком умоюсь,
С чистым полем разлучусь,
С мягкой травкой распрощусь...

- Легко ль тебе, девица,
С батюшкой прощаться?
Легко ль тебе, милая,
С матушкой расстаться?
- Я по горенке пройдусь,
Косой принакроюсь,
Слезами умоюсь,
С батюшкою разлучусь,
С матушкою распрощусь!..

Собирались подружки на грустный сход,
Заплетали косу без радости,
Окунали гребни в вино и в мед -
Для духмянной, дурманной сладости.
Начинали подружки младу красу
Обряжать шелками хрущатыми,
Приезжали дружки: злату косу
Выкупать дарами богатыми.
Повезли молодых, как велит уклад,
Пиво-мед на пир наварили им.
Под священным дубом вели обряд:
Лелем свитый венок дарили им.
А потом в родительском терему,
Когда Лад с милой Ладой чокнулся,
Уж такую затеяли кутерьму,
Инда сам домовой всполохнулся!
Довелося всей слободе не спать:
У славян пиры долго тянутся!
За столом молодые устали ждать,
Пока рядом вдвоем останутся!
И сорили там под каблук рубли,
Колотили чаши хрустальные,
Хороводные игры чредой вели,
То веселые, то печальные.
Словно дождь, на головы молодым
То ячмень, то хмель дружно сыпали,
Чтоб вина и хлеба хватало им,
Чтобы дети их были сытыми!
Пили все, никто не упился пьян,
Только стало на сердце весело.
Тут и вызвался чаровник Боян
Напоить гостей брагой песенной!..

Перун

(Третья песнь Бояна)

Стал Боян свои присказки заводить,
Струны строить, лады отлаживать:
- Воеводой слыть - без вина не быть,
Слыть певцом - век по свадьбам хаживать,
Не про то я нонь поведу вам речь,
Как для пира меды заваривать,
А про то, как надо любовь беречь,
Буду сказывать, приговаривать...
Был в далеком царстве волшебный сад,
С алой ягодкой земляникою.
Там златые яблочки на ветвях висят,
Съешь одно - сорок бед размыкает.
Там цветы - из яхонта, янтаря,
Там всечасно пора погожая.
И жила там утренняя Заря,
Дева нежная да пригожая.
Выйдет Зорька в тихий густой лесок,
Вниз под горку шажком спускается,
Расплетает девичий поясок,
В синей речке тайком купается.
А народ спешит подстеречь красу.
Парни, девки, детишки малые
Пьют с цветов серебряную росу
Да поют прибаутки шалые:

Заря-заряница,
Красная девица,
Росой напои,
Красой подари!..

Коли Зорька радостна и ясна
И уста ее улыбаются,
Наступает праздничная весна,
Маки алые распускаются.
А случится Зорьке загоревать,
Слезы жемчугом чистым катятся;
То зерно окатное поклевать
Птица Феникс из тучи явится...

Чуть увидит кто, как идет Заря -
Все от счастья бывают пьяными!..

Вот однажды в карете везли царя,
С воеводами да боярами.
Царь как глянул - так инда разинул рот:
До чего же дева прекрасная!
Придержал карету и сватов шлет:
Дескать, стать царицей согласна ли?
А краса Заря на язык остра:
- Зря ты, царь-государь, дурью маешься.
Я ведь, чай, Перуну - родна сестра!
Что ж ты, глупый, со мной равняешься?
Понял царь: видно, девица не с руки.
Ускакал в свое царство, за море,
Да и помер старый горюн с тоски
На цветном сарацинском мраморе...
Не ждала Заря, что случится с ней,
Что беда постучится в горенку! -
Пролетал по небу крылатый Змей -
Тут как раз и заметил Зореньку.
До лазоревых звезд черный Змей домчал,
Затаился за мглою плотною,
Злой петлей денницу-Зарю связал,
Уволок в свою землю подлую!
За высокую гору унес Дракон
Беззащитную свою пленницу,
Под кащеевым колдовским замком
Заточил во тьму красну девицу.
Нехорошее дело затеял Змей:
Ласки девичьей добивается.
Извелась Заря от тоски своей,
Не росой - слезьми умывается.
А злодей Дракон до чего лукав:
То отцом, то братом прикинется,
Ожидает, что, хитрость не распознав,
В плен сама к нему Зорька кинется.
И горюет Зорька во тьме ночной,
Говорит слова с приговорами:
- Встань, стена холодна, за моей спиной!
Встань, мой брат Перун, перед взорами!

Вот теперь о Перуне начнется сказ.
Для мужей с удалыми душами.
Коли робкий духом сидит меж вас,
Лучше пусть эту песнь не слушает!..

Был Перун суровый, как приговор!
Про него, кто видали, молвили:
Брови - молнии! Молнии мечет взор!
И усы - как две синих молнии!
У Перунова шлема шишак пернат,
Стрелы - долгие, оперенные.
Как по небу мчит - потолки гремят,
Гулким топотом потрясенные.
Огневая, с насечкой, блестит броня,
Стремена горят, словно светочи.
Его видели - сядучи на коня,
Да не видели - полем едучи.
Хоть Перуновы стрелы быстрей орла,
Хоть глаза его зорче ворона,
Да не видит он, где Заря-сестра
Ждет, томится, цепями скована.
Обрядился бог, как простой казак,
Мчит верхом промеж мирных жителей,
Вопрошает встречных: мол, так и так,
Вы Дракона-вора не видели?
Собирался люд на большом дворе,
Толковали про все, что знается:
Мол, живет Дракон на Туман-горе,
Змей Горынычем прозывается.
Старый дед Всевед, целый воз ума,
Подсказал казаку тропки горные,
У конька вороного кузнец Кузьма
Подточил подковки узорные.
А красавица Дарьюшка, вешний цвет,
Подарила косу свою русую,
Чтобы мог казак не бояться бед,
Проходя зыбуном-чарусою.
Лишь один в народе купец-скупец
Подмогнуть не явил желания,
Все сидел, кисель уплетал, подлец,
Да твердил: «Моя хата - крайняя!»
Все чернее ночь.
Все грознее гул.
То ли молнии вьются искрами,
То ли огненной плетью казак Перун
Воронка подгоняет быстрого...
Вот затрясся бор. Налетел Дракон,
Свет затмил крылами тяжелыми.

Заклубился тучей над казаком,
Полыхнул из пасти злым полымем.
На четыре стороны жжет огнем,
Гневом пыхает, злобой пялится.
Не достать копьем, не стоптать конем,
Не огреть богатырской палицей!
Вскинул лук Перун с каленой стрелой,
Исполчился под черной тучею:
- Аль не видишь, Змей, за твоей спиной
Уже смерть висит неминучая? -
Оглянулся враг, а казак с седла
Гвазданул его, как воробышка!
Прямо в самое сердце впилась стрела!
Аж по самое влезла перышко!
- Вот и вправду, Змей, твоя смерть пришла!
Чай, недаром Русь в мире славится:
Хоть какая сила нагрянет, зла,
Русский воин со всеми справится! -

Взял тут витязь Дарьюшкину косу,
Зацепил за елово деревце,
Да полез в пещеру. А там, внизу,
В подземелье лучина светится.
Промеж черных скал пролегла тропа.
По краям тропы копья с пиками,
Человечьи мертвые черепа,
Как орехи, на них натыканы.
Колдовской паутиной опутан лаз.
Клубы дыма по небу тащутся.
И двенадцать ярых собачьих глаз
На пришельца из тьмы таращутся.

Порубил Перун трехголовых псов,
Снял со входа печать заклятую,
Отомкнул тринадцать тугих замков -
И вошел в темницу проклятую!..
Испугалась Зоренька! - Подлый Змей,
Ты пошто моим братом рядишься?
Ты Перуном прикидываться не смей,
Все одно ты со мной не сладишься!
Отвечал Перун: - Не крушись, сестра,
Я твой брат родной, ясна Зорюшка.

Нынче смертная Змею пришла пора,
Отлилось ему твое горюшко! -

Так и встретились милые брат с сестрой.
Сразу кончились ночи черные.
И все ярче, яростней над землей
Рдели сполохи золоченые!
А когда обратно Перун скакал
Под победным рассветным заревом,
Конь четыре подковки пораскидал:
Щедрым счастьем людей одаривал.
Подобрал подковку тот дед Всевед,
Подобрал Кузьма, руки дельные,
Подобрала Дарьюшка, вешний цвет, -
Было счастье всем беспредельное.
А четвертой подковки никто не взял,
Видно, где-то лежит на улице:
Кто найдет-подберет, будь он стар иль мал,
Что захочет - тотчас же сбудется!
На купца ж того был Перун сердит.
Подшутил над ним злую шуточку:
В киселе по горло скупец сидит
И все просит: «Подбавьте чуточку!»

. . . . . .

От Бояновых колдовских речей
Брови сдвинули добры молодцы.
Запылал огонь в глубине очей,
Будто парни Перуну молятся.
И припомнились витязям злы шатры,
Степи с темными их обычьями:
На вершинах курганов - костры, костры,
Вражьи шлемы с рогами бычьими.
Примерещилось, будто горят стога,
Печенеги кружатся птицами
С ненасытною жаждой: пить кровь врага,
Спать с молодками светлолицыми.
Подступают обры - взять Русь в полон,
Чтобы плетью народ примучивать,
Чтобы белых лебедок, славянских жен,
В свои арбы впрягать скрипучие!

Озорны, лихи у славян враги!
Вражья конница - что метелица:
Налетит ордой - не видать ни зги,
Пыльной бурей по степи стелется!
Отобьем одних - глядь! - другие мчат.
За хазарами прутся половцы.
Жадно кони ржут, уздени кричат:
«Выходи на рать, добры молодцы!»

Хорошо за чашею круговой
Песни петь, о любви загадывать,
Но еще не закончен старинный бой,
Рано острый меч в ножны вкладывать!
В заревом багрянце сочится кровь,
Окоем сулит непогодину,
Еще грозное время покличет вновь
Постоять за народ, за родину!

Жертвоприношение

Много дней Боян по Руси гулял.
А как в Киев прийти случилося,
Подивился мудрый старик гусляр:
Сколько тут чудес приключилося...

Правил Киевом стольным Владимир князь,
Тот, что Русь собирал по зернышкам,
И кого приспешники, умилясь,
Называли вслух «Красным солнышком».
И в боях, и в пирах был тот князь силен:
Дума скорая, речь умелая!
Восемьсот, не меньше, имел он жен,
Сыновей - аж дружина целая!
Смладу князь был язычеством обуян.
Хоть по всей земле зычно кликни-ка:
Ни в своих родных, ни в чужих краях
Не сыскать такого язычника!
Он кумирами изукрасил град,
На холмах заблистали в роскоши
Со своим исконным Перуном в ряд -
Привозные Хорсы да Мокоши.

В дальний край Владимир в поход ходил
На ятвягов, отважных воинов,

И пока соперников победил,
Нагляделся страстей диковинных.
А не зря пословица говорит:
За горами все бубны славятся! -
Коли что-то русского приманит,
Он себе перенять старается.
Князь от тех ятвягов принес закон,
Отродясь на Руси не виданный,
Чтоб по жребию - из мужей и жен -
Брать людей на закланье идолам...
Было жутко людям! Замстился свет!
Русь стонала от скорбной жалости!
Эта злая «казнь» ровно десять лет
На родной земле продержалася...

Жил в ту пору в Киеве дальний гость,
Чай, не ведал такого отроду, -
Как-то выпала роковая кость:
Жертвой стать его сыну-отроку.
Вот явились к дому его послы:
«Дай, мол, сына для дела богова!»
А уже на стогнах дымят костры:
Боги пиршества ждут жестокого.
Тот несчастный крикнул, от горя лют:
- Зря вы тут свои ноги топчете!
Боги сами жертву себе найдут,
Вы напрасно за них хлопочете! -
Он к родному чаду челом приник,
Зароптал над дитем возлюбленным:
- Ваши боги - не боги: пустые пни!
Они все из деревьев рублены!

С превеликим ужасом ждал народ:
Вот-вот рухнут столпы небесные,
Пополам расколется небосвод,
И ударят грома железные!

Но вотще толпу растревожил страх:
Небеса на крик не ответили,
Словно дерзкой ругани в тех словах
Духи вещие не заметили!

Княжьи стражники ворвались с крыльца,
Крикуну защититься не дали:
Тут и сына юного и отца
Наказующей смерти предали!..

Но Владимир долго во гневе был
От молчанья богов подобного:
Он обиду крепкую затаил
На Перуна нерасторопного.

Княжье слово

А теперь войдемте же, наконец,
С удалой толпой молодецкою
В золотой, резной, теремной дворец -
Прямо в гридницу княженецкую...
Восседает у князя велик совет:
Воеводы, бояре думные.
Говорит старшинам Владимир-свет
Таковы слова велимудрые:
- Аз собрал вас нонь не пир пировать,
Думу думать большую, главную:
Как любезной отчиной управлять,
Как упрочивать власть державную?
Друга! Братия верная, гой еси!
Людям бога чтить полагается,
Ан ведь темный люд на лесной Руси
Пням бесчувственным поклоняется.
Не срамно ли нам от других отстать
В веке разума воссиявшего,
Не пора ли новых богов сыскать
Для отечества заплутавшего?

Тут, успевший братину осушить,
Молвит слово Добрыня-дядюшка:
- Так каким же ноне богам служить
Повелишь нам, прикажешь, князюшка? -
Князь тяжелой дланью подпер чело.
Видно, долго умом раскидывал,
Чай, немало вер изучил зело.
Тьму пресвитеров перевидывал.
- Звали нас Магометов закон принять...
Зол закон на хмельное зелие.

Где же русским людям коран понять,
Коль питье - всей Руси веселие!
От хазарских каганов был посол,
Речью ластился фарисейскою,
Ждал, чтоб Киев-батюшка перешел
В веру ихнюю, иудейскую.
Иудеям короток был ответ:
«Зря своих богов предлагаете,
У самих у вас даже дома нет,
По чужим краям обитаете!»
Нам бы надобно к вере прийти такой,
Чтобы в храмах высоких пелося,
Чтоб, отведав сладости неземной,
Прежней горечи не схотелося!
Потому порешили мы в Корсунь плыть
С нашей знатью большой боярскою,
Там самим креститься и Русь крестить
В веру новую христианскую.
Установится в небе едина власть,
Бог, пророками предуказанный,
Аз же буду единым судьей у вас,
На земном престоле помазанный! -
Тут зовет Владимир к столу бояр,
В руки чашу берет заздравную,
И велит правитель, чтоб спел Боян
Величальную песню славную...

Святослав

(Четвертая песнь Бояна)

То не бор шумит, не ручей бежит,
Не струя журчит меду ярого,
То в притихшей гриднице чуть дрожит
Золотая струна Боянова...
Говорит Боян: - Навострите слух!
Эта песня моя заветная,
В этой песне - ратный славянский дух,
Звон мечей, ископыть победная...
Может статься, братья, в остатний раз
Я потешу вас былью-небылью.
Святославу аз посвящаю сказ.
Лучше воина в мире не было.

Все мы в разный срок обратимся в прах,
Ляжет грузом на грудь надгробие.
Пусть потомки сыщут у нас в делах
Святославовых дел подобие...

Был во стольном Киеве вещий знак:
В день, как княжье дитя родилося,
Под крыльцом одна из борзых собак
Острозубым львом ощенилася.
И по знаку вещему, с малых лет,
Тесьмяные поводья стиснувши,
Князь летал по земле, как могучий лев,
На загривке коня повиснувши.

Неспроста говорят: коль драчлив петух,
Где же быть ему в теле жирному?
То-то князь Святослав был поджар да сух,
Не привычен к приюту мирному.
Он спокойных благ не искал себе:
Не страшась ни жары, ни холоду,
Мясо ел в седле, пил вино в седле,
Спал, седло подложив под голову.

Все дружинники княжьи крепки, как гвоздь,
Тоже намертво в седла впаяны.
Все округи ведомы им насквозь,
Все пути, все дороги знаемы.
Они вскормлены славой с конца копья,
Под раскатами труб взлелеяны,
Их шеломов медные острия
Дымом грозных побед овеяны.
До Хвалынского моря их князь водил
Одолеть саранчу хазарскую,
Белу Вежу приступом победил,
Отнял землю Тьмутараканскую.

В ту пору Царьград на морском ветру
Развевал свои стяги гордые;
С давних дней он хитрую вел игру:
Ссорил Русь с кочевыми ордами.
Уж не раз скопившийся долг обид
Князь Олег по счетам оплачивал:

Он врагам - на память! - червленый щит
К городским вратам приколачивал...

Оттеснив хазар от родных оград,
Святослав вдаль ушел из отчины:
Порешил замки цареградских врат
Отпереть топором отточенным.
Князь повел своих ратников через степь
На Босфор, потягаться силами,
И уже над мглой византийских стен,
Смерть пророча, запели сирины.
Чтоб разнежился яростный дух врага,
От царя послы тароватые
Привезли князю русскому жемчуга,
Перстни, паволоки хрущатые.
Святослав подношения развернул,
Выбрал меч с харалужным лезвием,
А на жемчуг с золотом не взглянул:
Эки вещи, мол, бесполезные!

Византийцы ахнули: «Грозен князь,
Кем одно лишь оружье ценится!» -
И держава мощная, устрашась,
Стала дань платить, аки пленница.

Аж за море и конный, и пеший враг
От Днепра, от Дона попятились,
Все хазары, обры зарылись в прах,
Печенеги в степях попрятались.
Крепко-накрепко заперлись рубежи.
Поднялись на путях оградины.
Не урвать у нас ни одной межи
Тех земель, что отцами дадены!

...От Бояновой песни восторга дрожь
Пробрала дружину могучую.
Князь Владимир молвил: «Зело поешь!..» -
И слезинку смахнул горючую.
- Погоди! - прибавил он, весь светясь, -
Я тебя из казны пожалую! -
А Боян ему: - Ты дослушай, князь,
Дай домолвить припевку малую...

Громче всех могучий барс Святослав
По земному раздолью славился.
За бойцовский свой, непокорный нрав
Больше всех он Перуну нравился.
С черной тучи зорко следил Перун
За разгульной отвагой княжеской.
Сколько выпил бог вина на пиру,
Столько пролил князь крови вражеской!..
Да не то Перун шибко пьяным был,
Не то спал под пуховой тучею:
Печенежский хан ни за грош сгубил
Святослава, бойца могучего.
Княжий череп золотом оковав,
Пил из чаши хан вина красные,
И вставал над Русью закат, кровав,
Предвещая года ужасные!

Спор

Тут, неладной песне кладя конец,
Вдруг ударил Владимир по столу:
- Аль ты наших слов не слыхал, певец?
Аль решил на своем упорствовать?
Твой Дажбог - не бог. И не бог - Перун.
Русский люд их, как сказку, выдумал.
И чтоб впредь ни в слове, ни в звоне струн
Не слыхать нам про этих идолов!
Мы иного господа чтить велим.
Хватит бесу молиться черному!
Всех перунов днесь мы огнем спалим,
Как нечистую силу чертову!

Издавна круты на Руси князья,
Но певцы еще своевольнее.
Никакой уздой усмирить нельзя
Их ретивое слово вольное.
Рек Боян: - Обойди ты всю Русь кругом,
Огляди ты всю твердь до донышка:
Всюду жив Перун - то небесный гром,
Всюду жив Дажбог - красно солнышко!
Зря ты, князь, гонясь за чужим умом,
Вздумал ныне свой укорачивать,
Да людские души в краю родном

На испод вертеть, выворачивать.
Родовые корни прочнее стен.
А коль вырубить корни дерева,
Попадет народ в чужеземный плен,
Обескровится слава дедова!
Говорю тебе: не ломай уклад.
Только попусту будешь мучиться.
Песни новые прежних не заглушат,
Ничего у них не получится!

Князь Владимир, яростью обуян,
Грохнул вновь десницей тяжелою:
- Не перечь, Боян! Помолчи, Боян!
Пожалей свою буйну голову!
А Боян ему: - Не стучи рукой!
Не закажешь Перуну царствовать!
Довелось ему пятьдесят веков
На родной Руси государствовать.
Это он Царьград с нашим войском брал.
Это он был заветом мужества.
Это он с косогами шел на брань,
Обрядясь в доспех Ильи Муромца.
Это он парней закалял в боях,
Чтобы души в покой не кутали,
Чтоб ценили выше всех прочих благ
Буревой размах русской удали!
Не учил Перун: коли бьют в щеку,
Подставляй другую смирнехонько,
А учил Перун дать отпор врагу,
Чтоб обидчик завыл тошнехонько!
Оттого Святослав был так люб ему!
Русь не знала верней хранителя!
Знать, Перун по образу своему
Сотворил такого воителя!
И когда Ольга-матушка на Босфор
За заморским крещеньем плавала,
Святослав не зря затевал с ней спор.
Вспомни, князь, слова Святославовы!
Он зело стыдобил княгиню-мать,
Он в сердцах вопрошал с презрением:
«Не срамно ль дружину нам потешать
Непотребным чужим крещением?!»

Коль ты примешь, князь, христианский «лад»,
К нам на Русь, говорю заранее,
Вороньем церковники налетят,
Навезут «святое писание».
Хоть писание это «святым» зовут,
Трудно книгу сыскать развратнее.
В ней и ложь, и грязь, и постыдный блуд,
И вражда, и измена братняя.
Занедужим мы от их «аллилуй»,
Что во сне-то у нас не виданы!
Будут петь на Руси: «Исайя, ликуй!»
Будут славить псалмы Давидовы.
Чужеродные, чуждые словеса
Заскрежещут арбой немазанной.
И пойдет от них увядать краса
Речи русской, шелками вязанной!
Коли деды клюкву одну едят,
Скулы внукам сведет оскомина.

Много бед церковники натворят,
Истерзают народ расколами.
Встанет брат на брата и род на род!
Ох, люта вражда промеж близкими!
Вновь усобица по Руси пойдет,
Самый подлый наш ворог искони!
Не к добру, не к добру ты задумал, князь,
Звать на Русь заморских пресвитеров! -
Плюнул старец в гриднице, распалясь,
И ушел, тот плевок не вытерев.

Крещение Руси

С той поры замолк, песен петь не стал
Соловей былинного времени.
Коли кривда правде скует уста,
Нету в мире тяжельше бремени.
Под немилость княжью попал певец,
Отвернулись бояре важные.
И как будто вмиг приувял венец,
Свитый прежде молвой продажною.

Шел горюн по угодьям родных краев,
Его очи сквозь слезы видели,

Как кнутами карали «еретиков»
Кротость славящие крестители.
Видел он, как стадами сгоняли люд
На неведомое крещение,
Как беспутный Путята, от злобы лют,
Новый город предал крушению.
Видел он, как епископы крест и меч
Возносили в кровавых лапищах,
Как спешили священные рощи сжечь,
Как богов оскверняли в капищах.

Век Перун на днепровском яру стоял,
Над речными синими долами.
Из искристого кремня, что бог держал,
Высекали кресалом полымя.
И когда на священном огне у ног
Пух петуший дымился сладостно,
Улыбался грозный славянский бог,
Очи бога блистали радостно.
Были латы его для басы-красы
Драгоценной резьбой прострочены,
Были боговы крученые усы
Красным золотом позолочены.
И не раз в сполошной крутой ночи,
О грядущей судьбе не ведая,
Здесь святили кмети свои мечи
Перед сечей, перед победою.

А теперь былого царя небес
Примотали к паскудной лошади,
И с похабным криком: «Изыди, бес!»
Потащили по людной площади.
Длиннорукий Добрыня в поток швырнул
Громоносного бога дедова:
«Дескать, сытно ел ты и пил, Перун.
Ну, и хватит! Катись отседова!»
И поплыл Перун по Днепру-реке,
Как колода, что в воду валится,
И была бессильной в его руке
Боевая литая палица.

Лишь грозились людям его персты:
Погодите, хлебнете горюшка,

Как на ваши благостные кресты
Грянут коршуны из-за морюшка!
Коли стольный град одолеет зло,
Малым слободам нет спасения!
Ровно лютый змей, по Руси ползло
Горевое самосожжение.
По грязи, повдоль верстовых столбов
Гнали в дальний край, как заложников,
Ведунов да знахарей, да волхвов,
Да бродяг дударей-гудошников.
Чтоб забыл обычьи свои народ,
Шли варяги, наемны ратники,
Полоскали палками хоровод,
Разгоняли людские праздники.
Дымной гарью плыл над землею страх,
Языки полыхали рыжие:
На широких стогнах в ночных кострах
Жгли язычное «чернокнижие».
Все, что русский люд испокон веков
На бересте чертил глаголицей,
Полетело чохом в гортань костров,
Осененных царьградской троицей.
И сгорали в книгах берестяных
Дива дивные, тайны тайные,
Заповеданный голубиный стих,
Травы мудрые, звезды дальние.

Обжигая руки, спасал Боян
Слово отнятое отцовское.
Но грозились стражи: - Погодь, смутьян,
Сам сгоришь, как письмо бесовское!
Почернел гусляр от тяжелых дум,
Уж не петь ему по-веселому.
Ржа железо ест, а печаль ест ум,
Стих веселый не лезет в голову...

Сон Бояна

Изнурил певца бесприютный путь.
Белый ус его хмуро свесился.
Вот решил он под липкою отдохнуть.
То ли явь? То ли сон пригрезился?..
Видит старец: радуга меж полей

Подымается в выси ясные.
Он - недолго думая - прямо к ней!
За перильца схватил цветастые
И пошел по радуге выше круч
В дальний край, недоступный вымыслам,
Где стада седых тонкорунных туч
По вольготным гуляют выпасам.
Серебрится звездное там зерно,
Что Сварог в борозды высеивал,
Светозарною нивой блестит оно,
Расстилаясь с юга до севера.
А на горке терем стоит царя.
В терему том окошко светится.
И глядит из окошка краса Заря,
Ненаглядная красна девица...
Говорит Заря: - Здравствуй, свет Боян.
Ты зачем в нашу даль пожаловал?
Уж как нонь довольна была бы я,
Кабы песней меня побаловал!
Рек Боян: - Я тут - не в хмельном пиру,
Вечно петь, так язык затупится...
Ты ответь, Заря: где твой брат Перун?
Что же он за Русь не заступится?!
Тут у Зорьки слезы из нежных глаз
Чистым жемчугом покатилися.
Невеселый она повела рассказ,
Коим многие б подивилися...
Говорила Зорька: - Могуч был мир,
Где Перун громыхал победами!
Хоть суров он был, хоть не всем был мил,
Ан при нем все порядок ведали.
Сошники Перун мужикам ковал;
Сделал меч-кладенец невиданный,
Вражьи рати рушились наповал,
Как сверкал он, из ножен вырванный!
Рассудил Перун битву света с тьмой,
Разлучил навек с белым черное,
Примирил поединок огня с водой,
Заточил огонь в кремни горные.
Много славных дел он свершил, орел,
Все дела поди перечисли-ка,
Ан ведь сколь завистников приобрел:

Чай, на каждый чох - по завистнику!
Сотворишь добро, глядь: никто не рад!
У завистников нету радости.
Злее черных змей за спиной шипят,
Пуще сладости любят гадости.

А за синь-рекой, что волной журчит,
Под горою, что всякий видывал,
Жил коварный, хитрый король Завид,
Больше всех Перуну завидывал.
Не желал он жить во своем дворе,
Где бочонки медами полные,
А желал он быть на крутой горе,
Где Перун высекает молнии.
Заедала Завида чужая честь,
Гордецу почет слаще сахара.
Уж как тщился он на ту гору влезть,
Чтобы челядь бы вся заахала!
Да не просто справиться с той горой:
Все бока ее глаже мрамора.
Цепче коршуна когти имел король
Да об камни их пообламывал.

Черной завистью вымученный вконец,
Дал король повеленье строгое:
Золотой построить ему дворец,
Чтобы был он богаче богова!
И воссел Завид в окруженье слуг,
Похваляясь речами смелыми.
Он в одну взял руку червленый лук,
А в другую колчан со стрелами...

Пировали боги на Лыс-горе,
Кто-то в шутку сказал Громовнику:
- Пить ли брагу нам при твоем дворе
Аль пойти к твоему помощнику?
Весь Перунов терем от этих слов
Залился богатырским хохотом,
Небо дрогнуло, будто бы от громов,
В бочках пиво взорвалось с грохотом.
А Перуну тень на чело легла,
Знать, устал от речей язвительных.

И упали наземь туман и мгла
От Перуновых дум томительных.
Затаились боги: удара ждут!
От Громовника нет спасения -
Его стрелы жаркие ровно жгут,
Все сжигают без сожаления!

Вдруг Перун на землю с престола - шасть!
Без укоров, без нарекания,
Говорит Завиду: - Бери всю власть,
Коль такое твое желание!
Не стыдись, коль в чем тебя подучить.
Нелегко, чай, над миром властвовать!..
- Что ерша учить, как по речке плыть?
Без подсказок сумею царствовать! -

Поменялись одежами без хлопот,
Каждый вымолвил речь приветную,
Сел король Завид на ковер-самолет
И вознесся на гору светлую.
А Перун колчаном об землю - хвать!
- Надоело! Покняжил досыту! -
Под священным дубом улегся спать.
Там доныне и спит без просыпу...

А Завид вступил на высок престол,
Не сробел от забот полученных.
Он державную руку свою простер
От полночных стран до полуденных.
Стал своим разуменьем дела решать,
Стал людей учить да подсказывать:
Как сподручней землю зимой пахать,
Как весной на санях раскатывать.
Уж коль вздумал кто мудрецом прослыть,
Враз за новый обычай ратует:
То прикажет вниз головой ходить,
То блоху со слоном сосватает.
От такого правления короля
Опустели поля бесплодные,
Задичала, выгорела земля.
Даже боги сидят голодные.
Не дождутся люди весны-красны.

Все певучие реки скованы.
Из небесной и из земной казны
Все сокровища разворованы.
И никак король не исправит грех:
Где зерна достать? Мыши слопали.
А где мыши? Кошки пожрали всех.
А где кошки? Стрелки ухлопали.
Где стрелки? На речку гулять ушли.
А где речка? Быки всю выпили.
Где быки? На песок отдохнуть легли.
Где пески? Все ветра повымели...

Не управился глупый Завид с землей,
Заварил дела бесталанные.
И одна беда за другой бедой
В гости к людям пошли, незваные.
Все никак не кончится скорбный путь.
Не размыкать кручину ветрами.
Но Перун проснется ж когда-нибудь!
Вспыхнут дали лучами светлыми!..

Разбоище

Шел Боян чащобами наперерез
В те края, где гулял со славою,
Завернул в знакомый древлянский лес,
В дом к Могуте с женой Забавою...
И сказал Боян таковы слова:
- Гой, вы, люди, лесные братушки,
А видна ли вам сквозь густы дерева
Боль-печаль родной Руси-матушки?
Вам и прежде досталось немало зла:
Сколь в полюдье к вам Игорь хаживал,
Ольга ваш Искорбстень дотла сожгла,
Ярополк убил князя вашего!
Только это горе - полгоря лишь.
Горе в княжьей руке Владимира:
Велимудрый правитель задумал, вишь,
Чтоб вся дедовщина повымерла!

Вам, древлянам, отваги не занимать:
Чай, смогли одного грабителя
К двум упругим сосенкам примотать -

Пополам разорвать, мучителя!
Не давайте ж отчиной володеть
Тьме варяжской, их силе вражеской!
Не спешите крест на себя надеть,
Не потворствуйте дури княжеской! -
Славянин - отзывчивый человек!
Тронь его - загудит, как колокол:
Коли песнь запоешь - будет слушать век,
Коли в бой позовешь - взлетит соколом.
Собрались тут молодцы: Ратибор,
Творимир, Лучезар да Всеволод,
И пошел у витязей разговор,
Что любезен для сердца смелого.
Зашумел суровый древлянский бор,
Загигикал недобрым голосом,
Заблистал булатный косой топор
У лихих лесников за поясом!
Подались в разбоище мужики,
Зверобои, стрелки опасные,
К ним волхвы приладились, старики,
Да ярыжки, да лежни праздные...

Аж до Киева докатился страх,
Стал трясьмя-трясти княжьих стольников:
Дескать, меньше нонь соловьев в лесах,
Чем охальных шишей-разбойников.
Они рыщут всюду с ночной татьбой,
Собирают дань придорожную,
Да в глухих урочищах день-деньской
Затевают гульбу острожную.
Не желают, подлые, забывать
Свои капища, свои игрища,
Не хотят анафеме предавать
Свои требища, свои тризнища!

Повелел князь, чтоб ловкие тиуны
Разыскали в лес тропы тайные
И чтоб всех «приспешников сатаны»
Заковали в замки кандальные!

В тот же день из киевских городских ворот,
Из печерских святых обителей

Вышли братья-монахи «крестить народ» -
Непокорных древлянских жителей...
Шли монахи по темным глухим местам,
Путь искали по небу звездному,
А попали монахи в разбойный стан
К атаману Могуте грозному.
Бог-то бог, да и сам тоже будь неплох! -
Жуть взяла от могуча облика.
А господь всевидящий не помог,
Не спустился с ночного облака.
Полыхнул над рясами острый нож,
Ан не пролили кровь грабители.
- С беспортошных иноков что возьмешь?
Погостюйте у нас, святители! -

Ох, ты, русская щедрая доброта!
Сколько раз за века случалося:
В нашу землю ненависть и вражда
Под личиной «друзей» являлася!
Пробрались монахи в лесной посад,
Не Христа взялись проповедывать,
А разглядывать: где мечи висят,
Где заплоты стоять - выведывать.
А когда разбойники спать легли
И во мраке сычи заухали,
Черноризые братья в туман ушли -
Доносить про все, что разнюхали.
Стали гнать разбойников из лесов.
Их травили псы озверелые.
Волкодав с железной пилой зубов
Изорвал певцу руки белые.
Но ведь сколь друзей в стороне родной!
Коли недруг в погоню ринется,
Кинь простой рушник - потечет рекой,
Кинь гребенку - там бор поднимется.
Трудно вольницу было прибрать к рукам,
Заупрямилась Русь-красавица!

Ну, да где ж топорникам-мужикам
С броненосной дружиной справиться?!
Князь варяжское войско призвал внаем,
Воеводы весь край обшарили,

Подкосили Могуту стальным копьем,
В стольный град на правеж отправили.
Отзвенела удаль в недолгий срок,
Отшумела хмельная славушка,
И попала с соколом в злой силок
Соколица его Забавушка.
И с дружками, с коими пил-гулял,
С атаманом лесного племени,
В ту же злую сеть угодил гусляр,
Соловей старинного времени.
Под охраной блещущего копья
Увели в полон рать свободную,
Заточили звонкого соловья
В клетку каменную холодную.
Разгулялся княжеский произвол,
Чтобы смять, сломить душу гордую!
А Боян и тут свою песнь завел,
Неподкупную, непокорную...
...Как во каменной палате
Суд разбойника судил:
- Ты скажи, скажи, разбойник,
- Кто на свет тебя родил?

- Породила да вскормила
Меня мать сыра-земля,
Молоком меня вспоила
Воля вольная моя.
Эх, воля вольная,
Русь раздольная!

- Ты скажи, скажи, разбойник,
С кем гулял, разбой держал?
- Не один разбой держал я:
Трех товарищей сыскал.
А как первый мой товарищ -
То булатный острый нож,
А другой-то мой товарищ -
Непроглядна темна ночь!
Оба друга верные,
Братья неизменные...

- А кто ж третий твой товарищ?
- Ретивой буланый конь.

Кабы конь не оступился,
Мне гулять бы и пононь!
Эх, кабы конь не оступился,
Мне гулять бы и пононь!

Казнь

Над престольным городом гром гремел:
Плаху ставили для разбойников.
Князь Владимир-свет на крыльце сидел
В окруженьи бояр да стольников.
А над Русью шли облака, легки,
Будто лебеди в небе реяли.
И, как в прежние ласковые деньки,
На полях яровые сеяли.
И была осужденным не смерть страшна
Храбрецы мечей не чураются! -
Было тяжко знать, что весна пришла,
А они - с землей разлучаются...

Первым в круг Могутушка выходил.
Он не стал ни молить, ни кланяться.
Зря епископ киевский Михаил
Призывал молодца раскаяться.
Говорил ему поп таковы слова:
- Тебе смерть грозит неминучая.
Ох, и жгуча в адских котлах смола,
Неотвязная да липучая.
Повинись, Могута, за свой разбой,
Тяжкий грех от души отвалится,
Вещий пастырь над блудной своей овцой
Попечалится да и сжалится!..

Отвечал Могута: - Довольно врать!
Баб пугайте смолой кипучею.
Бог ваш слабые души скликает в рай,
А, чай, мы - молодцы могучие!
Что мне ваши дьявольские котлы?
Вот уж, право, чудны нелепости!
Реки той смолы на меня текли,
Когда брали мы вражьи крепости!
Ради Родины, ради народных благ
Я бы вмиг с головой расстался бы!

В бурю рубят мачты на кораблях -
Лишь бы целым корабль остался бы!
Пусть по мне красавицы слезы льют,
Рукавом цветным утираются,
Молодцы-удальцы пускай меч куют,
За свой край на бой собираются!..

Князь Владимир молча рукой махнул:
Дескать, что вора переучивать?
Сотский издали палачу мигнул.
Стал палач рукава засучивать.
И головушка с буйной копной кудрей
Покатилась из-под топорика.
Довелось на колу закачаться ей
Посреди теремного дворика.

За Могутой последовал Ратибор,
А за ним Лучезар и Всеволод...
Не помиловал жадный упырь-топор
Славных витязей войска смелого.
Целый день оттоль в придорожный ров
Выволакивали покойников:
Удалых охотников да волхвов,
Да иных бунтарей-разбойников.

Князь одну Забавушку «пожалел»:
Не отдал казнить смертью лютою,
В голубом Днепре утопить велел,
Навсегда разлучил с Могутою.
Лишь Бояна князь отпустил живым,
Не из милости, не из жалости:
Понимал, чай, люди придут за ним,
Побоялся народной ярости.

О ту пору в небе взошла заря,
Будто хлынули реки алые!
И во стольном граде, мои друзья,
Начались дела небывалые...
До сих пор об этом твердит молва,
Диво дивное приключилося:
Атаманова мертвая голова
Княжьей дочери полюбилася.

И ушла из терема навсегда
Озорная княжна-девчоночка,
В вешней роще выкрала из гнезда
Чернокрылого вороненочка;
Стал над нею ворон круги кружить,
Стал прельщать колдовскою силою,
Службу верную обещал служить,
Лишь бы взять назад птаху милую.
Не спешила девица дар принять,
Сжала птаху рукою твердою,
Повелела ворону вдаль слетать
За водою «живою» и «мертвою».
Вмиг от той воды атаман воскрес,
И туманной весенней ночкою -
Убежал разбойник в дремучий лес
Вместе с шустрой княжою дочкою.
От волшебных струек "живой" воды
Поднялись бунтари удалые,
Распрямились, выстроились в ряды,
Зашумели густой дубравою.
Да не зря и Забаву хвалил народ:
Всем брала - умом и осанкою! -
Потому у владыки днепровских вод
Обернулась она русалкою...

А Боян пошел по Руси гулять,
Молодцов из домов выманивать,
В свете чуда чудные вызнавать
Да на гуслях о них вызванивать.

Лик Перуна

Долго правил Русью
Владимир-князь.
Сквозь далекие расстояния
Из седых веков долетел до нас
Громкий сказ про его деяния.
Сколько всякой дивности золотой,
Медь да бронзу, ковры да статуи,
Вместе с Анной, новой своей женой,
Князь из Корсуня взял богатого!
Сколько Киев вскинул на теремах
Петушков да флюгарок башенных,

Сколько храмов выросло на холмах,
Всею хитростью изукрашенных!..

Стала гридница княжья еще пышней,
Все в ней сыщешь, что в мире ценится:
Звон ковшей, застолица, шум гостей -
Полной чашею так и пенится!
Все порядки в доме на новый лад,
Князь дружину свою побаловал:
Деревянными ложками не едят -
Всем серебряные пожаловал.

Постаревши, князь то и знай ходил
В Десятинный храм с перезвонами,
И, крестясь, подолгу стоял один
Под сияющими иконами.
Вспоминая время былых тревог,
Он глядел на Христа-Спасителя:
«Был не прав Боян, православный бог
Одолел Перуна-воителя!
Вишь, как гордо светит под потолком,
Промеж риз, серебра узорного,
На весь мир первейшая из икон -
Образ Спаса Нерукотворного!»

Вот однажды... вечер туманный был...
Птичий крик пред грозою множился...
Князь Владимир в церкви поклоны бил
Да невесть о чем все тревожился...
Вдруг, вглядевшись, от ужаса замер он:
Вместо Спаса Нерукотворного
Глянул, хмуря брови, со всех икон
Лик Громовника непокорного!
Затуманились очи в недобрый час,
Расстучалося сердце старое:
На царьградских досках был кроткий Спас,
А на русских - зрит око ярое!
И других угодников не узнать!
Начал князь от испугу пятиться:
Где Илье Пророку привычно мчать,
Там Перун в колеснице катится...

Знать, художники русские за года,
В нарушенье письма канонного,
Подверстали под благостного Христа
Бога предков своих, исканного!
А ведь в споре, много годов назад,
Предрекал Боян то же самое:
«Песни новые старых не заглушат!
Русь не сломишь! Она упрямая!»
И подумал князь в тот тяжелый миг:
«Видно, зря я народ примучивал,
Зря силком богов насаждал чужих,
Зря кострами Русь переучивал!»

. . . . . .

В ту же ночь в округе поднялся гам,
Воронье в степи раскричалося:
Под покровом тьмы к городским стенам
Кочевая орда подкралася.
Это вновь на Русь печенежский хан
Налетел из гнездовья змиева,
И петлею горло сдавил аркан
У пресветлого града Киева.
И покинув жен, в грозовой ночи,
По гудку трубача зловещего
Вышли русичи «позвонить в мечи»,
Как у нас издавна завещено!..
Засветилась в темной степи роса,
Заплескалися крылья воронов.
За увалом скопившаяся гроза
Широко обступила воинов.
Вспыхнул луч зарницы, огнем прошит,
Видно: быть тут грому великому!
Утром солнце, как будто червленый щит,
Залилось кровяными бликами.
И начался тут небывалый бой!
Зазвенели клинки булатные.
И схлестнулись кони промеж собой.
И прогнулись доспехи ратные.

У степных рысаков - волчий блеск в глазах,
Мечут в битву все новых ратников.

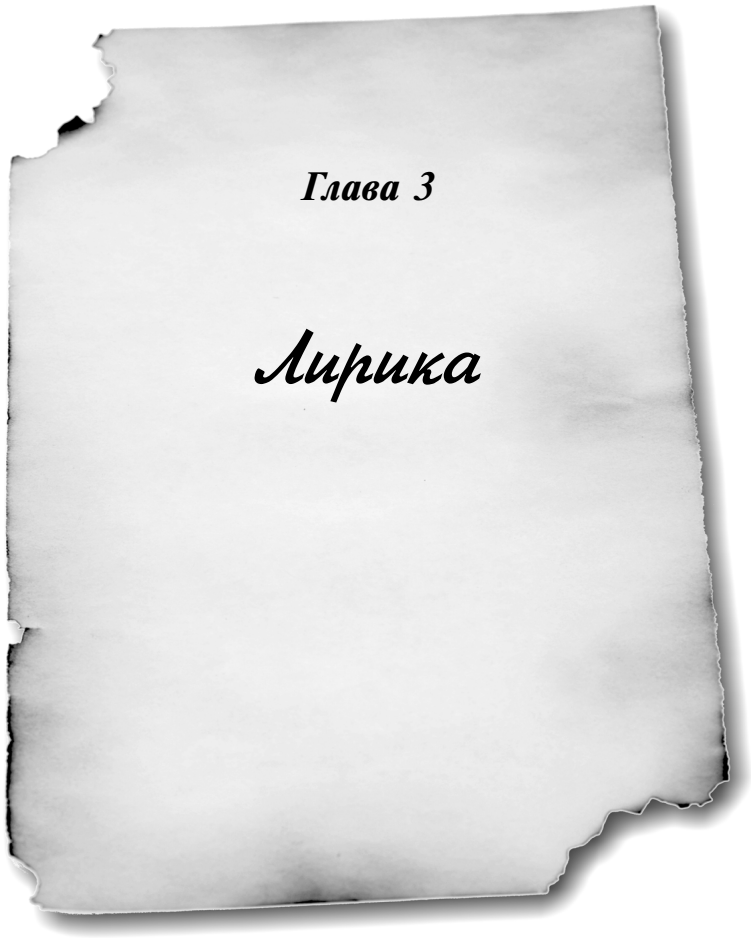
А уносят - свисших на стременах -
Безголовых, безруких всадников.
Наседает враг. Прет и прет, жесток.
Русский, строй чуть-чуть посторонится,
Кинет наземь колкий стальной «чеснок» -
Горек тот «чеснок» вражьей коннице!
У кочевников сабля длинна, остра,
Словно месяц промежду звездами,
Да хоть сабля остра, все ж мечу не сестра:
Сталь меча - обоюдоострая!
Меч махнет - и две головы долой!
А лихие рубаки русские,
Будто в поле заняты молотьбой,
Бьют и бьют по снопам без устали!
Уже досыта жаркая нива та
Горевыми костьми засеяна,
Уже дочерна кровушкой полита,
Ветром смерти стократ провеяна.
Уже в том пиру не хватило вин!
Уже вороны тучей хлынули!
Но ни русс, ни яростный половчин
Еще стяг победы не вскинули!

Вот где князь-то киевский приуныл,
Со стены эту битву видевший,
Оттого, что много он показнил
Боевых разудалых витязей!
Все напористей, русичам вперерез,
Рвется к городу вражья конница,
И уже решительный перевес
К полосатым халатам клонится!

Вдруг на русской воинской стороне
Чьи-то очи блеснули углями,
И седок на белом, как дым, коне
Пролетел стрелой под хоругвями.
В непроглядном мраке грозовых туч
Взвился меч-кладенец невиданный,
И победно он засверкал, могуч,
Из серебряных ножен вырванный.
Тут как начал всадник мечом играть,
Вырубать в рядах промежуточки -

Одним махом улицы выстригать,
А другим косить переулочки!
Было взять с кого удалой пример
Русским витязям в миг сражения!
Было где оружию погреметь,
Когда Русь пошла в наступление!
Словно бурей, подлых врагов смело!
Вмиг очистилось небо ясное.
Над притоптанным ковылем взошло
Солнце ласковое, прекрасное!
Но никто из витязей не признал
Позабытого миром облика
Того воина, что с мечом промчал
На коне огневом как облако!..

Может, все это просто досужий слух,
Просто сказка одна красивая...
Ну, а правда в том, что наш русский дух
Не сломить никакою силою!
От глубоких корней наша Русь пошла,
Ее стебель далече тянется.
Как великой прежде она была,
Так великой и впредь останется!

Глава 3

Лирика

...В любви так много печального.
Пускай же еще не раз
Не тайными, а случайными
Будут встречи у нас...

БЕЛЫЕ НОЧИ

Белые ночи... Белые ночи...
Белые ночи - как белые дни.
Кажется, будто бы белые ноги
Моют в заливе ночные огни.

Людям не спится. На лицах веселость.
Громко мальчишки кричат во дворе.
Странная, сладкая невесомость
Есть в этой гулкой весенней поре.

Белою ночью счастливые сказки
Бродят по улицам городским.
Белою ночью стыдливые ласки
Дарят подружки любимым своим.

В небе - неоновое сиянье.
Все в мире призрачно, как в кино.
Ветер разлуки и ветер свиданья
Рвутся в распахнутое окно...

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

Мне чудится: над Волховом
Светла заря горит,
И весь Великий Новгород
В колокола звонит...

А я сбираю ягодку,
По травушке брожу.
Берестяную грамотку
Любавушке пишу:

«Любезная, пригожая, -
Попутал душу бес! -
Забудь про церковь божию,
Пойдем со мною в лес!

Там в роще белостволице
На зорьке птичий зов -
Почище всякой звонницы,
Звончей колоколов.

В осиннике, в орешнике,
В березовом краю,
Крамольники да грешники,
Мы будем - как в раю.

От зверя оборонимся
Рогатиной в руках,
А от людей схоронимся
В калиновых кустах...»

1972

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Здесь розы есть, как сладкий мед,
С цветными лепестками,
Есть розы хрупкие, как лед,
И яркие, как пламя.
Есть розы белые, как снег,
Крученые, как вьюга,
Есть розы с именем «Артек»,
«Веснянка» и «Подруга».

Старик садовник входит в сад,
Весь день мудрит, как химик,
И розы льют свой аромат
Под пальцами сухими.
Он может, завязав глаза,
Без всякой гордой позы,
Легко по запаху сказать,
Какого сорта роза.

...Но как-то раз
Заметил он
Двух молодых рабочих:
Парнишка, видно, был влюблен,
А девушка... не очень.
Старик подумал:
«Молодежь!
Небось страдать не сладко?»

Он взял кривой садовый нож
С дубовой рукояткой
И срезал розу -
Словно мед! -
С густыми лепестками,
И розу хрупкую, как лед.
И яркую, как пламя.

Он подал в руки им букет
И отошел в сторонку,
И теплый,
Нежный-нежный свет
Возник в глазах девчонки.

А парень сразу стал смелей
И ростом стал повыше,
И что-то стало им ясней,
И руки сдвинулись тесней,
И плечи стали ближе...

Садовник был заметно горд,
Смотрел на них с участьем,
И новый свой душистый сорт
Решил назвать он «Счастье».

В ВЕСЕННЕМ ГОРОДЕ

В весеннем городе,
В весеннем шуме мая,
Когда все небо - как зеленый светофор,
Вы часто слышите на скверах и в трамваях
Смешной и несерьезный разговор...

Все эти речи очень бестолковы.
О чем они? Да просто ни о чем.
О том, что у сирени цвет лиловый,
Что грустно врозь и весело вдвоем.

Там счет ведут веснушкам и ресницам,
Какую-то бессмыслицу плетут.
Со стороны посмотришь: точно птицы -
Не знают сами, что они поют...

А все ж мне жаль тех умниц, для которых
Все это - чепуха и ерунда,
Кто этих несерьезных разговоров
Вести уже не будет никогда...

1957

В ЗООПАРКЕ

Среди Москвы стоит забор.
Грозясь стальными стрелами,
И там, вся в бликах, как фарфор.
Гуляет лебедь белая.

Плывет меж лилий без труда
(Вода не заволнуется!)
И в чистом зеркале пруда
Сама собой любуется...

Мне кажется,
пока средь вод
Скользит она в сиянии,
У диких тигров спор идет
Из-за ее внимания.

И хитрых замыслов полны,
Взирая с возвышения,
Хотят прельстить ее слоны
Высоким положением.

Жираф ей машет, обнаглев
(Беда с таким верзилою!),
И рыкает надменный лев:
«Возьму красотку силою!»

...Мне очень страшно иногда:
А вдруг и вправду станется -
Твоя лебяжья красота
Такому льву достанется?!

* * *

В любви так много печального.
Пускай же еще не раз
Не тайными, а случайными
Будут встречи у нас.

Пусть дольше живет желание
Пугаясь любви своей,
Искать свиданий в компании
Веселых шумных друзей.

Пускай глаза будут чистыми.
Чтоб нам не пришлось в гостях
Скрываться контрабандистами
С тайным грузом в сердцах.

Пусть я - без излишней патоки, -
Придя к тебе, буду рад
Не на руки взять, а за руки
И - в бурю, под снегопад!

И пусть папа с мамой в панике
«Погибшую» ищут дочь,
А мы с тобой... о ботанике
Проговорим всю ночь.

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Ноябрь - плохое время для влюбленных,
Но молодость не помнит ни о чем.
Под потолком из желтых листьев клена
Им, видимо, неплохо здесь вдвоем,

У поцелуев горький привкус дыма.
И парень не стыдится повторять:
- Я очень счастлив быть твоим любимым,
Но я свободу не хочу терять.

Ей верилось, что будет все иначе,
Что им «свобода» станет ни к чему.
Как сложно все! Она едва не плачет,
А все же нежно тянется к нему...

А день какой!.. Раскаявшись в угрозах,
Ноябрь весенней свежестью запах.
Намека нет на близкие морозы,
И почки набухают на ветвях.

Доверчивые, глупые растенья!
Ей стало жаль их попросту до слез:
Чуть солнышко - у них уже цветенье,
А впереди - декабрь, зима, мороз...

1958

В ПОЕЗДЕ

В вагоне молодые пассажиры
Знакомятся легко как старожилы.

Болтая о погоде и о чае
Они о чувствах говорят очами.

Вот раздает постели проводница,
Они ложатся спать, но им не спится.

Его гудки томительные будят...
Она под простынь робко прячет груди...

И оба, хоть давно уже темно,
Все смотрят, смотрят в черное окно.

А поезд мчит, отсчитывая шпалы.
Чуть-чуть дрожат стаканы на столе.
И у окна большой букет фиалок
Отчетливо зеркалится в стекле.

А там, нежным этим отраженьем,
Проносится ночная темнота,
Огни вокзалов, зоны отчужденья,
Посадки, перелески, омута...

1969

В ПУТИ

Люблю, скажу по совести,
Обычай я такой,
Чтоб из окошка поезда
В пути махать рукой.

Оно пустяк, а все же я
Скажу о пустяке:
Знать, что-то есть хорошее
В той дружеской руке.

Девчонка взглядом встретится,
Вся с виду, как гроза,
Махнешь ей - и засветятся
Улыбкою глаза.

Душевным взором ласковым
Одарит на ходу -
И вновь под гордой маскою
Укроет доброту...

1957

В СОКОЛЬНИКАХ

Был май заманчивый и шустрый,
Он всем влюбленным помогал,
И он серебряные люстры
В вечернем небе зажигал.

Кругом цвели иван-да-марья.
В аллеях пели соловьи.
И все Сокольники в тумане
Преображались в сад любви.

И сам я с лучшей из девчонок
Шепча ей что-то невпопад,
В дыму сиреней и черемух.
Бывало, крался в этот сад.

Когда ж домой мы возвращались.
Увившись запахом полян,
Мы, словно пьяные, шатались.
Топча сиреневый туман.

И друг от друга пряча взоры,
Боясь и вовсе захмелеть,
Вели пустые разговоры,
Чтобы смущенье одолеть...

А что тогда меж нами было?
Какие дивные дела? -
Все голубая мгла укрыла
И в даль седую унесла...

В ТОТ ДЕНЬ..

В тот день с понурыми плечами
Я долго мокнул под дождем
И постигал, что от печали
Мне не укрыться под плащом...

Бухгалтер-память шрифтом четким
Вела подсчет обид и бед,
И становился черным-черным
Весь ненадежный белый свет!..

В тот день спасла меня девчонка,
Тонюсенькая, как дитя:
Она мой груз печали черной
Взяла отважно на себя.

Она обиды не боялась,
Сама мой тяжкий крест брала:
Ходила рядом и смеялась,
Врала, что счастлива была!

Она звала: «Забудь про горе!
Тоску веревочкой завей!»
А я же хмурился доколе
Сквозь грусть не улыбнулся ей.

В тот день я понял, что не лечат
Неразделенную любовь,
Ее швыряют с плеч на плечи,
И кто-то дальше тащит вновь...

Трагическая эстафета
Идет по жизни без конца.
...Я слышал, что девчонка эта
Разбила многие сердца.

ВЕСЕННЕЕ НАПУТСТВИЕ
(шутка)

Я всегда внимателен к девчонкам,
Потому что помню да сих пор,
Как со мной росла моя сестренка.
Жаль мне, что у многих нет сестер.

Скоро снова ландышей цветенье,
Будут ночи лунные без сна...
Надо бы повесить объявленья:
«Осторожней, девушки: весна!»

Очень вы беспечные, девчонки!
Все б вам любоваться на луну!
А весною - паводки, воронки
Закружат, затянут в глубину...

Будут домогаться вашей страсти
Те, кому от вас - таких дурех! -
Мало одного на свете счастья,
Мало двух. И трех! И четырех!

А у них магические взоры,
Хитро помогают им в любви
Голубых ночей гипнотизеры,
Подлые пройдохи - соловьи.

А кругом - сиреневые ветки...
От росы - студеный аромат...
Говорю вам: если вы - студентки,
Лучше изучайте сопромат!

1960

ВОСПОМИНАНЬЕ

Скупыми днями поздней осени
Я вспоминаю все светлей:
Как мы с тобой на горном озере
Из рук кормили лебедей...

Не разобрать: в воде ли, в небе ли,
На фоне отраженных гор,
Как стебли трав, качались лебеди.
Как белый шелковый узор.

Курчавый пар вздымался клубами,
А птицы плыли по волнам;
Они пластмассовыми клювами
Доверчиво тянулись к нам.

Какая грусть была в их трепете?
Какая тайна красоты?
Нам что-то лепетали лебеди,
Чего не знали я и ты.

1964

ДАМЕ СЕРДЦА

Мне надо знать, что ты меня,
Как рыцаря, ждала.
Что вышивала знамена,
Гербы мои ткала.

А по ночам шла пряжу прясть
Из нитей золотых
И в них тайком вплетала прядь
Волос своих густых!

Мне надо твердо верить, что
И год и два пройдет -
К заветной горнице никто
Ключей не подберет.

Мне надо думать, что могу
Совсем далеким стать,
А ты все будешь на шелку
Мой образ вышивать!..

ДВА СЕРДЦА

Весь вечер девушка ждала напрасно:
Он не пришел. А сам ведь так просил!
Весь мир, доныне правильный и ясный,
Вдруг пошатнулся на своей оси.

А как она спешила на свиданье,
Боясь, что он уже грустит в саду!
Как радостно в зеркальных окнах зданий
Себя оглядывала на ходу...

Ну, ладно, если бы случилась ссора!
Но им вдвоем так было хорошо,
Так много было долгих разговоров,
Веселых слов! И вот - он не пришел...

Сдавила сердце грустная усталость...
А люди ходят, шутят, говорят...
Как будто все по-прежнему осталось,
Как будто можно все вернуть назад...

Что делать ей? И кто ей объяснит:
Как может он уйти, смеясь, с другою?
Ведь поцелуй его еще горит, горит,
И кудри спутаны его рукою...
.....

...На свете есть два непохожих сердца.
Не примирить им помыслы свои.
От одного огня им не согреться.
Не захмелеть им от одной любви.

У каждого из них - свои законы.
Свои обычаи, свой суд и бог.
Одно живет для верности влюбленной.
Другое - для исканий и тревог.

Нет хуже, если эти два созданья,
Случайно заплутавших в темноте,
Хотя б на краткий срок сведет желанье,
Беспечное в природной слепоте.

Одно из них наплачется жестоко
От злой обиды за мечты свои
И долго будет мерзнуть одиноко
В холодном доме собственной любви.

Другому горем станет эта ревность,
Тягучая, как черная смола,
И даже нежная святая верность
Ему, как камень, станет тяжела.

Им вместе быть не нужно ни минуты:
Они друг друга изведут тоской.
Они из разных стран. Но почему-то
Одно к другому тянется порой.

* * *

Девушка с загадочным лицом,
В платье, точно ландыш, белом-белом,
Первая призналась мне во всем
И сама велела мне «быть смелым»!

Приказала верить наперед,
Без тоски и без сомнений верить,
Что уж если жду ее на сквере,
Значит, обязательно придет.

Принесла мне солнце и весну,
Поклялась быть ласковой и верной...
Как ее, такую, обману?
А ведь обману ее, наверно?..

1965

КЛЮЧ

Ценнее всех ценностей мира,
Прекрасней, чем солнечный луч,
Был нам от безлюдной квартиры
Доверен хозяйкою ключ.

Нам некого стало бояться:
Приют был надежным вполне.
Но страшно вдруг стало остаться
Впервые наедине...

Казалось: сердца не вместили
Неистовой радости той,
Невольно глаза загрустили,
Как будто перед бедой.

И стало вдруг тихо в квартире,
Где даже часы не стучат,
Где только одни в целом мире
Два сердца колотят в набат,

Где губы бормочут «Не надо»,
А руки уже говорят,
Что этой ненужной пощады
Они ни за что не простят.

* * *

Когда по трезвым расчетам
Ты станешь чужой женой,
Ты вспомни о запрещенных
Наших встречах с тобой,

О том, как в тепло вокзалов
Мы прятались от зимы,
Как в чинных музейных залах
Тайком целовались мы,

Как в сумраке улиц снежных
Бродили мы без конца
И та запретная нежность
Грела наши сердца.

Как вздрагивали от взглядов
Как мокли мы под дождем,
Как нам хотелось быть рядом
В теплом доме, вдвоем...

1952

* * *

Когда ушла ты, не любя,
Я думал: погрущу немного,
А остальное - на себя
Возьмет железная дорога!

Но что я сделаю с тоской?
Она ведь не покорна воле.
С железной волею мужской
Я весь - в твоем магнитном поле.

И в поезде уже давно
Я мчался бы куда попало,
Когда б не знал, что все равно
К тебе
назад
пойду по шпалам.

1947

* * *

Коль верно, что могут эксперты,
Расследуя чью-нибудь смерть,
В глазах у замученной жертвы
Убийцы лицо рассмотреть, -

То, значит, когда я с судьбою
Все счеты сведу до конца,
Увидят в глазах моих с болью
Черты дорогого лица.

Однако следов вероломства
Не встретят в нем. Будет оно,
Как в первую пору знакомства,
Все нежностью озарено.

Такое, как было вначале,
В ту лунную ночь в серебре,
Когда мы смущенно молчали
На лавочке в вашем дворе...

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Я сам не знаю: быль иль небыль,
Не помню: на земле, на небе ль.
Дружила девушка со мной.
Немало в юности, бывало,
Она мне тайн пооткрывала
В заветной мудрости земной.

Мы горевали и шутили
И в золоченый храм ходили
Смотреть балет про лебедей.
Она сама была - как лебедь!
И наш влюбленный тихий лепет
Мы не таили от людей.

Партер, объятый наслажденьем
На нас косился с осужденьем,
Как на безнравственный сюжет.
А между тем в священном зале
Лишь мы одни, наверно, знали:
Как был прекрасен тот балет!

О нас печалились и пели
И скрипки и виолончели,
И флажолет и контрабас,
И сигидилий кастаньеты,
И спор Одиллии с Одеттой -
Все было в точности про нас.

Глазами меряли мужчины,
Насколько стройны балерины.
Для дам кумир был дирижер,
А мы в беспамятстве тонули,
Мы были прахом грозной бури,
Нас уносившей на простор.

Давно я знаю, знаю это:
Сон Лебединого балета
Нельзя ни слушать, ни смотреть -
Тут надо в тайнике натуры
При первом звуке увертюры
Почуять крылья - и лететь!..

ЛЮБОВЬ

Вот вам мальчик и девочка,
Деловитые школьники,
На трамвайной скамеечке
Едут рядом в Сокольники.

А на стеклах - от наледи -
Столько всяких чудес:
Электричеством залитый
Эвкалиптовый лес.

И по снежному дереву,
Как по белой бумаге,
Мальчик ногтем для девочки
Чертит тайные знаки.

Только я в этой повести
Знаю, что это значит,
Потому что - по совести -
Я и есть этот мальчик.

Мне б в ладонях нести
Дни далекие эти:
Лучше первой влюбленности
Ничего нет на свете!

Вьются бабочки снежные,
Блещут бритвы-коньки,
А в глазах у нас нежные
Огоньки, огоньки...

Что за радость - рассказывать
О спортивных новинках
И, как рыцарь, завязывать
Ей шнурки на ботинках.

И встречаться азартно
Тайком от родителей
На балконе театра
Юного зрителя!

Но - чтоб все было честным!
Чтобы только искусство!
Чтоб пустующим креслом
Разделить свои чувства!

Поцелуи, объятия -
Это все будет после,
Даже под руку взять ее -
Это все будет после.

Только теннисным мячиком
Да «стрельбой» в волейбол
В этом возрасте мальчики
Говорят про любовь.

Только просьбой доверчивой
Дать до вечера книжку
В этом возрасте девочки
Отвечают мальчишкам.

1961

МЕРТВЫЙ ГОРОД

Не бойся коснуться взором
Тех мест, где лежит в крови
Разрушенный мертвый город,
Город моей любви.

С открытым и смелым взглядом.
Запрятав тоску в груди,
Как врач идет по палатам.
По мертвым камням пройди.

Пройди по пустым бульварам
Тропинками наших встреч,
Где больше не бродят пары,
Уже не звучит их речь.

Как в черный век Тамерлана,
Здесь в окнах темным-темно,
Развалены рестораны,
Разрушены все кино,

И дом тот, в котором ночью
Так жарок был пламень уст,
Заброшен и заколочен
И, как твое сердце, пуст.

Но мне позабыть нет власти,
Как в этом доме пустом
Твой голос звенел от счастья
Серебряным бубенцом!

Как быть мне теперь с руками.
Которые так нежны?
Как быть мне теперь с губами.
Которые не нужны?

В какую влезть переделку,
На гребень каких высот,
Чтоб вдруг показалась мелкой
Вся горечь моих невзгод.

Чтоб я позабыл твой лепет,
Чтоб вновь улыбнуться смог,
Чтоб каменный серый пепел
Сердце мое не жег?

1959

МЕЧТА

Мне бы отыскать себе девчонку,
Чтоб была бы гибкой как лоза,
А к другим не гнулась!
И в сторонку
Не косила хитрые глаза!

Мне бы надо милую такую,
Чтоб, не запирая на засов,
Мог ее оставить, не ревнуя,
Среди самых ловких удальцов.

Чтобы - кто за ней не увивался,
Кто б пробиться к сердцу не хотел -
Я б ходил спокойно улыбался
И своих соперников жалел;

И в гостях, в театре или в клубе,
Стоя, отвернувшись, в стороне,
Чувствовал, что любит, очень любит,
Очень нежно тянется ко мне!

* * *

Мне бы жизнь твою как кинопленку,
Прокрутить лет на восемь назад.
Чтоб была ты тонкою девчонкой,
Чистой-чистой как весенний сад.

И чтоб ливней хлещущие струи
Набело, навеки, до конца
Смыли все чужие поцелуи
С твоего любимого лица!

Я бы даже птицей обернулся,
Я бы пел звончей, чем соловьи:
«Не целуйся! Слышишь: не целуйся!
Слышишь: не целуйся - без любви!..»

1963

* * *

Мне нравится эта девушка
С мечтательными очами.
Ах, что ты, Луна, с ней делаешь
Сияющими ночами?

Все в ней - такое лунное
И так мало земного,
Странная вся и струнная,
Страшно ей молвить слово.

Радостными сказаниями
Полна ее голова,
Сладостными азалиями
Пахнут ее слова.

Руки такие узкие.
Голос немножко грустный.
Только всегда - о музыке,
О Моцарте, об искусстве...

А хорошо б, наверное,
Шепнуть ей что-то такое:
Грешное, откровенное,
Солнечное, земное!

НА РЕКЕ

Ту ленивую речонку
Ни к чему мне воспевать,
Ту смешливую девчонку
Ни к чему мне вспоминать.

Просто чтили мы с ней робкий
Дружбы ласковый закон.
Просто мы на синей лодке
В сонный плавали затон.

Тишина прибрежных линий.
Золотое забытье...
И белее белых лилий
Были ноги у нее.

А река катила мимо
Неторопкие струи,
И девчонка в речке мыла
Ноги белые свои.

И мы плыли мимо лилий,
Мимо тонких тростников,
Мимо чьих-то лодок синих
У высоких берегов,

Мимо росших по соседству
Двух кудрявых тополей,
Мимо ласкового детства
Рядом с юностью своей...

НА СВАДЬБЕ

Хоть невеста с виду - как девчонка.
В платье вешней вишенки светлей.
Ну а все же: собственный мальчонка
Вертится на свадьбе меж гостей...

Что судить просчеты да ошибки?
Здесь о прошлом помнить не хотят,
Здесь в глазах счастливые улыбки
Золотыми рыбками блестят.

Празднично, доверчиво и гордо
Две судьбы выходят в новый путь!
И пускай друзья кричат им: «Горько!» -
Нет в их счастье горечи ничуть!

И мальчишка, чуткий, как все дети.
Чувствуя, что радостна родня.
Прыгает в восторге на паркете:
- Красота! Два папы у меня!

НАВЗИКАЯ

Долго море выло, свирепея,
Оглушало штормом и войной.
А потом меня, как Одиссея,
Выбросило на берег волной.

А кругом весна цвела без края.
Рядом было мирное жилье.
Дочь царя, царевна Навзикая,
Вышла к морю полоскать белье.

Перед ней, худой и бородатый,
Спал я на горячих голышах,
И бурунов буйные раскаты
Все еще рвались в моих ушах.

А когда я наконец проснулся,
Луч рассвета плыл по небесам.
И мой взгляд нежданно прикоснулся
К девичьим внимательным глазам.

Я забыл все горести, все боли.
Сладкое, хмельное забытье!
Помню только: от горячей соли
Чуть горчили губы у нее...

1966

* * *

Не упрекну томящей болью,
Любую быль смогу простить.
Была твоя монаршья воля
Меня любовью наградить.

Уж так случилось, получилось,
Никто не думал, не гадал:
Любовь нечаянно разбилась,
Да вот осколок в кровь попал.

Мне тот осколок не забота,
Опять живу как жил дотоль.
Лишь иногда царапнет что-то,
И остро шевельнется боль.

И в память прежнее приходит,
И вновь покоя не дает.
Видать в крови осколок бродит,
Пока до сердца не дойдет.

1972

НЕУДАВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Ты сказала: «Приду на свиданье
В восемь. Жди у Никитских ворот».
Как заманчиво ожиданье.
Если веришь, что скоро придет...

Слишком медленно движутся стрелки.
Восемь. Девять. Ты все не идешь.
Опустели на сквере скамейки.
Начинает накрапывать дождь...

Лето кончилось. Близится осень.
Осыпаются липы в саду.
Ты сказала, чтоб ждал тебя в восемь.
Я все так же доверчиво жду.

Говорят - Сколько пущено сплетен
Про веселую свадьбу твою!..
Говорят, у тебя уже дети.
Говорят, что ты любишь семью...

Между нами растет расстоянье,
Вслед за годом проносится год.
Ты опаздываешь на свиданье,
Я все жду у Никитских ворот...

1950

О ЦВЕТАХ

Часто девушки обижаются,
Мол, язык любви стал суров:
Парни ласковых слов стесняются
И совсем не дарят цветов.

И уж больно смешное зрелище.
Если кто-то взамен конфет
Среди прочих цветам не верящих
Все ж решится купить букет.

Он несет его, спрятав за спину,
Виновато глядит вокруг,
Словно что-то и впрямь ужасное
По наивности сделал вдруг.

Те цветы подсказали б многое.
Почему ж мы стыдимся их?
То ли время такое строгое,
То ли строгость есть в нас самих?

Мне призналась одна красавица,
Что никто до сих пор не мил,
Потому что ей розы нравятся,
А никто ей их не дарил.

ОБЛАКА

На старой скамейке бульвара
Я часто любимую ждал
И очень подолгу, бывало,
Игру облаков наблюдал...

Прикрывшись от солнца ладонью,
Я видел вверху чудеса:
И мчались там белые кони.
И белые шли паруса.

Узоры фантазии древней
Там были в порядке вещей:
Там гнался за юной царевной
Коварный и старый Кощей.

Но с белыми перьями витязь
Навстречу ему выезжал
И, с юной царевной увидясь,
Из плена ее выручал...

Конечно, тем витязем смелым
Я сам был в мечтаньях своих.
А в жизни я был неумелым.
Врага своего не настиг.

И наших свиданий развязка
От счастья была далека,
Как эта волшебная сказка,
Как белые те облака...

ОСЕНЬЮ

Мне дарить бы вам при встрече розы.
Но, нагнав громады облаков,
Сорвала и растоптала осень
Кружева непрочных лепестков.

Сад был гол. А ветер был неистов.
В небе тучи плыли, широки.
И шныряли по дорожкам листья,
Рыжие, бездомные щенки...

Ветер даже спичке разгореться
Не давал. Я сжег весь коробок.
Это он, наверно, в вашем сердце
Загасил несмелый огонек?..

1954

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Свидание в консерватории.
Большой, как Африка, рояль.
Восторженная грусть Бетховена
И Брамса терпкая печаль.
Потом - сиреневые сумерки,
Сырой асфальт - как гладь реки.
На черном лаке модной сумочки -
Мерцающие огоньки...
- Вы помните, в стихах у Тютчева?..
- А что сказал об этом Блок?.. -
Идем, чуть-чуть друг друга мучая
Цитатами прекрасных строк...
Какие оба мы нарядные,
В плащах шуршащих и тугих;
И все слова у нас парадные,
Как будто смокинги на них.
О Пикассо дебаты шумные,
Потом о музыке опять.
Какие мы ужасно умные, -
Спешим друг другу доказать.
А нам всего нужней раскованность,
Чтоб стать немножечко нежней.
А нам всего нужней рискованность.
Нам «глупость» мудрости нужней!
Чтоб не гадать по тайным признакам,
А взять да крикнуть, не тая:
«Не слушай ты меня, капризную,
Не видишь, я уже - твоя!»
Но где там! Мы такие честные!
Мы так тонки и так умны!
А дальше - точно в драме Чехова -
Вдруг звук оборванной струны...
И сразу - все! Конец истории!
И не поможет мудрый ум.
И - словно нет консерватории.
И в телефонной трубке шум.
Страдая вечной одинокостью,
Как у Петрарки, вновь и вновь,
Своей излишнею высокостью
Несчастна первая любовь.
Но все равно, пускай, несчастная,
Она, как память юных дней, -
Неповторимая, прекрасная,
И большинство стихов - о ней.

ПЕСНЯ

Кто сказал, что красно золото
В серый пепел обращается?
Кто сказал, что будто молодость
Никогда не возвращается?

Никакая непогодушка
Не затмит огня великого.
Снова белая лебедушка
На любовь меня покликала.

Выйдем в вишенье, в орешенье,
Во сыром бору заблудимся.
В темном тереме у лешего
Заповедным сном забудемся.

А слеза с ресницы скатится,
Как звезда, что ночь повесила.
А любовь вся в песне скажется!
А без песен жить невесело!..

1972

ПИСЬМО

Я слыхал о том, что в Италии,
В городке, что от солнца желт,
Жила девушка с тонкой талией.
С волосами, как синий шелк.

Жила девушка очень нежная,
Была девушка неплоха,
А любви у нее все не было:
Не могла найти жениха.

То не в сказке придумал Андерсен:
Одолела девчонку грусть,
Написала письмо без адреса:
«Где ж ты, милый мой? Не дождусь!»

Не в конверт письмо запечатала,
А в бутылку из-под вина,
И швырнула в залив печаль свою,
И ее понесла волна...

Долго ль, коротко ль - мне неведомо
Шло письмо. И случилось так:
Изловил его в море неводом
Шведский парень, лихой рыбак.

Тот рыбак через дальность дальнюю
Отозвался на грустный зов
И послал свой ответ в Италию,
Просто несколько нежных слов.

Видно, счастье и вправду на свете есть,
Потому что, вслед за письмом,
Они сами однажды встретились,
И с тех пор навсегда - вдвоем!..

Нет ненужных людей под звездами.
Если кто-то кого-то ждет,
Обязательно, рано, поздно ли,
Сердце счастье свое найдет.

Даже если вдруг среди ночи встать,
А вокруг - совсем никого,
Все же в мире нет одиночества,
Говорю вам, что нет его.

А когда вы впрямь запечалитесь.
То в бутылку из-под вина
Вы печаль свою запечатайте,
Пусть ее унесет волна...

ПОМЕДЛИ, НОЧЬ

Нам по Москве гулять бы до рассвета
Но летом ночь, как песня, коротка.
Зачем так быстро кружится планета?
Смотри: уже - в бруснике облака!

Уходит ночь, и время встреч уводит
И крутит стрелок тонкие усы...
Кто там на Первом часовом заводе
Завел такие быстрые часы?

На скверах ветер весь пропах сиренью.
Но ведь сирень недолго будет жить.
Не говорю: «Остановись, мгновенье!»
Одно прошу: «Не надо так спешить!»

Луна все тает. Звезды спать ложатся.
Помедли, ночь, хотя бы полчаса!
Так хочется сиренью надышаться
И наглядеться в милые глаза!..

ПОПУТЧИЦА

(На слова этого стихотворения была написана музыка)

Наша встреча в скором поезде,
Наш короткий разговор...
Не могу сказать по совести,
Но жалею до сих пор.

Если б знал, что так получится,
Я б не дал тебе уйти.
Где же ты, моя попутчица,
Разошлись наши пути.

О любви не говорили мы,
Все стояли у окна,
И вина с тобой не пили мы,
Были пьяны без вина.

Только жаль, что в этой повести
Лишь одной страницы нет -
Я готов был в этом поезде
Ехать много-много лет.

ПОСЛЕ КИНО

Девушка с каштановой косою
Горько плачет у дверей кино:
Жалостью к погибшему герою
Ее сердце юное полно.

Долго-долго слез унять не может
И стоит с заплаканным лицом.
А подружки, совестясь прохожих.
Обступили, бедную, кольцом.

- Что ты плачешь? Это ж все неправда.
Кто бы мог стерпеть такую боль?
Все слова в кино придумал автор,
И актер исполнил только роль.

Стыдно! Как могла ты разреветься,
Если всем известно наперед,
Что актер, пуская пулю в сердце,
Настоящей смертью не умрет.

Просто не пришлось тебе, наверно,
Видеть, как снимается кино:
Все подстроено, все из фанеры,
Вспомнишь и становится смешно!..

...Я случайно слышал эти речи,
И хоть я в поступках не горяч,
Подошел к ней, взял ее за плечи
И сказал: - Не смей им верить! Плачь!

ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО

Гостит под дождем танцплощадка,
Как зыбкий ночной водоем.
Давно бы пора распрощаться,
Но им даже дождь нипочем!

Фонарь перезрелым лимоном
Блестит среди мокрой листвы,
Мигая, как друг, двум влюбленным
Из глади зеркальной воды.

И вместе с их плавным круженьем,
Туманны, стройны и легки,
Проносятся их отраженья,
Прозрачные их двойники.

Что это? Блаженство ли танца,
Когда вы впервые вдвоем?
Иль, может, прощальное танго
Кружит и кружит под дождем?

И вся танцплощадка - как омут,
И целую ночь напролет
Одно отраженье к другому
С прощальною нежностью льнет...

1963

РЕВНОСТЬ

Там были шпроты в масле,
Маслины и мускат,
И каждый гость был мастер
«Умасливать» девчат.

Про все, что ценит мода,
Их громкий рой жужжал,
Он - точно рюмку меда -
Хозяйку окружал.

И каждый был красивей,
Стройней, умней меня,
И не щадил усилий,
К себе ее маня.

Чтоб боль уняла резкость,
Я вышел на балкон,
И был в глухую ревность,
Как в крепость, заточен.

Никто и не заметил,
Как я исчез во тьме,
Лишь только дождь да ветер
В лицо хлестнули мне.

Я встал ко всем спиною,
Как узник, одинок.
Но шел меж ней и мною
Незримый проводок.

И это было чудо:
Сквозь тьму, сквозь шум гостей
Любой оттенок чувства
Передавался ей.

И вдруг под дождик с ветром,
Под скучный капель звон
Она, как лучик света,
Скользнула на балкон.

Доверчиво прижалась,
Шепнула: - Что грустишь?
Я так истосковалась,
Пока ты тут стоишь!

И мы под дождь пошли с ней,
Куда - не рассказать! -
Про это счастье жизни
Не принято писать...

СВИДАНИЕ В КРЕМЛЕ

Мы с тобой как стрелки на курантах,
На кремлевских золотых часах.
А весь Кремль - в дорожках аккуратных,
В радужных рублевских образах...

Посидим тайком в саду Тайницком,
У восьми столетий на виду:
Среди этих стен, в седых бойницах,
Лучше понимаешь красоту!

Бьют в набат сердца у нас, ликуя.
Только вдруг подходит постовой,
И над нашим робким поцелуем
Строго он качает головой.

- Здесь же мозг страны сосредоточен!
- Ну, а чувства...
разве не всерьез?!
Нет!.. Любовь, скажу вам, между прочим,
Тоже государственный вопрос!

Я вам все скажу напропалую:
Я, конечно, не забыл ничуть,
Как в Кремле - не то что поцелуи! -
Запрещалось в сторону взглянуть!..

Пусть былые грозные порядки
Никогда не возвратятся вновь.
Пусть не на дешевой танцплощадке,
А в Кремле рождается Любовь!

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

На коротких волнах
Чей-то слышится голос:
Кто-то нежность свою
Шлет на северный полюс.

Руки греют огнем.
Сердце греет вниманьем.
И не могут ему
Помешать расстоянья.

Можно даже в Москве
Мерзнуть в теплой квартире,
Если нет у тебя
Никого в целом мире.

А над полюсом тьма
С ветром диким и лютым.
Но наполнена жизнь
Теплотой и уютом.

Ничего, что пурга
По ночам свирепеет,
Может быть, на земле
Нету места теплее...

1955

* * *

Со Светкой, смешливой девочкой.
Мы шли на каток пешком
И я саданул по дереву
Крученым тугим снежком!..

Ах, что тут стало со Светкою!
Вдруг стала злая-презлая. -
- Зачем, - говорит, - Сбил с ветки ты
Пушистого горностая?!

Конечно, мы с ней поссорились.
Зато я узнал навек:
Какими зимой узорами
лежит на деревьях снег...

Когда же я старше сделался,
Другие пришли мечты.
И, помню, другая девушка
Учила «не мять цветы»...

Потом я дружил со многими,
И все они до одной
Охотно меня знакомили
С неброскою красотой.

Я помню закаты вешние,
Рассветы, снега, сады...
Спасибо знакомым девушкам
За звезды и за цветы.

1962

СТАРЫЙ СКАЗ

Есть грустная правда в старинной легенде...
Вы этой легенде, прошу вас, поверьте...

В узорчатом тереме, дивном и древнем,
Жила белолицая дева - царевна.

А в каменном замке, под сенью зеленой.
Жил доблестный витязь, в царевну влюбленный.

Цвести бы любви, неизменной и верной,
Меж доблестным витязем и царевной,

Но встала граница меж теми дворцами.
Меж теми не знавшими счастья сердцами...

И двое влюбленных решили с тоскою:
Прорыть потайной коридор под землею!

Где твердые скалы оскалили зубы,
Они топорами дробили уступы.

Глухими ночами от башни до башни
Друг к другу они пробивались бесстрашно.

Но тайные ходы в пути промахнулись.
Почти было встретились - да разминулись.

Средь тягостней тьмы, не заметивши фальши.
Две скорбных судьбы уходили все дальше.

Друг к другу стремились два сердца любимых,
Но годы катились все мимо и мимо.

Есть грустная правда в старинной легенде.
Вы этой легенде, прошу вас, поверьте...

СТИХИ О СЧАСТЬЕ

Каким смешным простаком
В жизни бываешь часто:
Я думал, что я знаком
С самым предельным счастьем.

Я верил, что я любил,
Писал еще стихотворенья!
Каким же я, право, был
Наивным до удивленья!

Я понял, встретясь с тобой,
Что нет для счастья пределов,
Что можно носить любовь
В каждой клеточке тела.

Иные спешат, любя,
Отведать пьянящей страсти,
А мне смотреть на тебя -
И то огромное счастье!

И нет счастливей меня,
Когда, пугаясь желаний,
Ты, голову наклоняя,
Горишь от моих признаний.

А если испить тот хмель, -
О чем боюсь и мечтать я, -
Я б просто как Рафаэль,
Умер в твоих объятиях.

1958

«СТЫДЛИВАЯ МИМОЗА»

Есть сабельная осока,
И сахарная клубника,
И тонкая, с поволокой,
Ленивая повилика...

А в раскаленных тропиках,
В джунглях, где дышат грозы,
Я видел, на узких тропинках
Стыдливая есть мимоза.

Стыдливая та мимоза -
Застенчивое растенье:
Вянет не от мороза -
Просто от прикосновенья.

Вянет от шума даже,
Сворачивается в клубок
От резкого визга джаза,
От непоэтичных строк.

...И есть у меня знакомая.
От слов и от смелых рук
Глазищи ее зеленые
Захлестывает испуг.

Стыдливо она сторонится
«Грубого», «несерьезного»;
И боязно мне становится
От взгляда ее мимозного.

И нежность моя не может
Дороги к ней отыскать.
Мимоза, моя Мимоза,
Как
тебя
приласкать?

СЧАСТЬЕ

Может, счастье - это просто
Выйти утром погулять,
У газетного киоска
Двух девчонок повстречать.

Чтоб одна была знакомой,
А другая - не была,
Но чтоб жгучею истомой
Сразу ж сердце обожгла.

И пускай пока о ней
Ты б расспрашивал в смущенье,
Все стояла б в стороне
С тонкой веточкой сирени.

Чтоб бояться наперед
Что-нибудь не так ответить!
Чтобы знать, когда уйдет,
Где ее еще раз встретить.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Трепет первой влюбленности
так далек!
В чертах - приметы угрюмости
И вдруг раздается телефонный звонок
Прямо из давней юности...

- Алло! Отложите на миг труды,
Забудьте о вашей проседи.
Вспомните лучше Оленьи пруды
И лучевые просеки!

Милая сверстница давних дней,
Спасибо, что не забыли.
Зорька сверкнула в душе моей.
Спасибо, что позвонили.

Мне вспомнились снова и парк, и луг,
И синяя лодка в тени затона,
И робкий ребяческий поцелуй,
Забытый, словно бином Ньютона.

Теперь мне реальность кажется сном,
А мы - все те же веселые школьники:
Вот сдали экзамены и вдвоем,
За руки взявшись,
бредем в Сокольники.

1966

У МОРЯ

Что ты ждешь у моря, северянка?
Что ты зря глядишь в морскую даль?
Холодней полярного сиянья
Плещется в глазах твоих печаль.

Вспомни, вспомни хохот свой капризный,
Модный твист, фасонистый фокстрот...
В порт вошел завьюженный, как призрак,
Белым льдом обросший пароход...

Вспомни, как ты сладко танцевала,
Как смеялась шуточкам парней
И одна никак не замечала
Гостя, что вдруг замер у дверей.

А ведь он спешил сквозь крики чаек,
Сквозь ночные, пьяные моря,
Сквозь чужие яркие причалы,
Где скучали наши якоря...

Что ж! За тем швырял его штормяга
И за тем валы валили с ног,
Чтоб увидеть, как шальной стиляга
Милую кружит, как мотылек?!

Был моряк, наверно, гордый парень:
Он не стал корить и упрекать -
Только подарил тебе на память
В волосах заснеженную прядь...

Ждешь ты возле пирса каждый вечер,
Ждешь, как будто не было беды.
Но давно следы последней встречи
Отсверкали в зеркале воды...

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Почему тоской упорной
Этот старый сказ мне мил -
Как печальный лебедь черный
Лебедь белую любил?!..

Ослепительней кристалла,
Целомудренней, чем лед,
Лебедь белая блистала
Над зеркальной гладью вод.

Для неё, лилейно белой,
Загорался ясный день,
И задеть ее не смела
Даже крохотная тень.

И, конечно, черный лебедь
Зря мечтал о ней, чудак,
Наплывая в чистом небе
Как ночной внезапный мрак.

Не глядеть им нежно в очи,
В небе рядом не летать -
Как нельзя угрюмой ночи
Дня лучистого догнать.

ЧУЖИЕ

Н. С.

Мы и вправду с ней - чужие,
Зря я мучился, любя:
Все красивые такие
Влюблены в самих себя.

Не для нас все их наряды,
Их круженье на балах:
Просто сами очень рады
Отразиться в зеркалах.

Все они в душе - актрисы!
Сколь от горя ни крушись,
Им мерещатся кулисы
Там - где истинная жизнь...

У красивых, у спесивых
Нет таланта так любить,
Чтоб в чужих глазах счастливых
Свое счастье находить!

1966

АПРЕЛЬ

Кто виноват, что в дни скитаний,
В года военных испытаний,
Ребятам, «годным к строевой»,
Вдруг стукнуло по восемнадцать
И подошла пора влюбляться...
Вот где - конфликт! Еще какой!

Война в подробности не вникла,
Война всех под машинку стригла,
Суров был стиль ее команд.
И надо ж было так случиться:
Я, например, сумел влюбиться
Дорогою в военкомат.

Давно расставшись с этой болью,
Давно переболевши корью
Своей мальчишеской любви,
Я то с улыбкой, то с печалью,
Как письма с воинской печатью,
Листаю горести свои...

...Весна. Апрель. Земля промокла.
Веселый хмель колотит стекла,
И сладко жмурятся дома.
Все пахнет талостью и прелью,
И просто прелесть, как капелью
Рыдает старая зима.

Опять на вербах и на кленах
Полно воробышек зеленых -
Слепых клеенчатых птенцов.
Опять весь мир великолепен,
Хотя порою мокрый лепень
Еще сорит из облаков...

Уже река от сна воспряла,
С верховий тянутся устало
Горбатые седые льды.
Они - как дым воспоминаний,

На них следы ночных свиданий,
Тропинок тайные следы.

Горсад в плену шальных мелодий.
Здесь сок берез, как брага, бродит...
А на скамеечке рядком
Сидят над книжкой две девчонки,
Две золотых задорных челки,
И я с одной давно знаком...

Но суть в другой, в той, незнакомой:
Глаза с весеннею истомой
Колдуют, дразнят и манят...
И все в ней - в такт весенним ритмам...
- Ну, познакомься! Это - Рита.
Куда идешь?
- В военкомат.

О, как я этим был доволен:
Я в их глазах предстал как воин,
Как вероятный офицер.
Зрачки у Риты стали строже,
Как будто ветер сад встревожил...
Амур попал, как снайпер, в цель...

———————

Как много прошлого забыто...
Но до сих пор с тобою, Рита,
Я вижусь в зыбком царстве сна,
Ведь сон (скажу это шутейно),
Он, так же как закон Эйнштейна,
Легко смещает времена...

Во сне ты - как на старом снимке:
Вся в тонкой золотистой дымке,
Той прелести апрельской в тон.
Смотрю - и странно прикоснуться,
И страшно мне во сне проснуться,
И хочется продлить свой сон.

Я помню, как в военкомате
Хирург в сияющем халате
Сердито нас в руках вертел,

И как краснела санитарка,
Как ей, бедняжке, было жарко
От множества раздетых тел.

Призывники баском острили
В испытанном барковском стиле,
А я им в тон попасть не мог.
Весь мир я видел сквозь романы,
Сквозь поэтичные туманы,
Мой бог был не Барков, а Блок.

Весна сулила мне подарки:
Во-первых, эта встреча в парке,
А там и слава ждет в бою!
...Знакомая мне сообщила,
Что Рита у нее стащила
На память карточку мою...

———————

Мы встретились порою поздней,
Над задремавшей речкой звездной
В военный срок, в весенний час...
Я видел зрением поэта:
Мы как Ромео и Джульетта -
Война вот-вот разлучит нас.

Но в этот день мы были вместе.
Я говорил ей про созвездья.
Каким же я наивным был!
В ту пору все любить спешили,
А я ей говорил, что Шиллер
(О дьявол!) яблоки любил...

Какое странное свиданье:
Замаскированные зданья,
Озябший, вымокший бульвар,
Где стыл мой хрипловатый шепот,
И тонкий горьковатый тополь
Из почек пробки вышибал...

Я развернул ей всех поэтов...
Стихи остались без ответов...
Ни Блок, ни Байрон не помог.

Я попытался простодушно
Обнять ее. Опять: - Не нужно!.. -
Я ничего понять не мог.

В делах любви нужна закалка.
А для меня она - загадка.
Я, как по льду, иду скользя.
Где ты правдива? Где лукавишь?
Как быть? Какой тут тронуть клавиш?
Что можно? А чего нельзя?

В ней все так смутно, так непросто.
Вчера - набросок лишь, подросток,
Девчонка с леденцом во рту,
И вдруг - Мадонна, Лорелея,
Вдруг выиграла в лотерею
Пленительную красоту!

Теперь вокруг нее - ребята.
Уж я-то знаю, что им надо.
Узнать бы мне, что надо ей.
Одно тогда мне было ясно:
Она, как музыка, прекрасна
И не для тех, «глухих», парней!

Я говорил про Метерлинка.
Но тут опять на миг заминка...
Ах, ей домой пора давно.
Нет, «Синей птицы» не читала
И «вообще предпочитала
Ходить на танцы иль в кино»...

Мы слишком разные! Чего там!
Вот тихо подошли к воротам.
Стоим. Молчим. В последний раз.
И гордо я бросаю Рите:
- Вы карточку мою верните!
- Нет! Я хочу запомнить вас!

И вдруг на цыпочки привстала,
Сама к губам моим припала,
Вся натянулась, как струна,

И тут же - в дверь, стрельнув замками
Хоть я успел прочесть руками,
Как сказочно она стройна!..

Мы не назначили свиданья...
Так начинались испытанья:
Кто сколько жить в разлуке мог?
Я стал ее незримой тенью,
Я, словно демон, в сновиденьях
К ней проникал сквозь потолок.

Я представлял ее светлицу
И то, как спать она ложится,
А я, невидимый, стою,
Смотрю: глаза ее в тумане...
Ах, как закапала слезами
Всю фотокарточку мою!

Но это лишь во сне случалось.
А наяву она смущалась,
И я при встречах прятал взгляд.
Я в те мгновенья золотые
Не понимал, что молодые
Не знают сами, что творят.

Порой, будя ее соседей,
Кружил я на велосипеде
Вокруг притихнувших домов,
Порой бессонными часами
Блокнот исписывал стихами..
Вот экземпляры тех стихов:

Помню, не было сказано слова,
Чтобы завтра увидеться вновь,
Но я верил, что все-таки снова
Час свиданья подскажет любовь.

Но ничто не вернется обратно,
За окном непроглядная мгла...
Может быть, и тебе не понятно:
Ложь иль правда меж нами легла?!

Впрямь - как любительские снимки
Все те стихи. Как быть мне с ними?
Я рад, хоть здесь пристроить их!
В суровом райвоенкомате
Я на стихи украдкой тратил
Бумагу бланков призывных...

Видно, редкая встреча бывает счастливой.
Дни бегут... за волною волна...
Тонкий тополь с любовью склонился над ивой.
Что ж ты, ива, печали полна?

Если лунная ночь, как тоска, надоела,
Если хочешь любви наяву,
Назови меня нежно, хотя бы Ромео.
Я Джульеттой тебя назову...

Это просто мечты, просто сладкие звуки.
Я в ту пору все время писал о разлуке...

Я не приду к вам в гости:
Тоненький, в две доски,
Шаткий, непрочный мостик
Рухнул в море тоски.

Сердце свое ты прячешь.
Как я тебя пойму?
Может, ты горько плачешь
В девичьем терему?

Счастье пришло так странно,
Радуя и грозя!
И полюбить нам - рано,
И разлюбить нельзя.

Знаю я, знаю точно:
Хочешь ты не со зла,
Чтоб полевая почта
Дом твой не обошла,

Чтобы пришлось не сладко,
Чтобы ждала, любя,

Чтобы могла солдаткой
Вслух называть себя.

Ну, а приду в шинели
С поля чужих держав -
Бросишься мне на шею,
Больно руками сжав.

На горе мне один «любитель»
Стихов, листки мои увидев,
С усмешкой носом покрутил:
- Ах эта Ритка! Знаю, знаю!
Она совсем и не такая...
Сам с нею время проводил!..

Солдаты так не шли в атаку,
Как я тогда рванулся в драку!
Как будто - вот он! - главный враг.
Как я с размаху бил по роже!
Он сплюнул кровь. И подытожил:
- Нельзя уж пошутить, дурак!

А я кричал: - Иди ты к черту!
Она ж хорошая девчонка.
А вы, как пчелы, льнете к ней! -
Я взял свои стихотворенья,
На сквере наломал сирени -
И зашагал к Тоске моей!

Иду. Волнуюсь. Вот уж близко.
Она работала бодисткой.
На телеграфе - стук и спор...
Сказал я робко: - Здравствуй, Рита! -
Она взглянула с гордым видом...
Не получался разговор.

«Любила ли она кого-то?» -
Как быстро мне пришла охота
Послушать исповедь ее...
Но Рита резко отрубила:
- Любила или не любила,
Уж это дело не твое!

Впервые стало мне заметно:
Она была такою бледной.
(Я помню голод тех годов!)
А тут завыли вдруг сирены,
И стало нам не до сирени,
Не до лирических стихов.

———————

Давно уж я со многим свыкся...
В Египте, увидавши сфинкса,
Я смутный смысл его постиг...
Но в душу той моей знакомой,
В ее зеленый взор, с истомой,
Я абсолютно не проник!

Что знал о ней я? Что в ней понял
Какие черточки запомнил?
Нашел ли впрямь свою мечту?
По сути, я той ночью лунной
Доказывал, какой я «умный»,
А в ней лишь видел красоту.

Я помню, после на вокзале
Я видел: в неуютном зале
Гремел облезлый патефон,
И, улыбаясь, офицеры
Ее кружили вечер целый,
Играя золотом погон.

«Ну, что ж! - Я думал откровенно: -
Покуда я не стал военным,
Меня ей не за что любить!
Когда ж и мне дадут погоны -
Нас всех на фронт умчат вагоны.
И что еще тут может быть?»

Ах, синий дым воспоминаний, -
Как сильно накурили парни!
В сплошном тумане весь вокзал.
Лишь только лик ее точеный,
Лишь только блещут из-под челки
Ее прозрачные глаза...

Еще я помню: тень забора...
Кирпичный дом... ее контора...
Однажды я бродил вокруг.
Вдруг шум. Воды зачем-то просят...
И Риту на руках выносят,
И тихо опускают с рук...

Я к ней лечу разгоряченный:
В чем дело?
Обморок с девчонкой! -
Не спрашивая ни о чем,
Припомнив не любовь, так дружбу,
Бегу к бачку, срываю кружку,
Несу воды, мчусь за врачом...

Наверное, когда проснулась,
Она бы мне вдруг улыбнулась!
А я, не знаю почему,
Нарочно отошел в сторонку
И прочь пошел, как посторонний...
Чего мудрил? Сам не пойму!

———————

А вот и день забот дорожных...
Забудь, что ты - поэт, художник.
Команда: «Смирно! Шагом арш!»
И лейтенант, хромой и резкий,
Сердито комкает повестки.
И трубачи рокочут марш.

И мы, безусые ребята,
У здания военкомата,
Своею нужностью горды,
Слегка горбатясь под мешками
(Что назывались «сидорами»),
Нестройно строимся в ряды.

———————

И вот,
в разливе солнечного блеска,
Торжественно взмывая до высот,
Литая медь военного оркестра
Победную мелодию несет!

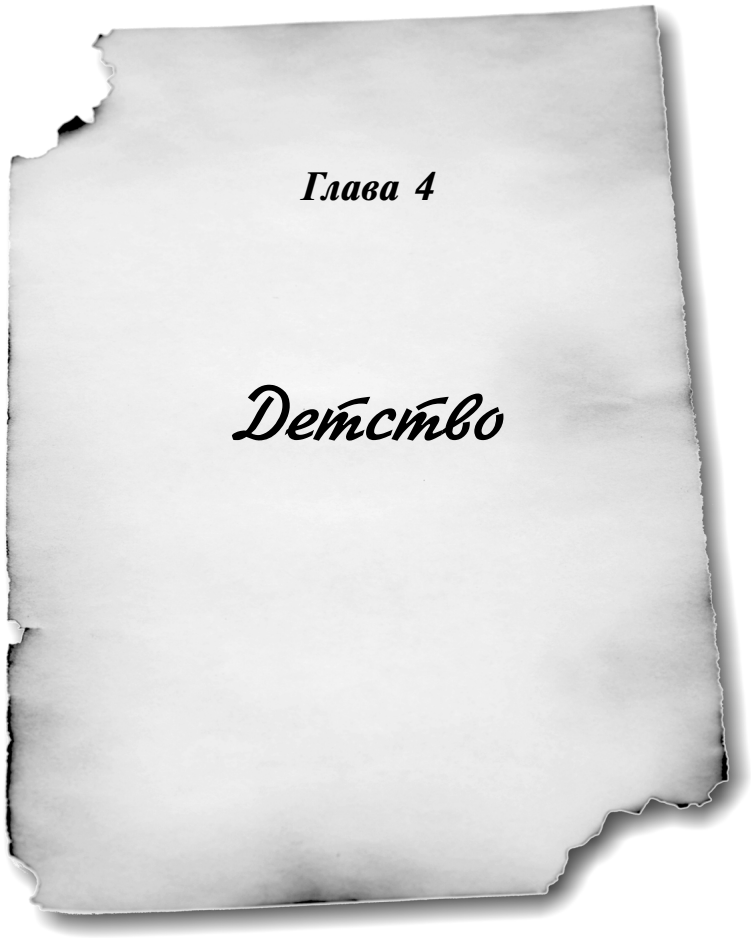
И вслед за вдохновенным военкомом
Легко шагаем мы, призывники,
Взметая пыль по улицам знакомым,
Сбивая о булыжник каблуки.

А сзади нас печальною и пестрой,
В уставах не предвиденной толпой
Плетутся наши матери и сестры,
И горький плач плывет над мостовой.

И, растянувшись длинною колонной,
Которая и плачет и поет,
Наш скорбный строй шагает к эшелону
Конец апреля... Сорок третий год...

Уже звучит команда: «По вагонам!»
И вдруг совсем случайно из окна
Я вижу Риту на краю перрона...
И плачет, плачет, бедная, она...

И мне Любовь запомнилась такою:
На станции - пылающий кумач.
Оркестр грохочет славой боевою!
И тут же - плач.
Прощальный женский плач...

Глава 4

Детство

Только в детстве грозы
Быстро утихают,
В детстве наши слезы
Быстро высыхают...

БАБУШКИН САД

Может быть, я стал сентиментален...
Может быть, старею... Виноват!..
Снится мне в туманной дальней дали
Бабушкин гостеприимный сад.

На веранде - чай из самовара.
В тишине часов упругий бой.
Вдруг в саду - ядреный звук удара:
Яблоко упало!.. Мчим гурьбой...

Сад зарос сиренью и калиной.
На задворье вишен густота.
А в заборе узкая калитка
Ржавою щеколдой заперта.

Ту калитку запрещалось трогать
(Как в дворце у Синей Бороды!):
Рядом шла железная дорога,
Вис на вишнях паровозный дым.

Только я, малыш, не удержался -
Выбежал! Забыл про сад, про дом!
И на весь свой век залюбовался
Железнодорожным полотном.

Поезда кипели под парами.
Огоньки маячили, маня.
И сверкающий - как в панораме -
Шумный мир навек завлек меня!

Бабушка, не стой ты у порога,
Не зови меня в свой старый сад:
Без конца в ушах звенит дорога,
Звезды, словно яблоки, висят...

ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ

Золотые годы детства.
Что вы с сердцем натворили?
Вспоминаю дом тесовый,
Сад - в веселых голосах.
Там вишневое варенье
Мои тетушки варили
В блещущих тазах из меди,
На шипящих примусах.

У сестер моих и братьев
В пыльных ссадинах коленки:
Целый день по стежкам сада
Мы гоняем босиком.
Вот с кипящего варенья
Тетушки снимают пенки
И зовут нас это чудо
Пить с холодным молоком.

До чего у нежных пенок
Удивительная сладость!
И такой душистый запах,
И такой красивый цвет!
А притом вишневым соком
Разлилась заря над садом,
Будто кроме спелой вишни,
Ничего на свете нет!

Скоро всех нас спать уложат.
И мне жизнь моя приснится,
Где кругом - сады и парки
И бурливые моря,
Где всегда со мною рядом -
Милые, родные лица,
Где всегда покой и радость
Льет вишневая заря...

ВОСПОМИНАНЬЕ

Дубочком непричесанным
Я рос на ветерке -
В сиреневом, березовом,
Вишневом городке.

Тот город мой по черточке
Я в памяти леплю:
Все мостики, все жердочки
До чертиков люблю!

Все очень там пригожее:
И улица и дом,
И садик, огороженный
Беленым кирпичом.

Но тщетны все старания
Вернуться по следам
К тому очарованию,
Что я изведал там.

Все милое, хорошее -
Как бы в стране иной,
Все словно отгорожено
Беленою стеной.

* * *

Где ты мое детство,
Горечь ранней страсти?
В детстве знают средство
От любой напасти.

Сколько раз соседка,
Дерзкая девчонка
Говорила едко:
- Проходи сторонкой!

Только в детстве грозы
Быстро утихают,
В детстве наши слезы
Быстро высыхают...

Разлюбил и проклял!
И с весельем звонким
Саданул по стеклам
Яблоком зеленым!

Вмиг тоска ослабла
Вот какое средство!

Где ты, звон тех яблок,
Озорное детство?..

1947

ДЕТСТВО

Веселый угольщик, пиринга белозубый.
Набрал в машину озорных ребят,
А сам глядит (не говорите: «глупо!»),
Как малыши восторженно галдят.

Они вернутся черные, как уголь,
Голодные, как дикая орда,
Их дома ждет родительская ругань...
Но это все - такая ерунда!

Им загорится: вырасти большими,
С такой же вот усмешкой до ушей.
И чтобы тоже в угольной машине
Из милости возить бы малышей!

И будет детством пахнуть черный уголь.
И кто-то уголь выдаст на-гора.
И это - очень мудрая услуга
Всем малышам из нашего двора.

НЕДОВЕРИЕ

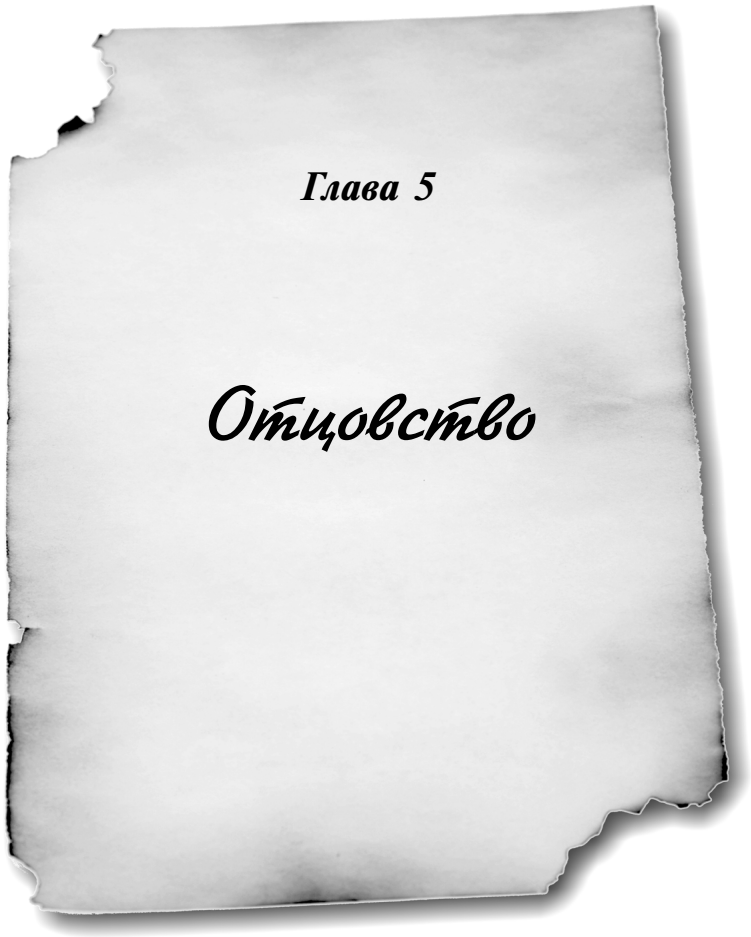
От елок, от сказок (все понял теперь я!),
От разных игрушек
с мальчишеских лет
В душе поселяется недоверье:
Что - настоящее, а что - нет?..

Боясь обознаться, мы смотрим с опаской.
Я помню, впервые увидев слона.
Гадал: он - индийский иль африканский?
И даже в слона не поверил сполна...

А горы Кавказа я счел за предгорья:
Я ждал: где Эльбрус, где Казбек-великан?
Я смел усомниться в величии моря,
Считая великим один Океан.

За это теперь я и мучусь тоскою:
Огромное счастье мне было дано,
Я мог его даже потрогать рукою,
Но я не поверил, что это - оно.

1962

Глава 5

Отцовство

В РОДДОМЕ

В роддомовских светлых палатах
Стерильная чистота,
И нянечки в белых халатах
На цыпочках входят сюда...

Конфеты, цветы, апельсины
Приносят сюда день и ночь,
С запиской: «Спасибо за сына!»,
«Мильон поцелуев за дочь!».

Но где-нибудь тут же, в сторонке,
Та мать молодая лежит,
Которую за ребенка
Никто не благодарит.

Кто знает, какая причина,
Что после счастливых родов
Никто ей не шлет апельсинов,
Никто не приносит цветов?!

Я глаз ее нежных и мрачных
Представить себе не могу.
Послушай! Не плачь ты, не плачь ты!
Мы все пред тобою в долгу!

От имени целой России,
Готовой согреть и помочь, -
Большое спасибо за сына!
Мильон поцелуев за дочь!

ГОРДОСТЬ

Для чего я моему мальчишке
Эту гордость горькую привил?
Сам дарил возвышенные книжки.
Сказки о героях говорил?

До чего упорным вырастает!
Как умеет подлость не прощать!
Да порой силенок не хватает,
Чтоб такую гордость защищать.

Вечно он - израненный, избитый.
Точно враг пытал: «Скажи пароль!»
Взгляд его отчаянно сердитый -
В нем смешались мужество и боль.

Жалко мне мальчишку! Я ведь тоже
Был жестоко критикою бит.
До чего мы с маленьким похожи:
Грудь болит, однако - гордый вид.

* * *

До чего мы похожи с сыном.
Просто кажется мне порой,
Будто, взрослым став, я с вершины
Наблюдаю сам за собой.

И опять мне, как в детстве, сладок
Мир, в который вступает он:
Запах яблок и шоколадок
И беспечный ребячий сон...

А в жестоких его ушибах,
Ту же злую судьбу виня,
Узнаю боль своих ошибок -
Много было их у меня.

С той поры, как живой портретик
Стал встречать меня у дверей,
Сердце стало нежнее к детям,
Стал душевней я и добрей.

Даже горечь чужих мне судеб
Задевает теперь меня:
Стал себя узнавать я в людях,
Шире стала моя родня.

1954

ДОЧКА

Есть у меня сестра родная,
И есть любимая жена,
Есть милый сын Но не скрываю:
Еще и дочка мне нужна.

Мы все немногодетны ныне,
Спешим себя ж обворовать! -
А надо каждому мужчине
Кого-то дочкой называть.

Тут, видно, есть какой-то жесткий
Закон, присущий естеству.
Уж я осинки да березки,
Бывает «дочками» зову...

Синица жалостным комочком,
Озябнув, подлетит к окну,
Насыплю зерен: «Кушай, дочка,
Да поскорей зови весну!»

А как еще я озабочен,
Порою просто сердце жмет,
Когда одна из многих дочек
В слезах по улице пройдет!..

1975

КОТ В САПОГАХ

В шумном магазине на витрине
Он сидел, как важный падишах, -
Белый кот в лиловой пелерине,
В плюшевых бардовых сапогах...

То был кот из настоящей сказки.
Что приходит с топотом во сне.
И не зря родители с опаской
Шепотом справлялись о цене.

И когда мужчина с грустным взглядом
Молча продавщице подал чек,
Все заудивлялись: - Это надо ж!
Видно, очень щедрый человек!

А ведь, может, кот имел значенье,
Чтоб унять на сердце маету,
Может, дать большое порученье
Человек хотел тому коту.

Может, взяв героя сказок в руки,
Говорил он: «Ты послушай, брат,
Ты скажи сынишке, что в разлуке
Был отец его не виноват...»

Может, говорил он: «Кот Котович,
Ты сегодня ночью не усни,
Ты присядь у сына в изголовье,
Все ему, как надо, объясни...»

ОТЦЫ И ДЕТИ

Кто вас, ребята, покалечил.
Кто вам неправду нажужжал,
Что молодое поколенье
Всегда со старшим на ножах?

Я враг нелепой той идеи
Об отрицании основ.
Противно думать, будто дети -
Противники своих отцов.

Пускай любой сегодня спросит
Тех, кто под пули шел в боях:
Как всем им верилось, что после
Все повторится в сыновьях!

О, сколько гордости и блеска.
Когда в штыки сквозь сто смертей
Идут, как генерал Раевский,
В сопровожденьи сыновей!

Да это же закон природы
В ее движении вперед:
Прямое продолженье рода
Есть продолженье всех работ!

Пусть оголтелая бездарность
Мозги не путает юнцам,
Пусть крепнет в сердце благодарность
К своим дедам, к своим отцам!

Спасибо вам, отцы, от сына
За жизнь, что вами мне дана.
За то, что есть у нас Россия,
Большая, вольная страна!

Спасибо за весну, за лето,
За лес, где плещет соловей!

Пускай и мы услышим это
Потом от наших сыновей.

СПАСИБО СЫНУ

У сына стремленье к знаниям,
Во всем он ищет причину:
Не зря он с таким старанием
Из куклы тянет пружину.

Мир сложен и удивителен,
И каждый из нас философ.
Мой сын задает родителям
В день сто тысяч вопросов.

Сначала все шло без трудностей:
Игрушки, стихи, детсадик
Но дальше - боюсь я - мудрости
И опыта мне не хватит.

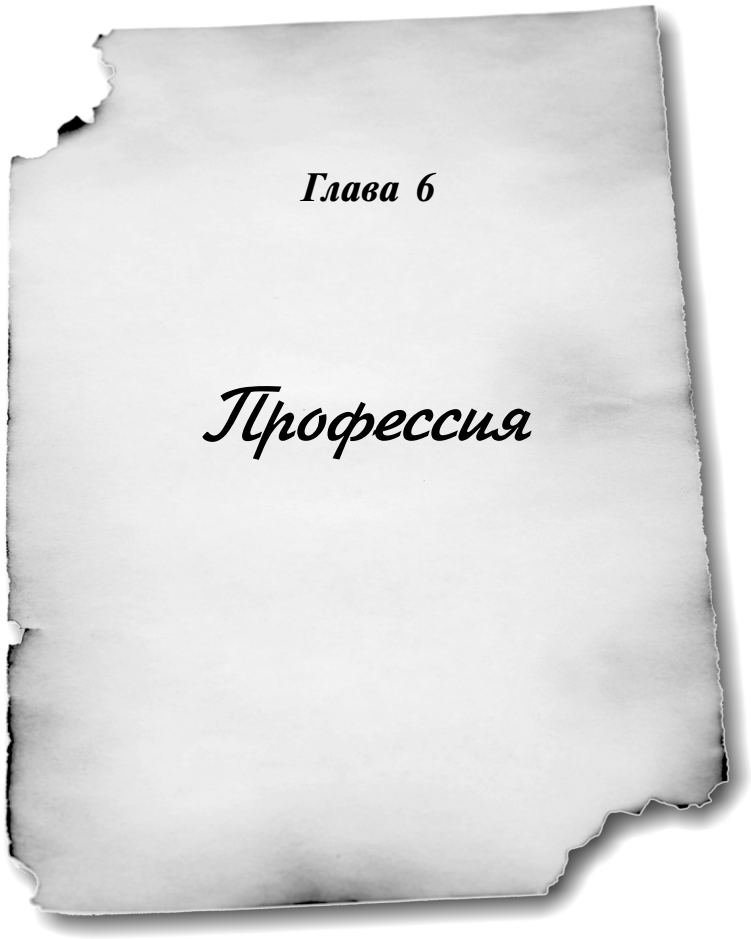
На все ли ему отвечу я,
Чтоб шел, не сбиваясь, к цели?
В душе моей противоречия
Спят рядом в одной постели.

Не мало проблем и странностей
Представила мне эпоха.
Я часто блуждал в туманностях
Между «хорошо» и «плохо».

Я многое знал без точности,
Оправдывал заблуждения,
Я часто без должной прочности
Слагал свои убеждения...

Я так бы и жил невеждою,
Когда б не случилось это:
Сын смотрит в глаза с надеждою
И ждет от меня ответа.

1954

Глава 6

Профессия

КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Опять вдали бегут пригорки,
Опять в вагоне пыль и пар
И дым саратовской махорки,
Занозистый, как скипидар.

Ты спросишь спичку у соседа,
Закуришь, вступишь в разговор,
И вьется ниточкой беседа,
Плетя причудливый узор.

В пути молчальников не много.
Здесь все душевны и просты.
Звенит железная дорога,
Гудят чугунные мосты.

Уже давно ушли в легенды
Черты скитальцев-моряков,
И только мы, корреспонденты,
Храним традиции веков!

Вдогонку за газетным фактом
То на Таймыр, то на Алтай
Швыряет нас по разным трактам -
И в дождь, и в снег. Из края в край.

Наш труд не любит осторожных.
Как часто достается нам
На дальних станциях таежных
Искать приюта по ночам.

Наш жребий - мерзнуть по вагонам,
В пустынях падать от жары:
Скитаться, тосковать по женам,
В полярной тундре жечь костры.

Мять травы, лазить по Кавказу
И, на три дня попав домой,
Вести веселые рассказы -
На зависть любящим покой.

1953

ПАРОВОЗНЫЙ ГУДОК

Дед мой ездил весь век машинистом:
Знать, по вольным просторам скучал.
Где бы ни был по первому свисту
Он любой паровоз различал.

Той же самой дорогою гулкой
Шел отец мой до старческих дней,
Называл ее грубо «чугункой»,
А и крепко тянуло же к ней!

Видно жребий такой нам положен,
Чтоб в пути полустанки листать:
Я и сам стал «чугунщиком» тоже.
В кровь попало! Попробуй не стать!

Это мы под завесой зениток
Эшелоны водили в огне,
Путь к победе железною ниткой
Вышивая на полотне.

Это нас провожали подруги,
Нам махал материнский платок.
Ожиданья, свиданья, разлуки -
Все слилось в паровозный гудок.

Может быть, для иных это проза,
Что поделать? В стихи мои врос
Задушевный гудок паровоза
Вместе с песней железных колес.

1959

ШОФЕРЫ

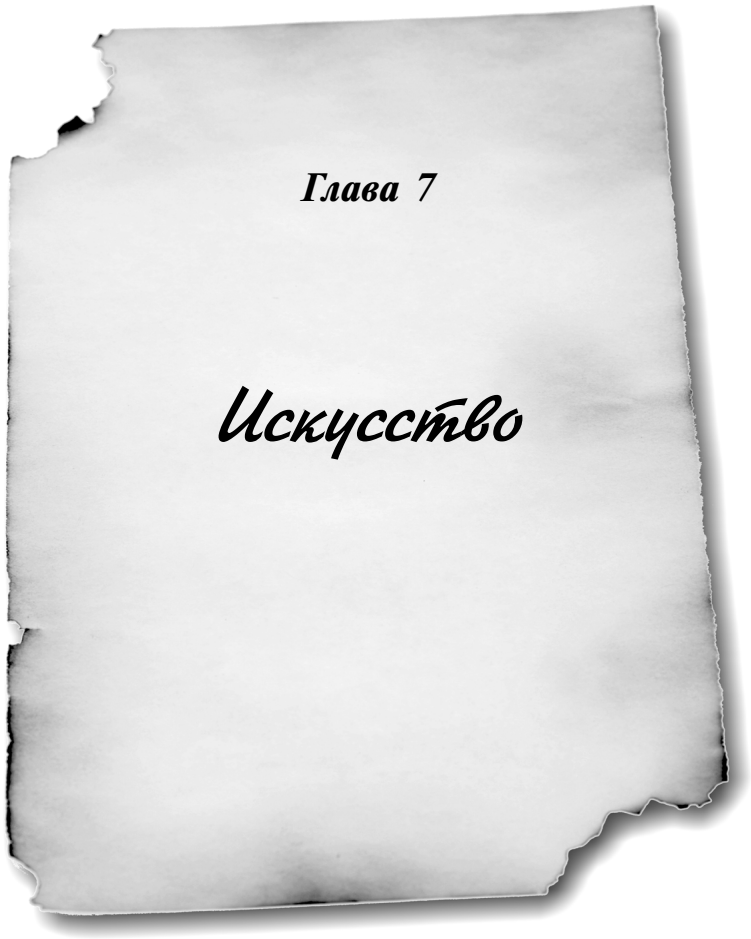
Шоферы! Ухари шоферы!
Я навсегда у вас в долгу
За то, что дальние просторы
Вы мне дарили на веку!

В вас, одержимых вечным риском,
Порой я узнавал парней.
Что прежде по степям российским
Гоняли бешеных коней.

По удальству, по речи бойкой
Я в вас угадывал порой
Тех ямщиков, что с птицей-тройкой
Исколесили шар земной.

Как много ископанных кюветов
С годами мимо пронеслось
Как много всяческих сюжетов
В пути услышать привелось!

И сердцу горько от укоров,
Что мы досель в своих стихах
Не рассказали о шоферах -
Как в старину - о ямщиках!

Глава 7

Искусство

ИСКУССТВО БАЛЕТА

Порой, признаюсь, видеть странно,
Как строг в балете каждый шаг
И как танцовщики бесстрастно
Красавиц носят на руках!

В балете сдержаны порывы,
Подвластны пластике права;
Там все признанья молчаливы:
Лишь па-дед-де, па-де-труа...

В балете даже ревность, ссора,
Вражды холодная струя -
Сверкает, словно - из фарфора,
Иль, может быть, - из хрусталя!..

Там все мучительные чувства,
Дела и помыслы людей
Волшебной магией искусства
Преобразились в лебедей.

И на короткий миг предстали,
Всего земного лишены,
В их совершенстве, идеале,
Какими быть они должны.

1974

ИСКУССТВО СЛОВА

Я представлял, пока я рос,
Что меж полей планеты
Есть где-то сад из дивных роз,
И в нем живут поэты...

Для них - творить узор стихов
Приятно и прекрасно,
Как из душистых лепестков
Жать розовое масло.

Но жизнь, однако, не цветы!
Тут все чуть-чуть иначе!
Брать красоту на красоты -
Банальней нет задачи!

А вот когда - за место роз
Быт с горечью и злобой,
Когда душа слепа от слез,
Сыщи свой стих! Попробуй!

Но нас искусство лишь тогда
Дарит живым созданьем,
Когда в нем светит красота,
Рожденная страданьем.

1975

ЛЕЛЬ

Кроткий вид. Затейливый и добрый.
А в руке пастушечья свирель.
До чего мне близок этот образ!
«Лель мой, Лель, лели-лели Лель!»

Он такой: звезд с неба не хватает,
Можно краше встретить молодца
Но когда поет, - как льдинки - тают
Самые студеные сердца.

Вьется лен над головой кудрявой
Все ему легко, все не беда.
Он поет совсем не ради славы.
Ради поцелуев - это да!

Он поет, и светит месяц тонкий,
Хмель в крови. Такая благодать!
Он бы спел и лучше, да девчонки
Могут до смерти зацеловать!

1960

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Взгляд художников сер и скушен:
На полотнах их мало чувства.
Вот зато мастера игрушек
Понимают секрет искусства!

Чтоб стихи написать получше,
По музеям я не хожу,
Я хожу в магазин игрушек,
На зверюшек цветных гляжу...

На зайчатах - перчатки теплые.
Из зеленого плюша львы.
Даже кобры - такие добрые!
Все биологи не правы!

Ах, как весело жить на свете,
Если б рядом вот так бродили -
Фиолетовые медведи,
Ярко-красные крокодилы.

В полосатых пижамах зебры -
Очень милые и забавные!
Все здесь видится в добром зеркале,
А ведь это в искусстве - главное!

1961

ОЖИДАНИЕ

Как я люблю в театре те мгновенья.
Когда партер еще не отшумел
И занавес, колеблемый волненьем,
Еще крылатой птицей не взлетел.

О, эта яркость праздничных нарядов!
Бинокли. Возгласы. Восторга перехлест!
Турнир смущенных и влюбленных взглядов,
И жадный поиск неоткрытых звезд!

А запах краски! А шуршапье кресел!
А эта робость, скрытая дотоль, -
Как будто в новой, неизвестной пьесе
Мы все играем основную роль.

Нам предстоят победы и страданья.
Благодарю актеров и актрис
Уже за эту сладость ожиданья
С душистым ветерком из-за кулис.

ПАЛЕХСКИЕ УЗОРЫ

Шелками хвалится
Лесная сень,
Узором палехским
Пылает день.

Игрою красочной
Весь мир согрет,
И льется сказочный
«Фаворский» свет.

А ветры шалые
Калину гнут,
А кони алые
Из речки пьют;

И не без повода
Сияет взгляд
Идущих по воду
Босых девчат...

Но горечь зыбкую
Таит рассвет:
Вот вспыхнул рыбкою,
Блеснул - и нет!

Рубины-яхонты
Сметая прочь,
Вновь черным бархатом
Мерцает ночь...

1979

ПЕРЕВОПЛОЩЕНЬЕ

Я понимаю перевоплощенье:
Актер терзает белые перчатки,
Он весь клокочет яростью и мщеньем:
Сегодня он - принц Гамлет или Чацкий.

Но вот что мне в искусстве не понятно:
Каким путем, томительным и трудным,
Ты, Гамлет, возвращаешься обратно
К своим подчас неинтересным будням?

Ты был героем. Был охвачен местью.
Был благороден. Неужели завтра
Ты сможешь с мелкой хитростью и лестью
Юлить перед дирекцией театра?!

Легко ли, вместе с принятым обличьем,
Отбросить прочь и дар высокой речи,
Шекспировское мудрое величье,
Восторг исканий и противоречий?

А я ведь знаю, что иному просто,
Играя силой перевоплощенья,
Как бог великим уходить с подмостков -
И мелким становиться без смущенья.

1963

СКРИПКА

Хотелось деревцу расти,
Шуметь зелеными ветвями,
Весною празднично цвести,
Зимой аукаться с ветрами...

Но вышла скверная пора,
Отхороводило, отпело:
Не переспорив топора,
Оно прощально проскрипело!

У человека этот скрип
На миг в глазах зажег улыбку.
Он придал дереву изгиб.
Приладил гриф и сделал скрипку.

И звуком чистым как хрусталь
Подобный плачущему богу,
Он стал вещать свою печаль,
Свою сердечную тревогу.

Всех лучше скрипка знает грусть
Глухие, темные порывы,
Подробно помнит наизусть
Все неутешные мотивы...

Но ты на скрипку не гляди
Как на наемную плакушу:
То грустный лес в ее груди
Свою выплакивает душу!

1974

У ГРОБА ХУДОЖНИКА

Органный гром гражданской панихиды
Гремит под сводом, тает в изразцах
И заглушает зависть и обиды,
Еще не смолкшие в иных сердцах.

Ты мертв, художник. И навек неправы
Все языки, язвившие, что ты
Трудился лишь для денег и для славы
Барышником на рынке суеты.

Не ради чести ты не знал пощады,
Не ради благ ты был неутомим.
Ты мертв. Тебе здесь ничего не надо.
А все, что сделал ты, -
все нам, живым!

И грустно мне, что только в день потери,
Когда ударил твой последний час,
Смогли все окончательно поверить,
Что весь твой труд - не для тебя. Для нас!

1966

ХУДОЖНИКУ

Не надо ныть «о серых буднях»
И ублажать свою печаль,
А надо просто взять этюдник -
И ехать в степи, в синь и в даль

Пусть в ноги вцепится репейник,
Плакун-трава и иван-чай,
А ты ступай, как коробейник,
Цветы и лица примечай.

Так широки речные русла,
А синь чиста и глубока,
Там солнце как ломоть арбуза
И как капуста - облака...

И есть какой-то смутный призрак
Неуловимой красоты
В холодных рельсах,
В низких избах,
В чертах привычной простоты.

Еще всех дыр не залатали...
Но жизнь - какой бы ни была! -
Она, от солнца золотая,
И нам, художникам, мила.

1964

ЧУВСТВО КРАСОТЫ

В черном зеркале рояля
Пальцы тонкие дрожат
Звуки музыки роями
Наполняют сонный сад.

То - «Ночная серенада»,
Сердца горестный вопрос...
Пенный запах водопада
От струящихся волос...

Милая, не будь ревнива:
Эта женщина - не ты,
Тут совсем иное диво:
Просто чувство красоты.

Это чувство не дарует
Не свиданий, ни разлук,
Ни полночных поцелуев,
Ни сплетенных нежных рук.

Но зато в нестройном мире
Дарит чувство красоты
Шепот звезд в небесной шири,
Солнце, море и цветы.

Если чувство это дремлет,
Если прячется вдали,
Наше сердце не приемлет
Никаких чудес земли.

А уж в области искусства -
Все ль вы помните, друзья? -
Без того шестого чувства
Просто шаг ступить нельзя!

1979

Глава 8

Природа

АПРЕЛЬСКИЙ ЭТЮД

Весь день весенний - как новинка:
Растут сосульки, как рога,
Капель, как швейная машинка,
Строчит крахмальные снега.

Все веселее звон хрусталин,
Все ярче неба синева.
На лбах распаренных проталин
Торчит чубатая трава.

Лес, что казался белым-белым,
Вновь оживает от тоски,
Как будто бы рисунок мелом
Сметают тряпкою с доски.

А сердце ноет от угрозы:
Вдруг чересчур лучи нажгут?
Растают белые березы
И - ручейками убегут!..

1974

БЕРЕЗЫ

Зачем какой-то чаровник
В какой-то давний год
Заворожил в недобрый миг
Девичий хоровод?

Зачем никто не уберег
Тех белоплечих дев,
Что стынут в облике берез
Лесной наряд надев?

Чем мне утешить их печаль
И как беде помочь,
Когда их шелковую шаль
Срывает ветер прочь?

Как быть в те пасмурные дни,
Когда метель вокруг,
И руки белые они
Заламывают вдруг?!

1974

В ВЕЧЕРНЕМ ЗАТОНЕ

Над серебряным затоном,
Меж склонившихся берез,
Вьются в сумраке зеленом
Стайки голубых стрекоз.

На тугой тесемке длинной
Дремлют лилии впотьмах,
Тянет плесенью и тиной -
Как в столетних погребах...

На крутом яру высоком,
Головой припав к земле,
Тень коряги осьминогом
Хищно корчится во мгле.

Тишь застыла над затоном
Лишь чуть слышно иногда
С непонятным легким звоном
Сонно плещется вода, -

Будто бы в подводном замке
Истомясь в ночной тоске,
Всплыть торопятся русалки -
Поиграть на бережке...

В ЛУГАХ

Как мне душевно дорога
Вся здешняя округа,
Когда запорошит луга
Ромашковая вьюга...

Нигде пустого места нет:
Над скатертью ромашки -
То василек, то горицвет,
То горсть душистой кашки...

Где мне сыскать певучий лад,
Чтоб передать словами,
Какой волшебный аромат
Сочится над лугами!

Хмельные пчелы и шмели
С ликующим жужжаньем
Нектарный аромат земли
Впивают с обожаньем.

Среди цветов стволы берез
Стоят на задних лапах
И - словно впавшие в гипноз
Смакуют сладкий запах.

Иду по лугу, а в душе
Такая сласть отрада,
Что лучше этого уже
Мне ничего не надо!

Я знаю - вот он - русский дух,
И вот как Русью пахнет,
Вот от чего светлеет друг,
А недруг в злобе чахнет!..

ВЕСЕННИЕ ЗАБОТЫ

На снегу узорчатые тени
Цвета сине-розовой сирени.

Каждая просохшая тропинка
Пахнет, словно сдобная тартинка.

Тут бы петь лирические ноты! -
Но ведь сколько у весны заботы...

Надо каждой травке ухитриться
Платье сшить из шелка иль из ситца.

Надо суриком подкрасить крыши,
Поменять все старые афиши.

Просушить дороги полевые,
Подогреть под солнцем яровые.

А еще в тревожной этой шири
Надо позаботиться о мире,

Чтобы дым пожаров и набегов
Не попортил тоненьких побегов!..

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Больше сердце не обману:
От людей, от камней, от холода,
Как язычник, встречать весну
Я далеко умчусь из города.

На дремучий лес нагляжусь,
Накажу себя мукой творчества,
Наскитаюсь всласть, надышусь
Синим воздухом одиночества.

Встану в сумерки у крыльца...
Глубоко и привольно дышится.
Где-то с дальнего, знать, конца
Лай собачий во мраке слышится.

А с полуденной стороны
Ветер струями хлещет резкими,
Пахнет ширью родной страны,
Тополями, губами женскими.

ВЕШНЯЯ ВОДА

Никакая радость
Никогда
Не поет,
Как вешняя вода,

Та, что вырывается
На волю,
Та, что растекается
По полю!

Поначалу нежно:
Кап да кап -
Как побежка
Воробьиных лап...

А потом -
Как зарокочет хором
По буграм, по рвам,
По косогорам!

Как пойдет крушить,
Да бушевать,
Да в запрудах
Пробки вышибать!

Как вино на свадьбе:
- Пей, не жаль!
Утоли
Сердечную печаль!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пускай манит мальчишек
Шумный бал.
А я от громкой музыки
Устал.

С теченьем лет
Я полюбил сильней
Напев берез
И лирику полей:

Природа мать!
Все прочее - к чертям!
Давайте возвращаться
К матерям!

От нудных споров.
От туманных слов
Меня зовет
Вечерний звон лесов.

Закутавшись
В зеленый плащ ветвей,
Я ухожу
От визга площадей.

Из моря мелкой пошлости
И лжи
Я уплываю
В море спелой ржи...

ВСТРЕЧА СТАДА

Как мне нынче отрадно стало,
Сам не ведаю отчего...
Вот выходит из лесу стадо -
Как вечернее торжество...

Полыхают лучи заката
На лоскутных боках коров.
Как хозяйственные ухваты,
Вознеслись острия рогов.

Не впустую, видать, над лесом
Бушевал океан дождя:
Всяко вымя огрузло весом,
Тяжким сделалось, как бадья.

При большой доброте коровьей
Нелегко им тот груз нести,
Но, чтоб всем пожелать здоровья,
Низко кланяются в пути.

Люди, радуясь без утайки,
Замирают по сторонам.
Встречь коровам бегут хозяйки,
Окликая по именам.

И уж загодя млеют дети
В теплом запахе молока.
И милей ничего на свете
Жизнь не выдумала пока.

ГРОЗА

Гроза накопится во мгле
И распахнет окно,
И сразу станет па земле
Тревожно и темно.

Жгуты грохочущей струи
Из туч ударят вниз,
И озорные воробьи
Забьются под карниз...

И оттого, что врозь нельзя,
Сойдутся у огня
Давно забытые друзья
И дальняя родня...

И, может, испугавшись тьмы,
Нависшей над землей,
Захочешь ты, чтоб были мы
Опять вдвоем с тобой.

1954

ДЕРЕВЬЯ

В пониманье загадки древней
Смысла жизни, ее глубин,
Больше всех повезло деревьям:
Мудрым кленам, кустам рябин...
Ни пронырливый зверь, ни птица,
Ни заносчивый род людской
Даже в малости не сравнится
С той раздумчивостью лесной.
Чтоб постичь разговор созвездий.
Шепот ветра, вселенский гул.
Надо строго застыть на месте.
Как торжественный караул:
Никаких вольготных мечтаний!
Никакой пустой суеты!-
Только шорох незримых тканей!
Только вечный блеск красоты!..

1978

ДОБРЫЙ ГРОМ

По белу свету сумрачно кочуя,
Негаданно, нежданно из дали
Седые тучи черноту ночную
В хороший, светлый день приволокли...

Затрепетали робкие осинки
Перед немой угрюмой темнотой,
И первые дождинки, как слезинки,
Повисли над испуганной листвой.

И хлынул дождь по чащам и по долам.
Раздался рокот грома за бугром.
Но был каким-то сдержанным и добрым
Июльский, мягкий, благодушный гром.

Казалось, что он ссориться не хочет,
Что сам он строгой должности не рад,
Что он лишь чуть, для виду, погрохочет,
И вновь лучи планету озарят!..

ДОЖДИ

Тучнеют тучи. Тускло и прохладно.
Не видно ласки прежних летних дней.
Так мать лицом суровеет внезапно,
Устав от эгоизма сыновей.

Бессонный дождь шумит, как водокачка.
Висит туман, как мокрое белье.
Речная ива, сгорбившись как прачка,
Полощет отражение свое.

В ненастной хмари затерялось солнце,
Оно с небесной влагой не в ладах.
Листва шумит увесисто и сочно,
Грибами пахнет в рощах и садах.

Окрестный мир весь вычищен и вымыт,
А тучи ливни новые таят,
Они плывут набрякшие, как вымя,
Их молодые елочки доят.

ДОЖДЬ В ЛЕСУ

Встретились в лесу не с волком -
С волглым запахом дождя.
Робко спрятались под елкой,
Возмущаясь и дрожа...

Ждали, что тоскливо станет,
Когда дождь замолотил;
А он вдруг пустился в танец
Под затейливый мотив.

Пробудился шорох вешний -
Будто память давних дней
Ожерельями орешник
Весь оделся - до корней.

А потом меж тонких сосен,
В кронах вымокших берез
Просияла в небе просинь -
Как улыбка после слез.

1973

ЗАРИТСЯ ХЛЕБ

«Вишь, начинает замолаживать», -
Задумчиво сказал ямщик,
И вздрогнул Даль: - Как завораживать
Умеет русский наш язык!

И право, стоит со вниманием
Вглядеться в речь едва-едва -
И, как в коротком замыкании,
Тотчас заискрятся слова.

Все гуще запахи пшеничные.
Налился колос и окреп.
В ночи горят огни зарничные.
Кругом твердят: «Зарится хлеб...»

Как надо быть предельно зоркими,
Чтоб в слове выразить одном
И высь, с зарницами и зорьками,
И даль со зреющим зерном!..

ЗИМНИЙ САД

Стоит пальму взять в оранжерее
Да поставить с фикусами в ряд -
И такую скучную затею
Люди называют «зимний сад»...

Зимний сад - совсем другое дело!
Надо в нем пожить, чтоб оценить.
Зимний сад бывает белый-белый,
Ни с каким цветеньем не сравнить!

Смотришь вдруг: озябшие деревья
Изморозь дымком заволокла,
Зимний сад сверкает, как изделье
Из цветного тонкого стекла.

Оттепель... Потом опять - морозы!
Плачет сад... Весенней ласки ждет...
Но свои отплаканные слезы
Не роняет, скупо бережет.

День звенит, как колокольчик льдистый.
Стужа зверствует. Хрустит земля.
А в саду - цветы из аметистов,
А в саду - цветы из хрусталя...

1966

ЗИМНИМ УТРОМ

Спасибо седой зиме
За то, что, под стать богам,
Хожу по родной земле -
Как будто по облакам!

От этих снегов в полях,
От вьюжного колдовства
Растет на душе размах
Веселого удальства.

Пускай метель все лютей,
Пускай из ноздрей бьет пар! -
И впрямь: у иных людей
Бушует в душе пожар!

Какой мороз! Аж до слез!
А мне - плевать! Благодать!
Кто враг, разреши вопрос:
Легко ли таких запугать?..

ИВА-БРЕДИНА

Прямо у бережка ива-бредина
В пенистый брод забрела.
Всех своих сонных сестер
Упредила:
Раньше других расцвела...

Вся она сладостно пахнет медами,
Вся - в золотистой пыли.
С виду цветы ее мнятся шмелями,
Мнятся цветами - шмели.

Дух этот бражный -
Разымчив и крепок,
Заново хочется жить!
Взять наломать бы дурманящих веток!
Да на свиданье спешить!

Ива-бредина! Ива-бредина!
Мне ведь - немало уж лет.
Ты для чего во мне
разбередила
Этот лирический бред?!

1975

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Ты твердишь одно и то же:
«Не похожи мы с тобой!»
Не похожи? Ну и что же?
Разве нет любви такой?

Ты уходишь: «До свиданья!»
Покорюсь своей судьбе.
Но цветок Иван-да-марья
Мне напомнит о тебе...

То ли медом, то ли шелком -
Кто спаял их навсегда?
Фиолетовые с желтым -
Несозвучные цвета.

А взгляни-ка на тропинку:
Две струны чужих ладов
На весь лес звенят в обнимку
Аж до самых холодов!..

КРАСОТА

Просто все: березки да осинки
Головы купают в синеве,
Да искрятся бусинки-росинки
На холодной утренней траве.

Да еще щегол, пернатый щеголь,
Нотные азы зубрит в кустах.
Просто все. А как для сердца много!
Поглядишь: какая красота!

Золота на свете слишком мало,
И оно всегда не на виду:
Из недорогого матерьяла
Создает природа красоту.

1954

ЛЕС

Из всех земных
Сокровищ и чудес
Нежней всего
Люблю дремучий лес.

Не то люблю,
Что ягоды дарит,
А то, что он
О тайнах говорит.

И шум лесной,
И шепот тишины
Загадочными знаками
Полны.

Кусты, деревья,
Травы и цветы
Хранят в лесу
Разгадку Красоты.

А Красота
Для всех земных людей -
Учитель жизни
До заката дней.

1975

ЛЕСНЫЕ ЦВЕТЫ

Есть сказочность в русских цветах:
В куделях седой медуницы,
В костистых репейных жгутах,
В копытцах болотной кислицы.

Идешь по траве-мураве,
Где мхи, да хвощи, да крапива,
И верится старой молве
Про всякое «дивное диво».

И мнится: вот-вот меж купав,
Чья нежность в лесу повседневна,
Вдруг выйдет, листка не примяв,
Премудрая дева-царевна,

И скажет: - Довольно пенять
На всех неразумных и милых.
Одна я способна понять
Все то, что другие - не в силах!..

1975

ЛИСТОПАД

Осенний ветер во дворе
Листву с деревьев рвет,
У листопада в сентябре -
Необратимый ход.

Летят листки с календаря,
Года и дни летят,
И это, честно говоря,
Такой же листопад.

Слова все тише, все грустней,
Все пристальнее взгляд,
Все меньше суетных друзей.
Что делать? Листопад!..

ЛИЦОМ К СОЛНЦУ

Стук капельной воды
Так и просится в гости.
На опушке дубы
Греют старые кости.

Звон мелодий шальных
Не находит управы!
Из проталин лесных
Бьют фонтанные травы.

К свету нови земной
Рвутся руки растений,
Раскидав за спиной
Надоевшие тени.

С этим ясным деньком
Очень жаль разминуться -
Значит, к солнцу лицом
Уж пора обернуться!

МОЙ СКВОРЕЦ

Прозевал я, старый грешник:
За весной не углядел,
Прохудившийся скворечник
Чуть подправить не успел...

Как-то утром встал с зарею -
Вдруг с высокого крыльца
У себя над головою
Слышу звеньканье скворца.

Вижу: радуется птица.
Дескать, вновь - в родных полях!
А скворечник не годится,
Прохудился, весь в щелях.

Верный дому, точно другу,
Прочь умчать скворец не смог,
Но спесивую подругу
В дряхлый «терем» - не завлек!

Все скворцы переженились,
Стихли, песен не поют,
Все достойно погрузились
В свой семейственный уют.

И лишь мой жилец печальный
Свищет, кликает любовь,
Сладкий плач свой музыкальный
Изливает вновь и вновь.

От зари до темной ночи,
Дружным парам глядя вслед,
Он - с тоски поет все звонче,
Как лирический поэт.

Колдовской секрет искусства
В том и спрятан, может быть,
Чтоб отвергнутые чувства
С грустью в песню перелить!

1974

ОСЕННИЕ СТРОКИ

Каждый день с утра - одно и то же:
Мелкою алмазною крупой
Бесконечно барабанит дождик
По стеклу, по крыше жестяной...

О, мое любимое искусство!
Не давай расти глухой тоске!
Отогрей слабеющие чувства,
Как мальчишка - птицу в кулаке...

1962

ОСЕНЬ

Лето отзвонило в колокольчики,
И уже в рассветной синеве
Очень хрупкий, сахарный, игольчатый
Иней серебрится на траве.

На заре, задумчивой и зябкой,
В паутинках желтая листва,
Будто осень, новая хозяйка,
Вяжет дорогие кружева.

Не пойму: о чем береза плачет?
Ведь еще морозы далеки.
Не пойму: за что береза платит?
Без конца швыряет пятаки.

Сколько палых листьев вдоль обочин...
Очень терпко пахнет сентябрем.
Старый клен, как путевой обходчик,
Машет, машет желтым фонарем...

1968

ОТТЕПЕЛЬ

Оттепель... Потепление...
Виснет туман вдали...
Вкрадчивое томление
Чувствуется в крови...

Снова цветет брусника,
Серьги лещин гремят,
Синее волчье лыко
Сеет духмяный яд.

Где-то по дну оврага
Струи журчат в гульбе,
Сладкая эта влага
Властно влечет к себе.

Яростней пенной браги,
Крепче, чем ярый мед,
Запах томленой влаги
Сыздали в ноздри бьет...

1973

ПОДОРОЖНИК

Издревле отары овечьи,
Коровьи, иные стада
В контакте с теплом человечьим
Отраду находят всегда.

Бывает, что вольная птица
К людскому радушию льнет:
С доверьем на руку садится
И хлебные крошки клюет...

Но чувства не могут тревожить
Бездушную зелень травы?!
Однако возьмем подорожник -
И выйдет, что мы не правы.

Где нету жилого приюта,
Вовек подорожника нет.
Он должен людского маршрута
Приманчивый вынюхать след.

Всегда он снует у тропинок,
Повдоль пешеходных дорог,
И прямо под каждый ботинок
Ушастый сует стебелек.

По лесу, по сочному лугу,
Неведомо ради чего,
Спешит к человеку как к другу,
Надеясь во всем на него.

ПРОСТАЯ ТРАВА

Меж лесами и лугами,
Где земля вовек жива,
Зеленеет под ногами
Бархатистая трава...

Без заботы вырастая,
Не фасониста на вид,
Эта травушка простая
Гордых взоров не дивит!

Всюду розы да тюльпаны
На устах людской молвы -
Не знатны и безымянны
Кудри дикой муравы.

Иван-чай с лапчаткой вьется,
Тмин кивает головой -
Все прохожими зовется
Просто-напросто «травой».

Рюкзаки надев, шагают,
Ловят рыб, цветочки рвут.
Ни травы родной не знают,
Ни людей, что здесь живут...

РАНЬ

Встать до зорьки, сизой ранью.
Когда мгла и темень,
Когда лес стоит в тумане,
Как забытый терем...

В глушь уйти, под скрип сосновый,
В чашу за грибами,
Чтобы каждый гриб - как повод
Встретиться руками...

Услыхать, как где-то птица
Лес зовет проснуться,
Голубой росы напиться,
К сказке прикоснуться!

Наломать сырой рябины
Две больших охапки,
Чтоб заискрились рубины -
Как на княжьей шапке!

Чтоб совсем неважны были
Речь иль взор влюбленный -
Только б вместе мы любили
Этот лес зеленый!..

1966

СЕВЕРНЫЕ КРУЖЕВА

Голубые варежки,
Синь тулуп,
Ледяные валенки -
Хруп да хруп,-

Дед Морозко шастает
По селу
Да рисует разное
По стеклу:

Папоротники, звездочки,
Жемчуга,
Пальмовые, солнечные
Берега...

Что за клад для девушек -
Кружевниц,
Для искусных северных
Мастериц!

Сядут в теплой горнице
Под окном,
Руки, словно горлицы,
Бьют крылом.

И - глядишь - морозное
Суровье
Перешло в узорное
Кружевье.

Там снежинки кружатся,
Как кудель,
Серебрится кружево,
Как метель...

Выйдет новобрачная
С молодым,
А фата - прозрачная,
Точно дым.

Губы у подруженьки
Хороши.
- Ой, растает кружево:
Не дыши.

1965

СИНИЙ СОН

Крупицы снега, словно соль,
Под месяцем блестят.
Необоримый синий сон
Объял озябший сад.

Спит каждый крохотный побег
И каждый корешок.
А над землей порхает снег,
Как сонный порошок.

Сугробы. Звезды. Да мороз!
Да тонкий серп луны!..
В какой-то сладостный гипноз
Леса погружены.

А за лесами спят поля,
Спит рек голубизна.
Светло и сладко спит Земля,
И снится ей Весна.

1975

СКВОЗЬ ДОЖДЬ

Ты все ворчишь: «Какой туман лежит!
Все дождь и дождь, на улицу не выйдешь!..»
- Помилуй Бог, да можно ли так жить,
Когда ты свет сквозь сумерки не видишь!

А я люблю как мандолинит дождь,
Люблю, когда сквозь тусклое ненастье,
Сквозь шум листвы и занавески дрожь
Дохнет вдруг светлым дуновеньем счастья.

Дождь для меня лохматый дирижер.
Едва взмахнет он палочкой своею -
Все лучшее, хранимое душой,
Овладевает памятью моею.

Сквозь дождь я вижу тысячу чудес:
Земля душистым маревом сочится,
А мы вдвоем несемся через лес,
И дождь, как гость, в стекло реки стучится.

Давно промок непрочный целлофан...
Что за беда? Ведь дождик не навеки!..
Зато так сладко, сладко целовать
Все в капельках светящиеся веки...

1963

СНЕГИРИ

Ты видел как в блестках
Морозной зари
В стеклянных березках
Поют снегири?

В завьюженных рощах,
Где скудный уют,
Не плачут, не ропщут,
А песни поют.

Как стало бы страшно
В безмолвных лесах
Без этих отважных,
Отчаянных птах!

Метели их нянчат,
И в гнездах у всех -
Не пух одуванчиков -
Ветер да снег.

Им зябко без пищи,
Без теплых лучей,
Но счастья не ищут
За далью морей.

СНЕГОПАД

В этом утре, сотканном
Из утрат
Ходит добрым доктором
Снегопад.

По глухим окраинам,
Где сквозняк,
Он бинтует раненый
Березняк...

Снег ворвется поночью
В полутьму,
Самой скорой помощью
На дому.

Он залечит бережно
Боль души -
И уйдет по бережку
В камыши...

1967

СУХАЯ ТРАВА

На ранней зорьке чуточку морозило,
Спешили мы добраться до Москвы,
На берегу Теряевского озера
Нарвал я сноп увянувшей травы.

Не знаю: на красу ли, на забавушку,
Не ведая, как кличется она,
В пустой кувшин воткнул я эту травушку
И надолго оставил у окна.

Уж сколько лет с поездки этой минуло.
Бежали дни. Чего в них только нет!..
Трава грустила светлая и милая,
И мирно украшала кабинет.

Случилось лето душное и влажное.
Везде, как дым, с утра висела мгла.
И вдруг трава сухая, что бумажная,
Проснулась, задышала, зацвела.

Она весь дом цветением заполнила,
Раскрыла все метелочки свои
И почему-то тихо мне напомнила
О давней, о забывшейся любви.

Теперь я знаю, что со мной ни станется
И сколько долгих лет ни утечет,
Та боль со мной вовеки не расстанется:
Проснется вдруг, задышит, зацветет!..

ТАЙНА РАДУГИ

- Радуга, радуга,
Свет-семицвет!
Сердце ты радуешь
Сызмальских лет.

Только вот правда ли:
Мне говорят,
Будто бы в радуге
Прячется яд?!

«Радуга сушит,
Влагу берет,
Радуга душу
Живую убьет!

Там, где упрет она
В землю края
В горе над мертвыми
Плачет родня!»

- Радуга, радуга,
Молви с высот:
Правда ли в радости
Горе живет?

Разве опасна
Твоя красота
Разве прекрасной
Бывает беда?!

ЧЕРЕМУХА

Что это за праздники?
Что кругом творится?
В каждом полисаднике
Черемуха дымится.

Сияют дали лунные.
Черемуховый чад.
Гитары семиструнные
Без умолку звучат.

Манят очи черные
Небывалым светом.
Девчонки зачарованы
Черемуховым цветом.

Сидим мы у калиточки,
Две веточки в зубах.
Весь пиджак до ниточки
Черемухой пропах.

1966

ЧЕРЕМУХОВЫЕ ПОЛЯНЫ

Что слышится в сумерках вешних?
Влюбленный ли голос звучит.
Иль просто цветущий орешник
Сережками тихо звенит?

Весенние ночи туманны,
Их тайны укрыты впотьмах.
Черемуховые поляны -
В изломанных белых ветвях.

Все скроет черемушник скромный -
Лишь стоит луны подождать.
Прийти сюда полночью темной
И пышных ветвей наломать!

Но чем мы верней понимаем
Значение красоты.
Тем мы осторожней ломаем
Черемуховые кусты...

ЧЕРНЕЮТ БЕРЕЗЫ...

Опять колоколят дрозды на поверке...
Опять голубеет весна...
Но что-то как будто березки померкли,
Поблекнула белизна?!

Девически нежной атласной бересты
Все меньше в окрестных лесах:
Редеют березы, темнеют березы,
Чернеют у нас на глазах.

Да как не чернеть им? Не ради забавы
Сияли они белизной:
Их блеск говорил, что леса и дубравы
В гармонии с жизнью земной.

А нынче повсюду - тревоги, угрозы.
Ракеты пылят в небесах.
Редеют березы. Темнеют березы.
Чернеют у нас на глазах.

ЧЕРНЫЕ БЕРЕЗЫ

Порой - для ларчиков белесых,
Порой - чтоб сунуть в пасть костру,
С березок, с ласковых березок
Сдирают белую кору.

Что красота? Пустяк! Плевать им
На лес, на звон, на красоту!
Как с девушек срывают платья,
Так рвут с березок бересту.

А блеск берез белей рассвета.
Белей, чем плечи у девчат...
Застыли - донага раздеты! -
И чернотой своей кричат!

Глава 9

Посвящение

АКТРИСА

В.Ш.

Ты - актриса. Ты известна очень.
Ярки на плечах твоих шелка
Почему ж так часто твои очи
Затеняет смутная тоска?

Может, слыть устала «героиней»,
Поманило в тень и тишину?
Может, надоело быть «рабыней»
В режиссерском взбалмошном плену?

Может, сердце больше не желает
Притворятся - правде вперекор -
Куклою, которою играют
Каждый критик, каждый режиссер?!

Знала ль ты, когда рвалась в актрисы,
Как коварен и опасен как
Спрятанный за пестрые кулисы
Непроглядный театральный мрак?

Знала ль ты, как в мраке том заплачешь
Над своей обидой и бедой,
Как за славу дорого заплатишь
Гордостью, свободой, красотой?!

Если б впрямь ты знала, как коротки
Дни побед, как ноша тяжела,
Разве ты пошла б по этой тропке?..
- Что сказать?..
Наверное б пошла!..

БАЙРОН

Кто был он? Лорд. Английский барин.
Потомственный аристократ.
Но всем поэтам близок Байрон.
И мне он тоже - кровный брат.

Мне по душе, что в мрачный Нью-Стэд
Он дух веселости вносил,
Что свечи на фамильных люстрах
Литыми пулями гасил.

Мне по душе, что смел и горд он,
Что он - бунтарь, хотя и лорд.
Что звать его Джордж Ноэль Гордон,
Что он - отчаянный как черт!

Мне даже нравится и то, что
Был так зол и так остер,
Что он ходил, хромая, с тростью,
Но был бретер и был боксер.

И был всегда готов к моменту,
Чтобы себя не пощадить,
И, вызвав на дуэль легенду,
Смог Дарданеллы переплыть!..

Я знаю, что в часы пирушки,
Когда хрусталь в руке звенел,
Не от хмельного пунша Пушкин -
От строчек Байрона хмелел.

В холодном, чинном Петербурге,
Среди заснеженных колонн,
Другой поэт, угрюмый юнкер,
Был так же в Байрона влюблен.

Он всем певцам сердца встревожил.
И потому так много лет
Поэты на него похожи.
Иным не может быть поэт!

1965

В ЛИПОВОЙ АЛЛЕЕ

Прогулка в Липовой аллее
С красавицей наедине...
Ах, как таинственно темнели
Большие очи при луне...

Здесь Пушкин - не письмо в конверте,
Не вдохновенный мадригал, -
А золотой балет в бессмертье
Капризной даме даровал.

Она взяла тот дар поэта.
Взяла. Отвесила поклон.
А все же не дала ответа
На жар, каким был полон он.

Поэзия! Свобода! Слава! -
Они для смелых хороши!
Его любви шальная лава
Грозила сжечь покой души.

Нет, нет! Зачем гореть так пылко?
Все это - слишком резкий тон!
К тому ж еще - изгнанье, ссылка,
Опальный деревенский дом!..

Она была заметней рада,
Когда в мазурочном пылу,
В столичном блеске император
Ей улыбнулся на балу!..

1973

В МИХАЙЛОВСКОМ

Вот три сосны -
Как три сестры,
А рядом их густая молодь;
А там прибрежные кусты
Ныряют с головою в Сороть...

А дальше - поле, копен ряд,
Усадьбы ветхая ограда
Да заповедный сумрак сада -
«Приют задумчивых дриад».

Здесь все - как встарь, все по-былому,
И можно с заднего крыльца
Сбежать, вскочить на жеребца -
И, как Онегин, мчать из дому...

Вот он - опальный дом поэта.
Над ним два журавля кружат.
Они тоскуют и кричат,
Зовут кого-то...
Нет ответа!

1973

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Все березки да ясени
Да синь над полями.
И все ясное-ясное
В Ясной Поляне.

Все полно здесь особым,
Пронзительным светом,
Словно сразу два солнца
Стоят над планетой.

Просветленным и мудрым,
Доверчивым взором
В золоченое утро
Глядятся озера.

Березняк, что по склонам
Бредет, словно пахарь,
Щеголяет посконной
Крестьянской рубахой.

И блестит серый гравий,
Устилая дорогу, -
Путь, ведущий из графов
К простому народу!..

Ни гранита, ни бронзы,
Ни славы спесивой!
Лишь дубки да березы,
Чистый воздух России.

Лишь приветливый ветер
Гуляет в дуброве
Да колышутся ветви,
Густые как брови...

1961

ВОЗВРАЩЕНИЕ

С.К.

Как корабль, плывущий к пристани,
Злыми бедами нагруженный,
Много раз я, странник, издали
Возвращался к моей суженой...

Не стучась, войду в прихожую...
Что-то славное тут станется:
Как заря, моя пригожая
Всколыхнется, зарумянится.

Да начнет она от радости
Привечать и приговаривать,
Слаще самой сладкой сладости
Речью ласковой одаривать.

Да зажжет огни веселые,
Да поставит вина красные,
Чтоб забыл я дни тяжелые,
Все пути свои опасные.

Про беспутного, про шалого
Слова горького не вымолвит
Будто мать ребенка малого -
Добела слезами вымоет...

ВЫСТРЕЛ

Владимиру Маяковскому

Спокойней жили все его друзья.
Благоразумней. Потому - везучей.
Блистали фейерверками, дразня
Его души клокочущий Везувий.

И женщины, как будто на бульвар,
Входили в сердце, словно для прогулки,
Копытя каблучками тротуар.
Кидая поцелуи, как окурки:

А недруги - толпой - из года в год
Вели подкопы, с яростью, со страстью,
Чтобы взорвать поэта, как завод,
Народу «вырабатывающий счастье»!

И в час, когда под тяжестью атак
Он рухнул, как пылающая домна,
Мещане загалдели: «Как же так?
В чем дело? Некрасиво! Неудобно!»

Благоразумным - где же им понять
Умолкшее, простреленное сердце?
Благополучным - как не попенять
На факт, «от коего не отвертеться»?!

А я бы тем, которым «непонятно»:
Откуда выстрел? И по чьей вине? -
Настойчиво, доходчиво и внятно
Напомнил бы, что все мы - на войне!

А на войне нередко в час сраженья.
Патроны и гранаты истребя,
Солдат, попавший в клещи окруженья.
Огонь вдруг вызывает на себя!

И пусть он сам погибнет под обстрелом,
Зато он - в гуще вызванной пурги,
Зато под метким огневым прицелом
Полягут рядом клятые враги!

Все кончено! Не воротить поэта!
Не воскресить! Не сделать ничего! -
Но пусть не уклонится от ответа
Никто из нападавших на него!

ИМЯ ПОЭТА

Не вином, лошадьми или теннисом
Вдохновлялся поэт Альфред Теннисон,

Если в сердце строка не бьется,
Не мечтается, не поется -

Он твердит, точно пунш пьет пенистый:
«Альфред Теннисон,
Альфред Теннисон,
Альфред Теннисон,
Альфред Теннисон!..»

И ведет его это звучание -
Как набат! Как на царство венчание!

Жизнь поэта - за славу он выменял!
Вся вселенная - в собственном имени:

И года... И волынок мотивы...
И страдания леди Годивы...

1965

КАК ЦИОЛКОВСКИЙ

Конечно, над ним коллеги
Подтрунивали в Калуге
- Куда? На Луну? В телеге?
- Вы, батенька, близорукий.

Коллеги его отчитывали
(О, эта злая бездарь!):
- Оторваны вы от жизни,
Милостивый государь!

А он, покуда не признанный
Им отвечал спокойненько:
- Оторванными от жизни
Бывают только покойники.

И в свете коптилок вечером
Под въедливый скрип телег,
Рассчитывал и вычерчивал
Грядущий ракетный век!

……

Преследуя цель геройскую,
Не бойтесь прослыть кругом
Похожим на Циолковского
«Чокнутым чудаком»!

Пусть в памяти пролетают
Ночные пути планет,
Пусть череп, как планетарий,
Хранит чертежи ракет!

И пусть коллеги, калеки
Смеются над вами... Что ж!
Прописанный в новом веке
На них уже не похож!

1960

КОЗЬМА МИНИН

Я вспоминаю ту напасть,
Что называлась «смутным временем»,
Когда врагов чужая власть
На нас ложилась трудным бременем.

Себя царицей возомнив,
Уже ждала Марина Мнишек,
Что гимна русского мотив
Шляхетский дудочник напишет.

В столицу недруги вошли,
На всем исконном - знак запрета.
И, как фальшивая монета,
Фабриковались лжецари.

У нас, у русских, все не вдруг.
У нас в дорогу сборы долги.
Жил мирно Минин-Сухорук
В далеком городе на Волге.

Он видел: на Москве разброд,
Князья не слышат укоризны.
Где ж тот надежный патриот,
Что постоит за честь Отчизны?

Доколь боярскому уму
Без всякой пользы доверяться?
Приходит время самому
За дело воинское браться!

Сын Волги матушки-реки,
Он звал народ набатным звоном,
И подымались мужики
Ломать древки чужим знаменам!

Всегда, коль много бед вокруг,
Коль очень солоно придется,
Я верю: Минин-Сухорук
В каком-то городе найдется.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

О чем я стараюсь? -
Чтоб снова и снова
Россия влюблялась
В графа Толстого.

Писатель и пахарь,
Гусар в двух столицах -
Он был необъятнее
Бога, в трех лицах.

Да. Был он во многом -
Другим не чета! -
Искуснее бога
Исуса Христа.

Он знал все лекарства
Для духа и плоти:
Неправда - в лукавстве,
А Правда - в работе.

Не в праздной пыли, -
Говорил, - а за плугом
Все люди Земли
Сговорятся друг с другом.

Несчастье и Счастье -
И все он осилил,
Дремучий, бровастый,
Большой, как Россия.

ЛЕРМОНТОВ

Душной ночью перед дуэлью
Долго Лермонтову не спалось,
Все следил он, как звезды тлели,
Как, срываясь, летели вкось...

Надоел ему шум курортный:
Шепот сплетен и пересуд.
Нет, поэту нельзя быть гордым:
Вмиг завистники загрызут!

Ни любви у них, ни доверья.
Да и в сущности, может быть,
На земле лишь одни деревья
Могут рядом, не ссорясь, жить.

А в сиятельной этой своре,
Средь насильников и калек,
Лишь один и был человек -
Им же выдуманный Печорин.

.....

Вот иду я по той тропинке.
Где когда-то бродил поэт.
Где он в яростном поединке
Грудь подставил под пистолет...

Став навек ему пьедесталом,
От ущелий до горных круч
Завернулся Машук усталый
В черный траур грозовых туч.

И осипшим ручным медведем,
Что хозяина потерял,
Над ущельями воет ветер,
Залетая на перевал.

Камни шепчутся возмущенно:
Как стерпели друзей сердца?
Как оставили неотмщенной
Благородную кровь певца?!

Почему же никто -
от имени
Оскорбленных людских сердец! -
Не сумел возвратить Мартынову
Тот проклятый его свинец?!

Почему (бог с ним, с пистолетом!),
Не пугаясь опальным стать,
Гневных строчек «На смерть поэта»
Не посмел никто написать?!

1960

ЛЕРМОНТОВ НА КАВКАЗЕ

Лихие схватки шли в Чечне,
И Лермонтов, в косматой бурке,
На белом, как огонь, коне
Всегда был первым, в каждой рубке.

И гребенские казаки
О нем судили с уваженьем
Не за его стихотворенья,
А за уменье «брать в клинки»!

Но раздавался за столом
Смешок барона Россильона:
- Мишель! Как можно мчать верхом
Против ружейного заслона?!

Ах, этот чинный Россильон!
(Акцент французский иль немецкий?)
Что понимал в России он -
Чужой «бомонд» великосветский?

Где им понять созвучье строк?
Голов напрасно не трудили.
Где им понять: «поэт?! пророк?! -
В простом поручика мундире?!»

Ну, ладно: нечего пенять,
Что мудреца не оценили,
Но как же не смогли понять:
Какого удальца сгубили!

МАКСИМ

Я был бы рад его увидеть снова
Таким, как был он в молодые дни:
Скуластое лицо мастерового
И две больших тяжелых пятерни...

Еще он многим не внушает веры,
Еще о нем не скажешь наперед:
Быть может он пробьется в инженеры.
Быть может в неизвестности умрет.

Но посмотри! Лицо его такое,
Что если трудно будет одному,
То, многих не решаясь беспокоить,
Ты обратишься именно к нему...

Еще слывет он молчаливым парнем.
Еще он часто не находит слов.
Он ищет их на станциях, в пекарнях,
В ватагах астраханских рыбаков.

Едва рассвет поднимется над миром,
Едва в садах проснется птичий гам,
Он, как точильщик, ходит по квартирам,
По городам, по людям, по домам...

Они его еще не замечают,
Еще к перу не тянется рука.
Он ходит между ними. Выбирает,
Кого из них
Оставить на века?!

1948

МАЯКОВСКИЙ И ЕСЕНИН

Как жаль, что не дружил
Есенин с Маяковским,
Что каждый врозь ходил
По улицам московским!
Сойдутся как князья,
Глядят надменным взглядом.
Двум гениям нельзя
Дружить: им тесно рядом.
Один ввернет словцо
Про «памятник корове»,
Другой швырнет в лицо -
О «пробках в Моссельпроме».
Но я слыхал о том,
Что часто, на досуге,
Два спорщика тайком
Грустили друг о друге.
Один другому вслед
Порой шептал при людях:
- Какой большой поэт!
Пусть осторожней будет!..

1972

НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ

Бульвар и снег...
Январская столица...
Одетый снегом бронзовый поэт...
И мне вдруг помнится его убийца,
Нацеливший тяжелый пистолет...

И всплыл Париж
В конце былого века...
И вот глядят шумливый ресторан
На старого сухого человека,
Поднявшего трясущийся стакан...

Он снова хочет выпить за удачу.
Ему сегодня восемьдесят лет...
А на снегу за Комендантской дачей
Раскинул руки молодой поэт...

Лежат листки с оборванной строкою,
На них чернила высохли давно...
Старик Дантес
Морщинистой рукою
Поднес к губам холодное вино.

Когда ж он умер - пыли не осталось!
Но, пулей скошенный
В расцвете лет,
Сквозь дымку снега смотрит с пьедестала
В седых кудрях
Задумчивый поэт...

1950

НЕСТЕРОВ

Когда порой решишь, что некого
В искусстве взять за образец,
Передо мною встанет Нестеров,
Нежнейший русскости певец...

Печаль весны и сладость осени
И заревая тишина...
Он весь - как бы лесное озеро,
В котором Русь отражена.

Пусть там пустынники и отроки
И слишком благостны поля, -
Все это Русь. Не встретить отроду
Милей, чем отчая земля.

И мне б вот так светло и бережно
Лепить черты страны своей,
Где бьют крылом березы белые,
Белее белых лебедей...

1965

ОТВЕТ ПОЭТУ

И жизнь, как посмотришь
С холодным вниманьем вокруг
Такая пустая и глупая шутка!
М.Лермонтов

Вы тот, чей стих сердцам целебен,
Чье слово душу горячит,
Лишь сей анафемский молебен
Неверной нотою звучит!

Жизнь - «шутка глупая«? Да где он,
Шутов глупейших образец? -
Арбенин? Мцыри? Казбич? Демон?
Вадим? Печорин, наконец?!

Да. Век терзал вас с лютым рвеньем.
Да. Он казнил вас без вины.
Но байроническим презреньем
Вы не были заражены.

Вы жизнь воспели -
в звонах кубка,
В любви, в борьбе, в огне атак!
Нет, Лермонтов, она - не «шутка»
И уж не «глупая» никак!

ПАГАНИНИ

Еще не решено доныне:
В тот звездный час своей судьбы -
Не ошибался ль Паганини,
Талант спасая от борьбы.

Мне говорят, что он был вправе
Беречь себя от бурь и гроз:
Ведь он - не просто «карбонарий»,
А гениальный виртуоз.

Патриотические чувства
Все, дескать, делят наравне,
Но кто другой бы столь искусно
Сыграл бы на одной струне?!

Выходит избранный - избавлен
От бранных дел родной страны?
Выходит, ошибался Байрон,
Швырнув себя в костер войны?!

Нет! Мир велит одним железом
Спаять и музыку и быль,
Чтоб жить - как автор «Марсельезы»,
Прямой солдат Руже де Лиль!

А где нет мужества в помине -
Там виртуозность не спасет!
Во всех концертах Паганини
Чего-то мне не достает!..

ПИАНИСТУ

Д. С.

Мой друг,
Молодой музыкант,
Сыграйте мне
Зимний закат!
В печальном ключе,
В до-миноре,
Сыграйте
Вечерний простор.

Пусть синий,
Серебряный звук
Заполнит
Все дали вокруг,

Пусть вспыхнут
Янтарь и лазурь
Над сердцем,
Уставшим от бурь.

Есть час.
Чтобы петь и играть,
Есть час -
Как закат догорать.

Все это печально
И пусть!
Прекрасны и радость
И грусть!

Сыграйте мне
Грустный мотив,
Печалью
Глаза замутив...

ПОРТРЕТ МАТЕРИ

Мама, как жила ты мало!
Как светлы твои черты!
Самый младший сын твой, мама,
Старше я теперь, чем ты!

Нынче мне понятней стало,
Как растила ты семью,
Как ты нам передавала
Юность нежную свою!

Все нелегкие страницы
Перелистаны сполна:
Были слезы и больницы,
Были голод и война...

Я учился не по книжкам,
У тебя учился, мать,
Как соседскому мальчишке
Свой последний хлеб отдать.

Не чужая чья-то повесть,
Мне открыл характер твой,
Как светла должна быть совесть -
Вроде солнца над землей!

Говорят, что надо сыну
Быть похожим на отца,
Чтоб ценить мужскую силу,
Чтоб иметь закал бойца.

Ну а я, чтоб быть хорошим,
Чтобы жить, людей любя,
Я, пожалуй, рос похожим
Больше, мама, на тебя.

Если строго приглядеться,
Я и впрямь похож на вид.
И мое больное сердце,
Как твое, за всех болит...

1975

ПОРТРЕТ С НАТУРЫ

И. Д.

На пиджаке две орденские планки,
Рубцы и шрамы - след жестоких мук,
Его нашли в обуглившемся танке -
И он остался без обеих рук.

Он с трудностями справился не сразу,
Он плакал, уставая от борьбы,
Пока его веселые рассказы
Не обманули собственной судьбы!

Как густо перечерканы тетради,
Как много в них и боли и труда!
Однако пусть смеющийся читатель
Об этом не узнает никогда.

Его жалеть, пожалуйста, не надо:
Он будет драться до последних дней.
Земля щедра, красива и богата,
И он еще поцарствует на ней.

Известно ль вам, как весело, к примеру,
Летя в «Победе», сделать резкий круг,
Чтоб вздрагивали милиционеры,
Узрев шофера без обеих рук?!

Как хорошо кружить с девчонкой в зале:
«Ну что ты, милая? Я ж - инвалид войны!»
Пусть удивленно-робкими глазами
Толпа стиляг глядит со стороны!

Планета очень схожа с апельсином,
И сладко пить ее душистый сок,
И нету для отчаяния причины,
Пока беда вконец не свалит с ног.

А коль и свалит, прикует к постели
В больнице, где дадут ему кровать,
Все будут задыхаться от веселья
И лишь от смеха будут умирать!

1955

ПОРТРЕТ СУВОРОВА

Генералиссимус Суворов
Мне представлялся с детских лет
Непререкаемо суровым
И грозным, словно монумент.

Полсотни доблестных сражений
Врубил он в бронзу на века,
Из горькой чаши поражений
Не отхлебнувши ни глотка!

Награды, почести и званья -
Венец суворовских боев! -
Включали полное собранье
Отечественных орденов.

И в то же время
в промежутке
Меж двух атак, среди огней.
Любил он соль солдатской шутки.
Как Вася Теркин наших дней.

Он был веселым в разговоре,
Живым не лез на пьедестал,
Охотно пел в солдатском хоре
И даже сам стихи писал.

Все это - верный показатель
Что во главе победных рот
Он шел не как завоеватель,
А как российский патриот.

Он добрый был! Вот в чем суть дела!
Любил он мирное житье.
Когда же Родина велела -
Как надо дрался за нее.

1971

ПОРТРЕТ

Л. Н. Толстому

Он весь свой светлый мудрый разум
Вложил в заветную мечту
Чтоб «по-мужицки, дружно, разом,
Взять и осилить нищету!».

Но, не устроив жизни новой,
Хоть чем-то он помочь хотел:
Вдове Анисье Копыловой
Он лично вспахивал надел.

Народ глядел почти с испугом,
Как, до колен порты задрав,
Осенней пашней шел за плугом
«Его сиятельство», сам граф!

Известно, кто такие бары!
А этот, по-крестьянски бос.
За-ради самой нищей бабы
Пахал, косил, возил навоз!..

В какой иной земле, приятель,
Найдется равный образец,
Чтоб был - гусар, мудрец, писатель
И жнец, и на трубе дудец?!

Досель в народном сердце чутком
Былого чувства не унять,
И это - нашим «русским чудом«
Законно следует считать.

1970

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Александру Блоку

Отринув столичный салонный тон,
Неведомо почему,
Любил он умчать в деревенский дом,
Что дед завещал ему...

Высокой поэтики виртуоз,
Он здесь постигал не вдруг:
Как утром душист на полях навоз,
Как сладок рогожный дух.

Весь в белом, как ангел, на белом коне
Спускался он в синий дол,
Где бабы картошку пекли в золе,
А парень им лапти плел.

Ходил он к заутрене в сельский храм,
Через Тараканов ский лес,
К аладинским, гудинским мужикам
Манил его интерес.

И тут колдовала над Блоком Русь:
Под пенье, под скрип сохи
Мужицкие думы, тоска и грусть
Вторгались в его стихи.

И ветер, которым дышал народ,
Преображал его.
И весь петербургский эстетский сброд
Шарахался от него.

1981

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ

Прельстись на богатые платья,
На сладкие зелья-медки,
Корыстными сделались братья.
Мне ихний устав - не с руки.

«Бог с вами! Живите обманом!
Копите грешок за грешком!
А я, с верным братом Романом
Пойду попылю батожком.

Округ - как небесная манна -
Разлужья, поля да цветы.
Ужели для смертного мало
Живительной сей красоты?

Каких тут даров приношенья
Укрыты в лесной синеве,
Где ягодные ожерелья
Раскиданы в мягкой траве!

Взалкаешь водицы напиться
Ткни посохом в землю, и вот
Из камешка ключ проточится.
Светлее и слаще, чем мед.

А ежели тьма подкрадется,
Но гребуй на лапник прилечь.
Бессонные звезды - до солнца -
В сто глаз тебя будут стеречь...»

РАЗГОВОР С БУРЛЮКОМ

...и с нежностью, неожиданной
в жирном человеке,
взял и сказал: «Хорошо!«
В. Маяковский.

Вы вновь в Москве, Давид Бурлюк,
Перебурливши средь скитаний,
Худой, усталый, как верблюд,
С большим горбом воспоминаний...

И - словно черев толщу лет -
Погожим вечером московским
Вхожу я с вами в тот портрет,
Где вы стоите с Маяковским.

Он вам читает в первый раз,
Еще не зная: что выходит,
И смотрит в ваш кричащий глаз,
И слышит: «Хорошо, Володя!»

Как много стерлось в порошок...
А все ж спасибо вам вовеки
За это ваше «Хорошо!»,
За нежность,
«неожиданную в жирном человеке»!

Вам рядом довелось идти
Не долго. И скажу вам честно:
Чуть разошлись у вас пути -
Все стало в вас неинтересно!

У вас есть собственный журнал,
Вы - видный бизнесмен, деляга,
А все же мне вас очень жаль,
Бродвейский горестный бродяга.

Вы мне стремитесь доказать,
Что вы всего смогли добиться.
Но тянет, тянет вас опять
Московским кленам поклониться...

И что тут скверную игру
Скрывать под благородной миной?
Не сладок мед в чужом пиру.
Нет славы вне отчизны милой.

Вот по Москве плететесь вы,
Как мальчик, потерявший папу,
Пред Маяковским,
вросшим в высь
Стоите, робко скомкав шляпу...

1966

РЫЛЕЕВ

Когда мы мужаем,
Когда мы взрослеем,
Нам зависть внушает
Кондратий Рылеев.

Крамольник, чьи строки
Под строгим запретом,
Он втайне для многих
Был первым поэтом.

Он даже для Пушкина
Был - как пример:
Народный заступник!
Революционер!

Совсем не как «висельник»
В мыльной петле,
Он видится витязем
В пыльном седле!

Поправший наветы,
Обман, вероломство.
Он трижды, навеки -
Пример для потомства.

Лишь так, как Рылеев,
Хотел бы я жить!
Лишь так, как Рылеев,
Отчизне служить!

1972

СТАРИК

Х. К. Яганову

Почти что полтора столетья
Весной он слышит, как в аул
Сырой высокогорный ветер
Доносит ледниковый гул...
Старик садится у порога
И долго смотрит небеса,
Где больше не находят бога
Его орлиные глаза.
Он сам - как древний бог преданья:
Ему такая даль видна!
Он помнит пушек грохотанье
И пушкинские времена.
Широкие прямые руки
Как груз, внушительно лежат;
Высокие седые внуки
Вокруг почтительно стоят...
Он здесь, в ауле, самый старый.
Но с каждым годом
весь народ
Ему все больше благодарен
За то, что долго он живет!
Все чаще с голубых предгорий,
С колхозных солнечных полей,
С горы, где виден санаторий,
Течет к нему поток гостей.
И всем так верится, что будет
У них такой же долгий путь,
Что даже и больные люди
Бодрее расправляют грудь.

1950

СТЕНЬКА РАЗИН

Эх, товарищи родные,
Петь почаще мы должны
Про лихие, расписные
Стеньки Разина челны.

Аль уже «не в моде» разве
Атамановы клинки?
Аль и вправду Стенька Разин,
Как туман, уплыл с реки?

А, чай, он всерьез, не в шутку,
Нас учил, как надо жить:
Не вцепляться в бабью юбку.
Волжской волей дорожить!

Пусть бы вновь вошло в привычку
Брать купцов за обшлага!
Пусть бы клич «Сарынь на кичку!»
Вновь встревожил берега!

Чтоб ни шелком, ни брильянтом
Богатею не блеснуть,
Чтоб ни Ротшильдам, ни хантам
Темной ночкой не уснуть,

Чтоб по всей Земле всечасно
Грудь знобило у господ.
Чтобы знали, как опасно
Обворовывать народ!

ФРАНСУА ВИЙОН

Средь бардов Франции по праву
Слыл первым Франсуа Вийон.
Благословляли эту славу
Блуа, Париж и Авиньон.

Король кудрявых менестрелей,
В тиши блистательных дворцов
Он был владельцем высших премий
На состязаниях певцов.

В числе других его талантов
Известно, что он был смутьян,
Глава отпетых дуэлянтов,
Гроза заносчивых дворян!

Он так мне видится, бродяга,
Любитель буйных кабаков:
В одной руке - стальная шпага,
В другой руке - альбом стихов...

1975

ХУДОЖНИК

Мне с каждым годом как-то ближе
Дороже и родней навек
Архип Иванович Куинджи
Необычайный человек.

Коли талант - любовь к чему-то,
Кто, как не он, талантлив был?
Куинджи так светло и мудро
Природу русскую любил.

О той любви - чего уж проще -
Всем протрубили на века
Его «Березовая роща»,
И эта «Лунная река»...

А сколь еще о нем известно
Почти волшебных «небылиц»:
Имел Куинджи дар чудесный,
Дар привораживанья птиц.

Он выходил на крышу дома -
И видел чинный Петербург:
Весь неуемный птичий гомон
К его рукам слетался вдруг!

Вороны с галками слетались
И ласточки, и воробьи, -
Слетались, будто покорялись
Гипнозу вековой любви!

Что тут Орфей с его игрою?
Куинджи больше смог открыть:
Любовью, чистою, одною
Природу можно покорить!

1974

ВЫСТРЕЛ

4 мая был я принят в масоны.
А. Пушкин. (Дневники. 1821)

1

Одна строка из давних дней
О том, что был в масоны принят...
Одна строка... А что за ней?
Кто мрак неведомый раздвинет?
Мы изучили жизнь его
Всю - от лицея до Дантеса.
А вот об этом - ничего!
Над этим - темная завеса!

Плетя туманных дел узор,
Нагрянули на Русь масоны...
Не время ль «оглядеть в упор,
Что это были за персоны?
Они сходились по ночам,
Секретничали в разговорах
При тускло блещущих свечах,
При плотно затворенных шторах.
Тут непременны меч иль нож,
Иль череп сумрачного вида,
И символ всех масонских лож -
Шестиконечный «щит Давида».
(Внушить пыталась простакам
Сия масонская эмблема,
Что возвести всесветный храм
Для мира Главная проблема!)

Что это? Модная игра
В таинственность и романтичность,
Чтоб как-то скрасить до утра
Бесцельной жизни прозаичность?
Иль, может, мистику любя,
Толкуя про мораль и нравы,
Они решали про себя,
Как в руки взять ключи державы?
Вот, скажем, Геккерен... Барон.
Сановный чин из Нидерландов.
Немаловажный был масон
Сей враг чужих ему талантов.

Любая речь его - обман,
Тугой капкан из тонкой стали.
А все дела - туман, туман,
Как на полотнах ван Рейсдаля.
Не зря он рыщет по торцам
При петербургской злой погоде,
Не зря порхает по дворцам -
От Бенкендорфа, к Нессельроде...

- Мое почтенье, милый граф!
Осмелюсь доложить все то же:
У вас, любезный, нету прав
Манкировать раченьем ложи.
Надменный граф в обидах быстр:
-Обязан фосразить барону:
Я есть не мальшик, но министр,
Хранящий русскую корону.
-Ах, полно, мой вельможный друг!
Масонство поважней престола!
И граф не может скрыть испуг,
Склоняясь чуть ли не до пола.
Уставность ордена строга,
Здесь каждый подчинен элите.
-Барон! Я ферный фаш слуга.
Фелите фсе, чего хотите!..

2

Нет, видно, были непросты
Сих тайных сборищ генералы:
Здесь рядят, кем занять посты,
Куда направить капиталы.
Здесь могут пулей пригрозить,
Возвысить, отстранить от дела,
Здесь могут солнце пригасить,
Чтоб слишком ярко не блестело!
А чужеземец Геккерен
Господствует меж этих залов,
Как полновластный сюзерен
Среди послушливых вассалов.
Он, как паук, повсюду ткет
Узоры липкой паутины,
Бумаги миссий продает,
Скупает древние картины.

Ни в чем не ведая преград
(Ведь он - экстерриториален!),
Он всласть жует, как шоколад,
Секреты министерств и спален
Коварный, злой иезуит,
Косясь сквозь ножницы лорнета,
Он всюду Пушкина бранит
Как вольнодумного поэта...

3

А Пушкин где-то пьет вино,
Гордясь открытостью суждений,
Не ведая, что стал давно
Предметом тайных наблюдений.
Он сам в минувшие года,
Спеша по следу Новикова,
Под сень «масонского щита»
Был загнан скукой Кишинева.
Ан, видно, невзлюбил поэт
Ни сих таинственных бесед,
Ни их двусмысленные тосты,
Ни шутовских обрядов бред,
Ни символические звезды.
Пусть Феслер или Остерман
В кромешной тьме жуют закуски!
Все это - фарс! Обман, обман!
Да и уж больно не по-русски!

Но знал ли он, что в ложе той
Был счет своих особых выгод,
Точь-в-точь как в шайке воровской,
Где рубль - за вход, а два - за выход!
Так легкомысленно презрев
Софистику пустых резонов,
Поэт навек накликал гнев
Тех засекреченных салонов.

А сверх того страшней всего
Был «грех» его иного рода,
Что он восславил торжество
Родного русского народа!
Воспевший грозных бунтов злость,
Бой Бородинский, гром Полтавы,
Давно он был - как в горле кость
У всех врагов родной державы!

4

С времен Ивана и Петра
Европа видит, рот разиня,
Как рядом с ней растет гора,
Гранитная гора - Россия!
Ни шведский, ни турецкий меч
Уже ту гору не пугали,
На ширь ее могучих плеч
Поднять топор не посягали!
Уж, верно, знали короли:
Тут никакой набег не в пору.
Одна надежда - изнутри
Изрыть подкопом эту гору!

Теперь, пожалуй, нет нужды
Скрывать от нас и от Европы,
Кто были тайные «кроты»,
Во тьме ведущие подкопы.
Всем ясно: в споре с той горой
Любой лазутчик был пригоден.
А лучше всех служил порой
Извертливый масонский орден.
О, неспроста сюда, в дворцы,
В Палаты северной столицы,
В те дни толпой летят гонцы,
Спешат послы из-за границы.

Им ни к чему военный гром!
Пароль... Шаги... Глухие стуки
И уж кому-то тешут гроб
Тех «вольных каменщиков» руки!..
Коль вождь дружину созовет,
Масоны сманят полководца;
Коль бард отчизну воспоет,
Масоны свалят песнетворца.
Все, все доступно их рукам!
Их черный суд сильней законов!
Всесветный их «Давидов храм»
Превыше государств и тронов!

Вот был негромкий разговор
В кружке барона Геккерена,
А он звучит - как приговор,
Как похоронная сирена!
И - глядь! - в Россию мчит без виз,

Но с чьим-то тайным приглашеньем
Француз, снискавший первый приз
В стрельбе по движимым мишеням!..

5

Неправда, будто Жорж Дантес
Был просто щеголь и повеса,
Что, зная светский «политес»,
Не знал другого интереса!
Загримированный актер
В изящной роли Дон-Жуана,
Он был похабник и бретер
С душою пошлого мужлана.
Танцуя иль спеша на бал,
Рядясь в цветастые тряпицы,
Он лишь искусно прикрывал
Свой лик наемного убийцы.
То франт, таящий нежный пыл,
То чей-то муж, то мужеложец,
Он просто раб наемный был,
Продавшийся масонским ложам.
Зато он принят при дворе!
На нем мундир кавалергардов.
И шефствует в его судьбе
Барон, посланник Нидерландов.
Чтоб путь наемнику открыть
Ко всем салонам и гостиным,
Барон изволил окрестить
Его своим приемным сыном.
Все поражались в те года
Таким густым щедротам рока.
Счастливая звезда? О, да!
Масонская «Звезда Востока»!
Он сам-то знал, что он деталь
Каких-то вдаль идущих планов,
Но поначалу эта даль
Еще терялась средь туманов.
Неважно, в чьих руках ключи.
Молчанье - вот закон масона!
Да, в нем нуждались палачи,
«Толпой стоящие у трона»!
И он уж пороху припас,
Завел ножи, кольчуги, шпаги.
Он ждал, когда настанет час,
Как ждут охотники на тяге!

6

Был многолюдный, шумный бал
В дворце австрийского вельможи.
Дантес, позируя, стоял
В кругу чинов масонской ложи.
Вдруг по толпе пронесся гул,
Вспорхнули дамы и гусары:
На миг все взоры притянул
Магнит одной входящей пары.
Сам Геккерен впился в лорнет,
Следя за яркою четою:
То был прославленный поэт
С своей красавицей женою.
Казалось: здесь в лучах, в огне,
Предстало вдруг в одно мгновенье
Все лучшее, что есть в стране:
И красота, и вдохновенье!
Как этот синий взор его
Избытком жизни изливался!
Как он, не пряча торжество,
В ее улыбке отражался!
Казалось: то влюбленный бог
Спустился с неба к милой даме,
И если б захотел, то смог
Всю землю закидать дарами!
Затиснутый меж белых стен,
Худой, плешивый, узколобый,
Из-за колонны Геккерен
Смотрел на гения со злобой.
Смотрел, как кольчатый удав
Сквозь ветви смотрит на поляну
Иль как завистливый Фарлаф,
Кривясь, смотрел в глаза Руслану.
Вдруг он отвел Дантеса в тень,
Шепнул, как вор, что жертву судит:
-Мон шер ами, вот вам - мишень
Надеюсь, промаха не будет!..

Никто подумать не посмел,
Что значат взгляды те косые.
А вскоре выстрел прогремел,
Потрясший горем грудь России.

Глава 10

Революция

АТОМОХОД «ЛЕНИН»

Гулкие волны пенил
Мурманский дымный порт.
Атомоход «Ленин»
Принял меня па борт.

«Ленин» стоял у пирса,
Дав команду спешить:
Снова он торопился
Лбы торосов крушить.

А я, счастливый, разглядывал
В творенье нашей мечты,
Собранные по атому
Ленинские черты.

Вот он. Гляди, пожалуйста:
Рядом стоит стеной -
Напористый и лобастый,
Атомный и стальной!

С ним нам в уютных гаванях
Тросы не швартовать,
С ним нам в далеких плаваньях
Полюсы штурмовать.

Под флагами Революции
Он вновь нас вести готов -
Не в пыльные резолюции -
А в лютое царство льдов!

Что ж! Мы - давно не мальчики.
Надо нам смело жить,
В небо врезаться мачтами,
Килем старье крушить.

Сердце вскипает жаждою.
Руки работы ждут.
Надо, чтоб был у каждого
К подвигу свой маршрут.

Все мы - из поколения,
Рожденного Октябрем.
Верьте, товарищ Ленин,
Мы вас не подведем!

1964
Мурманск

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я рос в семье, где «Варшавянку» пели,
Где никогда не горбились в беде,
Где рядом с гордой выцветшей шинелью
Буденовка висела на гвозде...
Когда к нам в дом сходились вечерами
Друзья отца в ремнях и в орденах,
Я жадно слушал, затаив дыханье,
О конницах и бронепоездах...
Но стоило лишь тетушке из Курска
Съязвить, задев их общий идеал,
Что, дескать, коммунистам чужды чувства, -
Ее у нас я больше не видал...

Когда отец мой стал седоголовым,
А я подрос - и мог его понять, -
Немногословно, строго и сурово
Он мне решил про юность рассказать.
И я тогда увидел близко-близко
Ту станцию, и дом его родной,
И девушку, соседку, гимназистку,
Почти как в песне с русою косой...

Отец мой знал: он ей совсем не пара.
Нелепо было б встретить их вдвоем:
Его в мазутной блузе кочегара
И в шелковом передничке ее.
Не для него мать штопала и шила,
Копила деньги, не спала всю ночь,
Не для него в гимназии учила
В губернском городе
свою гордячку дочь.
У девочки «прекрасные манеры»,
И, верно, не какой-то «вертопрах» -
Дворяне, молодые офицеры
Танцуют с ней мазурку на балах...
Один из них сказал отцу когда-то
(Отец был взят в путейский батальон).
- Не лезь в вагон,
собакам и солдатам
Вход в первый класс - строжайше запрещен!..

Но в мире переменчива погода!
И вот в поселок, где он жил и рос,
Весною восемнадцатого года
Примчал отца горячий паровоз.
Он прямо с фронта. Он окопом пахнет.
Он многое там понял на войне.
С малиновою ленточкой папаха
И маузер тяжелый на ремне.
Вернись теперь назад тот офицерик,
Отец ему за все бы отплатил!
Да, видно, дальний иностранный берег
Бродягу-эмигранта приютил.

Отец из школ вышвыривал иконы,
В атаках кровью истекал не раз,
На митингах провозглашал законы,
Не замечая чьих-то нежных глаз...

Бой человека делает упрямым,
Решительным, красивым, может быть,
В тот грозный год, я понимаю, мама,
Ты не могла отца не полюбить.
Я понимаю, почему так свято
Всегда-всегда у нас в кругу семьи
Хранят оружье, отмечают даты
И вспоминают старые бои!
Видать, не только пролитою кровью,
Не только бунтом против мира зла,
Но счастьем жизни,
первою любовью
Для многих революция была.

1954

СКРИПКА ТУХАЧЕВСКОГО

Враг отступал поспешно и постыдно.
Страдала спесь, потрепанных господ.
Какой конфуз: бунтующее быдло,
Дикарский сброд - о, боже! - верх берет!..

А где-то улыбался Тухачевский:
- «Дикарский сброд»?
Мерси! Не ожидал! -
И, в горнице задернув занавески,
Щекой к послушной скрипке припадал.

И над избой, каленой от мороза,
Над штаб-квартирой сабельных полков
Бравурные стаккато Берлиоза
Из-под смычка рвались до облаков.

Свинцовый цокот, посвисты ночные
Перебивал чарующий мотив
И чутко замирали часовые
И слушали, дыханье затаив.

1978

Памяти моего отца, солдата революции,
члена КПСС с 1918 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Как хорошо, что где-то вдалеке,
Почти как в сердце, недоступный взглядам,
Есть у меня в районном городке
Радушный дом с дощатым палисадом!
Там родственникам просто нет конца,
Дядьев и теток - целая лавина:
Полгородка - с фамилией отца
И с маминой - другая половина.
Там всюду дремлют древние поверья,
Из каждой двери прошлое глядит,
И ветер «родословные» деревья
Над старой крышей робко шевелит.

2

Бывало, я мальчишкой все сомненья
Тащил сюда - на скорый суд отца.

Вот почему нередко и теперь я
Стучусь здесь - у родимого крыльца.
Я моего отца уже не встречу...
Но снова, как в былом, накоротке
Со мною говорят знакомой речью
Сады и скверы в нашем городке...
Отец, бывало, голосом шутливым
Твердил: - Разнообразен человек:
Кто пьет вино - бывает час счастливым,
Кто сад разводит - счастлив целый век.
Но сам-то он не от вина был счастлив,
Да и садов не много посадил:
Великой революции участник,
Он в ней одной лишь радость находил.
Когда печаль мне в душу постучится,
Когда проснется робость иль ленца,
Я тут же еду стойкости учиться
В край, где кипела молодость отца.

3

Вот вновь локомотивы запевают.
Колеса бьют на стыках колею.
Мне, непутевому, они напоминают
Путейскую династию мою.
Здесь ясно мне, что я - из машинистов,
Обваренных в железе и огне,
Я - из потомков первых коммунистов,
Вершивших революцию в стране.
На сложность многих нынешних вопросов
Я вправе здесь - хотя б на полчаса! -
Взглянуть из будки красных паровозов,
С которых путь в Коммуну начался.

4

Вот гаснет день. Средь золотых тычинок
Стихают пчелы. Клонит мир ко сну.
Шальной закат купцом перед кончиной
Расшвыривает щедрую казну.
Тут снова в честь гостей столпотворенье -
Мне здешний свычай издавна знаком! -
Кипит в тазу вишневое варенье
И пахнет медом, детством и дымком...
И снова доброхотные соседи
Приходят в дом, сдвигают в ряд столы
И начинают в дружеской беседе
Завязывать мудреные узлы...
Вот старики заводят меж собою:
- Мое почтенье!
- Будь здоров, годок!
- Постой, а нешто мы годки с тобою?
Пожалуй, я постарее чуток.
- Чай, вместе нас в германскую забрили?
- Ан нет, меня пораньше замели...
И вот пошло -
о том, как жили-были,
Как в битвах исходили полземли...

5

Поэт когда-то мудро говорил
Про яростные сдвиги вековые:
«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые».

С того-то я бываю окрылен,
Что довелось застать мне в этом доме
Тех, кто прошел по кратеру времен
На главном историческом изломе.
На стенах нет мемориальных досок,
Нет их имен в торжественных томах,
Но сущность государственных вопросов
Решалась здесь, в их низеньких домах.
Они мне так сказали, ветераны:
- Чтоб суть эпохи взвесить до конца,
Ты напиши поэму про Ивана
Федотыча,
про своего отца.

Путь человека с малого начался:
Был кочегаром, уголь шуровал,
А после, вишь ты, с Лениным встречался,
В самом Кремле на съезде побывал.

...И я пишу. Не чтобы погордиться,
А чтоб по строчкам рода моего,
По небольшой, по рядовой странице
Прочесть судьбу народа своего...

6

Я поведу мой сказ издалека,
Начну запев на старую погудку:
Про деда моего, про мужика,
Пришедшего горбатить на чугунку.
Бог ведает, как он в те дни дорос
До машиниста. Хваткий был, наверно.
Я знаю, что он каждый паровоз
Мог по гудку угадывать мгновенно.

Был форменный картуз на голове:
Два молоточка, пуговки с насечкой.
А свой кричащий дискантом «ОВ»
Он по-крестьянски называл «овечкой».
Трудился, засучивши рукава,
Лишь об одном умельстве беспокоясь,
Особенно - когда обрел права
Водить курьерский
пассажирский поезд.

О, сколько же за век он перевез,
На шатуны наматывая версты,
Господских радостей, сиротских слез,
Дивизий - на маньчжурские погосты!
Порой под крик: «А ну, тесней держись!»
Гуртом грузили в поезд заключенных,
И лица арестантов (всюду жизнь!)
Глядели из окон зарешечённых.
Порою царь или великий князь
В салон-вагоне ехал «на леченье».
И всех мой дед Федот, перекрестясь,
Спокойно вез до места назначенья.

7

Была молва про деда моего:
Такой с ним в жизни случай приключился -
Влюбилась шибко девушка в него,
А он, поди ж ты, на другой женился.
Как дале повествует дивный сказ,
Соперница к окну подкралась ночью
И, бросив колдовской недобрый сглаз,
На супостатку напустила порчу.
И юная жена занемогла,
Завяла от чужого вероломства.
Вся, как былинка, сникла и слегла.
И нет в семье ни ладу, ни потомства.
Тогда мой дед оставил паровоз,
Телегу с сеном вывел из сарая,
Запряг коня - и хворую повез
В святую пустынь - к старцу Николаю.
В лесах, в полях дорога пролегла...
Марфуша красоте земли дивилась -
На солнышке болезнь превозмогла,
И щедростью природы исцелилась.
Тут все пошло законным чередом:
Жена и муж горою друг за дружку.
А вскоре годы подарили в дом
Двух милых деток - Нюшку да Ванюшку.
Мой дед поверил в «чудо», может быть.
С того он небу предан был без края.
И в местный храм ходил поклоны бить,
Постов и всенощных не пропуская.

8

Отец мой вырос в набожной семье,
Где по Евангелью учили строго:
На этой Богом созданной земле
Все бытие и сущее - от Бога.
С младенчества вторгались в детский взгляд,
В пытливые глазенки голубые
Колдующие огоньки лампад
И таинства священной литургии.
И наблюдали с золотых икон
Илья пророк да Николай угодник,
Чтоб свыше установленный закон
Не смел нарушить дерзкий греховодник!

9

А тот закон был злобен и жесток,
Он приносил обиды да мученья:
Иван хотел учиться и не смог -
Недоставало денег для ученья.
Закон одним богатства даровал,
Чтоб шиковать, на рысаках гусарить,
Других к горячим топкам приковал,
Чтоб до седьмого пота кочегарить.

А будь ты хоть из королей король -
Былинный витязь, силою богатый,
Ты испытай: в жару и стынь легко ль
В шуровку уголь пошвырять лопатой?
А ну-ка тендер выскреби в пургу,
Когда железо к пальцам примерзает, -
Такую участь лютому врагу
Благой христианин не пожелает.

10

А как Ивана мучало всегда,
Что прямо, откровенно, без рисовки
Шарахались при встрече господа
Прочь от его промасленной спецовки!
Я помню: мне рассказывал отец,
Каких обид хлебнул весенней ночкой,
Когда он вдруг, наивный, захотел
Пройтись рядком с начальниковой дочкой.

Ах, как начальник станции ругал
Худого парня! Как кипел от злости!
- Ну кто ты есть? Чумазый кочегар!
Копченый турок, самой черной кости!
Раскаркался весь станционный сквер,
Вокруг столпилась стая белоручек.
И пуще всех ярился офицер,
Весь белый-белый интендант-поручик.
Отец обиду вытерпел тогда.
Что тут сказать? И что тут можно сделать?
Мир, по закону, раз и навсегда
Был разделен - на черных и на белых.
У белых - благородные балы,
Блеск белых плеч, бутонов запах свежий.
Им - все блага, награды, похвалы,
Богатства белопенных побережий.
Все белые - избранники судеб,
Весь белый хлеб всегда им доставался.
А черным оставался черный хлеб,
Да слава богу, если оставался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Дохнул войной четырнадцатый год.
Фронт взял парней с незрелыми сердцами,
Провел сквозь строй печалей и невзгод
И сделал многих красными бойцами.
О, сколько повидал Иван крестов,
Могил-траншей, окопов обгорелых,
Взлетающих фонтаном поездов,
«Бунтовщиков», молчащих на расстрелах!
Здесь он навек, отважно, напрямки
Впитал всем сердцем, прочно и сурово
Ту правду, что несли большевики,
Их огневое ленинское слово.

2

Не слушаясь приказов и угроз,
В осенний день семнадцатого года
Он развернул свой потный паровоз
И дал машине бешеного хода.

Со всех фронтов спешили по домам.
Окопники весь тендер облепили.
- Пущай Керенский повоюет сам!
А нам довольно! Хватит! Оттрубили!
Он с ходу въехал в гулкое «ура»,
В свое депо, в объятия с друзьями.
И без него расцветшая сестра
Ему на шею кинулась с цветами.

А мать с отцом ослепли вдруг от слез:
- Сынок! Родной! Вернулся! Долгожданный!
Как будто он откуда-то привез
Сплошного счастья полные карманы.
А счастье было вовсе и не в нем,
А в том, что так размашисто и смело
С тем паровозом, с тем стальным конем,
В наш город Революция влетела!

3

Коли поближе приглядеться к снимкам -
Я внешне очень схож с моим отцом.
И мнится мне, что сам я невидимкой
Был среди тех отчаянных бойцов.

Мне кажется, что я тащил скамейку,
Крепил в депо плакат под потолком,
Когда там создавали партячейку.
И утверждали боевой ревком.

Я был везде, где контру разгоняли,
Где патрули шагали по ночам,
И для меня тогда патрон в нагане
Как песня революции звучал!
Мы нынче сделались тех славных дней певцами.
Но Ленин прав был в мудрости своей,
Что революцию творить руками
Впрямь интересней, чем писать о ней.
Там всё вершили заново, сначала:
В делах, в сердцах (а не в стихах поэм).
И каждый раз на митингах звучало:
«Кто был ничем, тот станет всем!»

4

Отец мой начал путь свой кочегаром,
Ему судьба учиться не дала -
Ревком его назначил комиссаром,
Ответственным за школьные дела.
И он, коль надо, колесил по селам,
Вникал в заботы школьной мелюзги,
Внушал, чтоб тверже шли за комсомолом
И чтоб попы не путали мозги.
Он выдворял из школы дух соборный -
Иконы, символ веры отжитой.
(А дед Федот их подбирал упорно
И бережно тащил к себе домой...)

5

А уж кругом
по луговинам диким
Летели лавы в громе и огне -
Всерьез грозился генерал Деникин
Вкатить в Москву на белом скакуне.
Круша красноармейское упорство,
Раскалывая части пополам,
Атакой в лоб давил шкуровский корпус,
А Мамонтов ударил по тылам!
Той ночью отступили наши части.
Вот дал гудок последний эшелон.
И - как наместник мамонтовской власти -
Ворвался в город пьяный эскадрон.
Разбиты лавки, склады, учрежденья.
К ним чьи-то тени тянутся тайком
И посыпают шаткие ступени,
Как изморозью, сахарным песком.
А кто-то жестом злобным и нечистым,
Не прямо, а стараясь намекнуть,
К отцову дому, к дому коммуниста,
Карателям подсказывает путь.
Уже в проулке цокают подковы,
А в доме тишь, пахучий блеск лампад.

Отец сквозь сон бормочет:
Мама, что вы?
Вставай, сынок! Слышь, галки-то галдят!..

По бабкиному скорбному рассказу
Мне видится та грозная пора:
Когда уж всадник спрыгнул на террасу,
Отец умчался с заднего двора.
Он спасся на случайном паровозе.
А бабушка, его седая мать,
Под дулами, на вражеском допросе,
Сумела стать бесстрашной - промолчать.
Она жила по божьему закону -
В смиренье, в нищете и тишине.
Слепые, бесполезные иконы
Заплатами пестрели на стене.

Всегда к ней бог глухим был и незрячим,
Но в этот раз помог ей, может быть,
Поскольку офицер белоказачий
Сробел ее пред богом застрелить...

6

Тот вражий клин был клином выбит с боем!
И скоро в город, сквозь кольцо застав,
Прорвался с громом красный бронепоезд,
Таща трофейный вражеский состав.

Он весь был в шрамах, в лозунгах победных.
Он вез Свободу, вез Советский флаг,
Вез на лафетах
самых беззаветных
Бойцов, сложивших голову в боях.
И там, уже считавшийся погибшим,
Глядел с бронеплощадки мой отец,
Вдыхая бурю голосов охрипших,
Гул медных труб и дружный стук сердец.
Напористый, веселый, ясноглазый,
С отвагою, добытой на войне,
Вкось пулеметной лентою обвязан,
Он был сродни натянутой струне.
Мы отмели права происхожденья,
Но я уверен: это кровь отца
С горячею Зарей Освобожденья
Мою судьбу связала до конца.
И после сам я в гордый День Победы

Вот так же быстро спрыгнул на перрон,
И сотни глаз, наполненные светом,
Смотрели на меня со всех сторон.
С кем это было - с ним или со мною?
Теплушки, сборы, споры без конца...
Одна судьба вела от боя к бою
Двух коммунистов - сына и отца.

7

Я был с ним рядом и в пути и дома,
И в час обиды, горечи и зла,

Когда услышал он, что тетка Домна
С разбитых складов мед приволокла.
Отец, увидев тот «паек» бесплатный,
Аж побелел. За маузер рукой:
Сейчас же, слышишь, отнеси обратно!
Та в слезы: - Глянь, сознательный какой!
Сознательный. Тащи назад. И точка.
Пошла ворча: - Никто ить не видал.
Ну что ж, - снесу. (Однако квас из бочки
Потом всю зиму медом отдавал.)

Я рядом был, когда конторщик Сашка,
Уже с утра наполовину пьян,
Красуясь новой алою фуражкой,
Лез обнимать отца: - Привет, Иван!
Какая, брат, история настала!
Все стало наше! Всюду наша власть!
Не зря мы свергли гидру капитала,
Теперь и сами попируем всласть!
На, друг, держи! Гуляй себе, голуба!
Он вынул пачку скомканных бумаг.
Машинкою отшлепанные грубо,
Они гласили: «трешка», «сотня», «рубыль»,
И - подпись Сашкина во весь размах.

Отец как грохнет: - Ишь нашлись герои!
Мы все фальшивки эти запретим.
- Как запретишь? Постой! За что боролись?
- В ревкоме обо всем поговорим.
- Выходит, рай для прочих поколений?

А мы за что же гибли? Ну? За что?!
Отец спросил: - Слыхал, как ходит Ленин?
- А как?
- В простом поношенном пальто.

8

Мне этот спор яснее с каждым годом.
Ну что там мед иль деньги? Просто смех!
Но для того, кто жизнь связал с народом,
Все справедливо делится на всех.
В те дни на нашей станции стояли
Вагоны с пышным царским барахлом.
Их строго часовые охраняли,
Слепя глаза отточенным штыком.
Закон был крут. Мне хорошо знакомы,
Кто в эти годы судьбами вершил:
Бойцы ревтрибуналов и ревкомов,
Прямые люди рыцарской души.
Что им давали книжки партбилетов?
Лишь право на участие в борьбе.
Подвижники, мечтатели, аскеты,
Они не смели думать о себе!
Но есть такие, что ловчат доныне,
Все только для себя, не для страны.
И в их потомках точно, как в картине,
Подобные черты повторены.
А я хочу, чтоб ширили сиянье
Святой борьбой зажженные огни.
Затем и ворошу воспоминанья
Моей рабочей, праведной родни...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

По вечерам из парка над обрывом,
Где стынут ветлы, к заводи клонясь,
Порой опять струится в переливах
Старинный вальс, старинный грустный вальс.
Он будит в сердце давние рассказы,
Похожие на сон и на мечту,
Про милые русалочьи проказы,
Про вихри танцев в городском саду.

И я пытаюсь отыскать приметы
Мелькнувшей здесь восторженной весны,
Той, без которой мне б не быть поэтом,
Не петь, не плакать и не видеть сны.
Как вечер вальса в парке опустелом,
Как голубая вешняя вода,
Здесь юность матери когда-то отзвенела,
Ушла и не оставила следа...

2

Нет, есть следы...
Вот вновь все по порядку:
И дом, и сад, и тополь у крыльца.
Пусть никакого лишнего достатка
Нет у семьи, живущей без отца, -
Здесь дни текут бесхитростно и просто:
Мать шьет, а брат горбатит на станке,
Чтоб как-нибудь могли учиться сестры
В гимназии, в губернском городке.

Знать, оттого, что девушкою мама
Ходила в класс в чиненых башмаках,
Она держалась гордо так и прямо
Средь барышень в куницах и шелках.

Как часто здесь справляют именины:
Ведь семь сестер.
(Опять я слышу вальс.)
Мария, Серафима, Антонина...
Какие судьбы ожидают вас?
Уже про вас рассказывают сказки,
Что будто бы не раз, курчавя пыль,
К вам приезжал в пружинистой коляске
Сосед помещик танцевать кадриль.
Он вез букеты Симе, Вале, Тоне
И думал, он для них неотразим.
А тут вдруг о столыпинском законе
Разгневанно заговорили с ним.
У этой Тони взгляд прямой и гордый,
Как герцогиня, смотрит свысока.
Помещику пришлось убраться к черту,
Уныло погоняя рысака.

3

А вскоре трубы судные взыграли.
Весь мир в огне. Везде жестокий бой.
Сосед их был расстрелян на вокзале
Солдатами, спешившими домой.
А девушки... Они не то что Анка:
Им не под силу пулеметный шквал -
Когда неслась по улицам тачанка,
Они пугливо прятались в подвал.

Но образ русских женщин из подполья
В их юном сердце вовсе не ослаб,
И вот они - учительницы в школе,
Их здесь зовут забавным словом «шкраб».
Уроки. Песни. Митинги у клуба.
Бригады синеблузников и ТРАМ.
И спор на тему «Можно ль красить губы?»
В учительской кипит по вечерам.
И льются вальсы в парке,
где скамейки
С далекой, незапамятной весны
Признаниями про «любовь навеки»,
Как девичий альбом, испещрены.

4

Наверно, был хороший летний вечер,
В притихшем небе плавала луна,
Когда в саду случилась эта встреча,
Которая так остро мне нужна.
Не для сюжета, выдумки бумажной,
Где новый ход нашел иль не нашел, -
Для счастья жизни
Мне так страшно важно,
Чтоб все в той встрече было хорошо!
Ах, знали б все влюбленные на свете,
Когда друг другу дарят первый взгляд,
С каким вниманьем будущие дети
За ними из грядущего следят!
Смотри, отец, не допусти ошибки:
Ведь ты же знаешь, как она горда!
Неловким словом, лишнею улыбкой
Ты можешь все испортить навсегда.

Ты комиссар. Но не кичись спесиво,
Не гневайся, что вновь вокруг нее
Таким букетом (ведь она красива!)
Теснится недобитое старье.
Телеграфист, бухгалтер в ресторане,
«Белоподкладочник» спец-инженер -
Уж все они уверены заране,
Что для нее ты беден, груб и сер.
С тобой они почтительные ныне,
Юлят, косясь на маузер, а все ж
Нет-нет ввернут словечко по-латыни,
Которого ты сроду не поймешь.

5

А маме втайне вспомнилось, наверно,
Как пели все про мировой пожар,
Как отделять от новой школы церковь
Явился в классы первый комиссар.
Он говорил умело, убежденно,
Что бога нет, что церковь - для царя.
Он сам с простенков поснимал иконы
И выбросил «дары» из алтаря.
Но что особо вспомнилось теперь ей:
Вдруг прямо в двери потянул угар,
И запылал, рождая суеверье,
Уже не символический пожар.
Ей он таким открылся: строгий, юный,
Как сабля, бьет по воздуху ладонь,
И вмиг стрелой срывается с трибуны -
И раньше всех бросается в огонь!
(Признаюсь, мне об этом же мечталось:
Вбежать, спасти кого-то из огня,
И чтоб любовь мне здесь же повстречалась,
И чтоб таким запомнила меня!..)

При чем же тут бухгалтер в ресторане
Иль инженер, слагавший мадригал,
Который в дни грозовых испытаний
Весь лоск обычный сразу потерял!
О них забыла Тоня,
Став вдруг кроткой,
Смутилась, взгляд стараясь отвести:

- Вы, комиссар, катаетесь на лодке?
Хотите поучить меня грести?

6

Прости, отец... мое ли это дело?..
Но вот сейчас я представляю вновь,
Как по-хозяйски, ласково и смело
В твою судьбу вошла тогда любовь.
Ты думал, что встречать ее не надо,
Ты, как боец, противился в душе.
Но между тем, как полк перед парадом,
Все чувства к ней готовились уже.

Что было дальше? Встречи. Вечеринки.
Вдвоем в кино, на диспут, на доклад,
В рабочий клуб, где пели по старинке:
«Сияла ночь. Луной был полон сад...»
Потом день свадьбы:
с милой суетнёю,
С посудным звоном, в песнях и в дыму.
И долгий спор с невестиной роднёю,
Что, мол, венчаться в церкви ни к чему.
Все обошлось без золотой иконы.
Но собрались хорошие друзья,
Живущие по новому закону,
Где тоже «без черемухи» нельзя.

7

Я в жизнь вошел в семье, где были чужды
Религия, расчеты и корысть,
Где не могли без службы и без дружбы,
А без «добра» умели обойтись.
Здесь не имели погребов просторных
И бочки медом не были полны,
Зато везде, как семечки, патроны -
Следы вчера законченной войны.

А в ящиках хранились постоянно
(Я ими в детстве хвастаться любил)
Два черных брата - маузер с наганом,
С которыми отец мой в бой ходил.

И помню, мы переживали тяжко
(Он про себя, а я чуть не до слез),
Когда взамен оружия бумажку
Он молча из милиции принес.
К нам очень часто приходили в гости
Друзья отца - напористый народ,
О чьей железной воле и упорстве
Еще доныне Родина поет.
Они решали главные вопросы:
Чугун и хлеб, искусство и любовь.
Они, как боги, воскрешали вновь
Изъеденные ржою паровозы.
Весь век - авралы, хлебозаготовки,
Заводы, новостройки, города.
Потом опять - окопы да винтовки,
И снова годы мирного труда.
Большая жизнь... И я еще мальчишкой
С отцом изъездил тысячи дорог.
Поломанную нашу мебелишку
Отец, бывало, починить не мог.
Иные семьи с места ввек не стронешь,
А наш был «табор» сроду в путь готов:
Ростов - Тамбов, Поворино - Воронеж,
Москва - Филоново, опять Ростов...
И мама, как подруга коммуниста,
Делила все с ним, веря и любя.
Так в мире любят преданно и чисто
Лишь тех, кто забывает про себя.
Так любят лишь романтиков отпетых,
Готовых кровь свою не пощадить.
А если в жизни не любить за это,
Тогда кого же и за что любить?!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Мне по душе та широта натуры,
С какой отцы от сельских букварей
Тянулись ввысь, к сокровищам культуры,
Отвергнув все сокровища царей.
Им были чужды те, кто жил иначе,
Те, кто поднесь богатства берегут:

Счета в сберкассах, дорогие дачи,
Дома на черноморском берегу.
Как этим людям жить, наверно, трудно:
Им хочется блеснуть и пофорсить,
Но тех, кому все это недоступно,
Им страшно даже в гости пригласить.

Отцы ж во всем считались с коллективом
И в каждом деле знали наперед,
Что быть счастливым - значит, справедливым
И справедливо жить, как весь народ.

2

И неспроста всю станцию смутил
Тот до сих пор не позабытый случай,
Когда вдруг к ним с ревизией летучей
Один троцкистский лидер прикатил...
В дымок перрона вслед за телеграммой
Вплыл императорский салон-вагон,
А у окна, как за портретной рамой,
Не то Нерон, не то Наполеон...
Отец в составе группы ветеранов
Вошел в вагон, в котором ездил царь.
Кругом в тужурках личная охрана,
В дверях, с блокнотом, личный секретарь.
Среди зеркал актерскою походкой,
Фасонно поправляя кобуру,
В пенсне, с короткой жалящей бородкой
Приезжий гость шагает по ковру.

Ему твердят: - Рабочие б хотели
Послушать, по душам потолковать.
А он с усмешкой цедит: - Надоели!
Привыкли без конца митинговать!
Потом напыщенно, под стать актеру,
Пошел мутить мозги мастеровым:
Мол, все мы катим снежный ком на гору,
А коль не вкатим - рухнем вместе с ним.
Мол, в небе грозы огненные рвутся,
А нам не впрок уроки Октября.
И впредь без перманентной революции
Мы все погибнем попросту зазря!

Слова красивы. Только все - неправда!
От слов таких сомнение берет:
Так что же всех нас ожидает завтра?
А выдюжим? А выдержит народ?
Но как спросить того «наполеона»,
К чему такую речь нагородил?
Он с царскими пожитками вагоны
К составу прицепил - да укатил...
Видать, наследника верховной власти
Уже он нежил в собственном лице:
В дни всенародных бедствий и несчастий
Он жил, как барин, в княжеском дворце.
Он «контролировал» пайки да визы,
У контры «реквизировал» добро,
И все обшаривал «Мюр-Мерелизы»,
Гребя к себе меха да серебро.
Он всем пройдохам мог служить примером,
Как в гордый век возвышенных идей
Тихонько сделаться миллионером
Средь бескорыстья трудовых людей!
И хоть потом всю жизнь, за океаном,
Он наш народ облаивал, как пес,
А все ж немало в толстых чемоданах
Народного имущества увез!

3

Надолго после этой смутной встречи
Легла забота на плечи отцов -
Опровергать панические речи
Таких же бойких местных крикунов.
В дни нэпа забурлили полной чашей
«Торговые дома» и «промысла».
И снова ювелирный мастер Яша
Стал затевать неясные дела.
Он раздобрел, румяный, чернобровый.
Учил людей: - Пора вам богатеть!
Завел на шубе воротник бобровый,
Стал в кабачках с нэпачками сидеть...
Подчас невыносимо было видеть,
Как снова сволочь лезет в высоту.
Казалось, что нельзя больней обидеть
Народной Революции мечту.

И просыпался ропот маловеров.
И вы, партийцы, в битвы шли опять,
Чтобы, уже без пуль, без револьверов,
За Партию сердцами воевать!
Вы говорили: - Враг не стал опасным,
Покуда вера в Партию жива!
Лишь только б сердце оставалось красным!
Лишь только б крепла красная Москва!

4

...Отец принес счастливое известье,
Казавшееся сказкой наяву,
Что будет делегатом на партсъезде,
И в первый раз отправился в Москву...
О, если б мне такое же событье!
Моя мечта ведь так же горяча:
Хоть на минутку б Ленина увидеть,
Одним глазком взглянуть на Ильича!
- Скажи, отец,
(Ведь ты такой счастливый!)
Ты помнишь Ленина?
- Мне помнится одно:
Ильич был быстрый, но не суетливый,
Спокойнее, чем в нынешнем кино.
Чуть он вошел - прервал аплодисменты,
Прицелил взгляд куда-то далеко...
Он речь повел о трудностях момента,
Но всем вдруг стало просто и легко.
Он только правду говорил рабочим,
Он изгонял любую ложь и муть.
И люди видели не кто что хочет,
А то, что есть, -
Одну прямую суть.
Вот так бывает: человек проснется,
Вся даль еще туманная, во мгле,
И вдруг из туч потоком хлынет солнце -
И все подробно видно на земле...

Кто с Лениным встречался хоть однажды,
Тот в жизни не забудет ни на час:
Заносчивым, напыщенным и важным
Не может быть руководитель масс.

Ильич внушал - без позы и без лести -
Для коммунистов главное - народ.
Не каждый по отдельности,
а вместе
Способны мы подняться до высот.

5

Есть право благодарности сердечной
У всех, кто близок к ленинским рядам,
За то, что жизни тихой и беспечной
Ты, Партия, не обещала нам!
Но каждому, как вкладыш к партбилету,
Ты, Партия, вручила навсегда
Умение сражаться за победу
На страдном поле боя и труда.
И я хочу, чтобы страна узнала
Про чувства тех, о ком я речь веду.
Пускай они не вышли в генералы
И потому порой не на виду...
У Партии таких нас миллионы.
Но я опять продолжу про отца,
Чтобы могло предстать как на ладони
Простое сердце
одного бойца...

6

Тридцатый год...
Семья живет в разлуке.
У мамы цель - воспитывать ребят.
А наш отец - на подступах к науке,
Штурмует в институте диамат.
Я помню: подчиняясь телеграмме,
Мы едем с мамой в незнакомый мир,
Становимся на время москвичами
В стоглазом доме в тысячу квартир.
«Счастливчики! Устроились в столице!» -
Нам пишет из провинции родня.
А что с того? Отец спешил учиться -
Без сна, без отдыха, без выходного дня.

Но вот опять - не до щедрот культуры! -
У Партии десятки срочных дел:

Из Института Красной профессуры -
Мобилизация в политотдел.
Отец уже, как странник, по привычке
Заходит в дом, чтоб коротко сказать:
- Давай, хозяйка, собирай вещички!
Хоть, впрочем, что тут долго собирать?

Напрасно с жаром разъясняет Сашка,
Былой конторщик и отцов земляк:
- Пойми, Иван, диплом, брат, не бумажка!
Кто нынче без диплома - тот дурак!
Но вновь мы мерзнем на вагонных полках.
И долго-долго в памяти моей
Блестит Москва, нарядная, как елка,
С гирляндами вечерних фонарей.

7

Вокзалы. Переезды. Передряги.
Отец изъездил множество дорог
И как начальник отделенья тяги
Вернулся в свой родимый городок
И снова в горнице
С простой стеклянной горкой
Сошлись отцовы старые дружки,
Как паровозы, продымив махоркой
Седые, вековые потолки.
И тут же, между рюмками, начался
Серьезный и нелегкий разговор:
- Вот ты, Иван, теперь у нас начальство,
А мы все рядовые до сих пор.
- Что нам за радость, понимаешь, ныне?
За то ли мы ходили воевать,
Чтоб ты - тузом! - раскатывал в машине,
А мы спешили шапки скидавать?!
- Нет, брат, мы шли на контру в наступленье
Не с тем, чтобы кому-то повезло!
А чтобы трудовое населенье
Все разом подымалось и росло!
- Нам не по нраву - ни в Москве, ни дома, -
Что нынче всюду должности в умах,
Что хитрый блат сильнее Совнаркома
И многое лишь только на словах!

Отец серчал на критику не очень
И в сущности согласен был вполне:
Все лучшее должно быть для рабочих
В рабочей, самой правильной стране.
И лично он легко умел отбиться
От критиков придирчивых своих:
Какой я туз? И чем же мне кичиться?
И где мои богатства, кроме книг?!
Да ты не обижайся, сделай милость!
Но все же нос не слишком задирай!
Итак, давай хлебнем за справедливость!
Ведь ты же машинист - не забывай!

8

Я помню паровозный хрип натужный,
Пропахший дымом пыльный косогор,
Звонки, ночные вызовы со службы
И вечный спор, жестокий, нервный спор...
Отец с работы приходил усталый,
Обедал - и обратно в кабинет.
Одна забота: гнать и гнать составы,
И ничего важнее в жизни нет!
Железный путь для стольких грузов узок.
Все время пробки. График смят опять.
А наша станция была важнейший узел,
И надо этот «узел» развязать.
Тут машинист не спит вторые сутки.
Глаза как угли. Напрягает взор.
А вдруг он на ходу задремлет в будке
И не заметит красный светофор?!
Отец кричал в селектор: - Срочно надо
Создать места, где можно отдохнуть!
И спали паровозные бригады,
А он три ночи сам не мог уснуть.
Ведь вот начальство, а влетало строго!
Ругаться крепко тут заведено!
Сурова ты, железная дорога,
Тяжелое стальное полотно!
Один лишь промах, крохотный, случайный -
И сразу же гроза над головой!
И вот уже он вовсе не начальник,
А снова «бездипломный» рядовой!..

9

...Еще одно я не забуду сроду:
Какие злые это были дни!
Конец зимы тридцать седьмого года...
Глаза моей встревоженной родни.
Я удивлялся, приходя из школы:
Отец лежит и курит без конца.
Чего скрывать: уж очень невеселый
Тогда случился «отпуск» у отца.

Ни в чем отец мой не был слишком гордым:
Ни должностью, ни чином не форсил,
И если получал медаль иль орден,
Стеснялся, видно: сроду не носил.
Но весь свой век гордился он по праву,
Что в грозный час, когда враг рядом был,
Когда в разгаре был тот бой кровавый.
Рискуя жизнью, в Партию вступил.
Он не имел ни одного взысканья...
И вдруг, попав под вражеский навет,
Он должен был партийному собранью
На время сдать свой красный партбилет.

Все было, как при солнечном затменье:
Нашла волна внезапной темноты,
Навис над нашей кровлею семейной
Удар еще невиданной беды.

10

Еще такое помню и теперь я:
Как утром постучались два бойца,
Как домуправ с усмешкой встал у двери,
Поглядывая косо на отца.

А вечером пришла с работы мама.
Узнала все - сурово сжала рот
И тетушке промолвила упрямо:
- Не беспокойтесь. К ужину придет.
Я в жизни не забуду этот ужин,
Как он вошел, устало вытер лоб,
Сказал: - Искали у меня оружье.
Не сдай я в срок - так крепко подвело б.

Тут тетушка заметила в испуге:
- Не лез бы на партийные посты!
А он сказал: - Целую ее руки -
У Партии всегда они чисты...
В те годы Партия гнала троцкистов,
Предателей, толкавших нас назад.
А те чернили честных коммунистов
И клеветой топили всех подряд.
Не просто было отражать удары.
Но тут, с горячей верой до конца,
Рабочие, путейцы, кочегары
В беде стеною встали за отца.

11

...И вновь - война. Ночной солдатский поезд.
Отец шинель армейскую надел.
Вновь револьвер оттягивает пояс -
И вроде человек помолодел.
Я знаю, что отца упрямо мучил
Вопрос о том: надежно ль я расту?
Не стану ль я похож на белоручек?
Не скисну ли в беде? Не подведу?

Мы встретились на фронте в сорок третьем
Под Лисками, где прокатился бой.
Зря говорят, что, мол, отцы и дети
Задиристо враждуют меж собой.
Мы были общей армии солдаты.
Я шел за ним. Не спорил, а дружил.
Я был на фронте принят в кандидаты
Той Партии, которой он служил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

С букетом,
неторопкими шагами
Вхожу на кладбище, в жилище тишины.
Тут разве чувства выразишь цветами?
Они бойцам не очень-то нужны.
Кто в ратных спорах прошагал по миру,
Тот верен им до самого конца.

Как будто рапортуя командиру,
Стою перед могилою отца...
Как черен он, надгробный этот камень!
Я вижу в нем не мрамор, не гранит -
Тут полыхнул неукротимый пламень
И сжег дотла горючий антрацит.
Тут отпылали динамит и порох!
Тут в каждом обелиске запеклась
Одна из тех зарничек, от которых
Заря свободы в мире занялась.

2

Я вспоминаю, как отец, бывало,
Брал на колени шустрого мальца -
И в нем душа в восторге замирала
От удивительных речей отца.
Я видел бой на полотне чугунки:
И цепь врага, и пулеметный шквал,
И как отважный бронепоезд «Чуркин»
Кольцо ночной засады прорывал.
Давным-давно народ лихую песню
Про атамана Чуркина сложил,
А бронепоезд, Октября ровесник,
Геройством это имя заслужил.
На эту песню крепко напоролись
Деникинцы, спешившие к Москве, -
Неустрашим был красный бронепоезд
С певучим паровозом во главе.
Он встал заслоном против белой банды.
Он был один. Но смело шел на риск...
Спалили «Чуркина». И нет его команды...
Остался только черный обелиск...

3

Как много их, кто жизни не щадили,
Сгорали в топках и вмерзали в лед,
Чтобы в стране навеки победили
Свобода, Революция, Народ!
Не перечесть всех за победу павших!
Их подвиг врезан бронзой в серебро!
Отец до смерти помнил про Любашу,
Казненную бандитами Шкуро...

Ты стала первой коммунисткой, Люба!
Ты высоко держать умела речь!
Твои слова с трибуны в зале клуба
Способны были каждого зажечь.
Но под жестокой пыткою допроса
Твой рот молчал, безмолвен и суров.
Отец тогда из будки паровоза
Узнал тебя в густом кольце врагов.
Он чуть не задохнулся от бессилья,
Увидев, как на казнь тебя вели.

Белела грудь. И косы, словно крылья,
Свисали за плечами до земли.
На фоне белой извести вокзала
Простая девушка,
прекрасна и нага,
Как Дева Революция, стояла
Под огневыми дулами врага...

4

Сквозь кладбище
проходят предо мною
Картины поражений и побед.
Тут ясно мне, какой большой ценою
Заплачено за счастье наших лет!
И потому есть гимны и парады!
Но есть и ревность - спутница любви...
Не умолчу: чему глаза не рады
И что осело горечью в крови.

Ответьте мне, седые ветераны,
Чей путь прошел в победах и боях,
Не ноют ли порою ваши раны
При виде модных нынешних деляг?
Пока страны любимые сыны
Вели бои и мир преображали,
Пройдохи, карьеристы, твистуны
Из затаенных нор понабежали.
Откуда столько лиц понабралось,
Что темными доходами гордятся?
Откуда столько мосек развелось,
Что только старым барыням годятся?!

Откуда в нашей трудовой родне
Умельцы шиковать по ресторанам,
Кому одно мерещится во сне -
Чтоб стало все как там, за океаном?!
Как будто в продолженье прежней темы,
Отцовский голос шлет мне свой совет:
«Все это есть. Но это только тени.
А главное - не забывать про свет!
Победы не приходят без потерь.
Но пусть тоска тебя не донимает.
Что б ни случилось - в будущее верь!
Верь в Партию! Она все понимает!»

5

...Жаль, что отцу уже не увидать,
Как над былыми тихими домами
Наш город начинает вырастать,
Гордится молодыми этажами!
Не услыхать ему, как гнется сталь,
Как мчится поезд мимо перевоза,
Свистя стрелой, нацелившею вдаль
Точеный наконечник тепловоза.
А из депо
трудящаяся рать
С задорным шумом топает с работы,
Причем никто ни хныкать, ни брюзжать
Не проявляет никакой охоты.
Звенит горсад. Гремит оркестром клуб,
Когда-то перестроенный из храма.
Вслух Маяковского читают тут,
А не псалмы молитвенного хлама!

6

Неторопливо,
мимо дома деда,
Пуская сигаретные дымки,
Проходят, увлеченные беседой,
Друзья отца, седые старики.
В суровых шрамах, в бронзовых морщинах,
Идут бойцы. Усы белы, как плат.
А головы, как снежные вершины,
В литом закатном золоте горят.

А свет их глаз по-молодому ярок.
Их все волнует: жизнь планет и стран,
Им каждая ракета - как подарок,
И каждая газета - как роман.
Их жизнь была легендою и песней,
Огнем и сталью прогремел их путь.
А нынче вот до персональных пенсий
Негаданно случилось дотянуть.
Но что им пенсии? Им песни петь охота,
Им нужен жаркий ежедневный труд,
Поскольку без борьбы и без работы
Они, пожалуй, дня не проживут.
У них и нынче - как тогда, у юных, -
В душе горит одна большая цель,
И заревые отсветы Коммуны
У каждого пылают на лице...

...И я хочу
На стройках и в походах,
В огне упорных трудовых атак
Жить, как они, весь век служа Народу,
Отчизне, Партии, России.
Только так.

Глава 11

Великая Отечественная война и ее след

«MEMENTO MORI!»

«Memento mori!» -
«Помните о смерти!» -
Такой завет преданий и легенд.
«Memento mori!» - забывать не смейте:
Всех сторожит нас горестный момент.

А мы теперь и в радости и в боли
Забыли этот траурный мотив.
Наш век отверг тебя - «Memento mori»,
Презреньем к смерти сердце напоив.

Философы! Фронтовикам поверьте:
«Memento mori!» Где там! Черта с два!
Мы и в боях в лицо знакомой смерти
Швыряли песен гордые слова.

Да и сейчас мы тоже - как в походе:
Штурмуем, спорим и ведем бои.
Но рвется сердце. И друзья уходят.
Уходят современники мои...

Нам всем досталось слишком много горя,
Разлук, потерь, солдатского труда.
«Memento mori» О! «Memento mori!» -
В душе друзьям шепчу я иногда.

1954

АПРЕЛЬ

Барабанит капель. Осыпается
Надоевших снегов бахрома
И, как русые зимние зайцы,
Безнадежно линяют дома...

На земле - набухание почек,
Запах первых апрельских цветов
И - почти композиторский почерк
Опрометчивых звонких ручьев...

Хорошо, что тускнеют сугробы.
Хорошо, что окошки блестят.
Хорошо, что на землю не бомбы,
А большие сосульки летят!..

1960

ВРАГИ

Враги! Они прошли, как тени,
Как синь-туман ночных болот, -
А ведь грозились на колени
Поставить русский наш народ!

Ан нет! Народ наш стойкий витязь,
Согнуть хребет себе не дал.
Кто ж русских на коленях видел?
А их, врагов, я сам видал.

Когда из пекла Сталинграда
Везли обломки битых орд,
Тут было им не до парада,
Был вид у них - не первый сорт!

Уже не «рыцари», не «боги»,
Они плелись, как псы в репье,
Их обмороженные ноги
В убогом путались тряпье.

На каждом стылом полустанке
Они тащились по снежку,
Чтоб из пустой консервной банки
Хлебнуть глоточек кипятку.

Но были тяжки им ступени
Чужой завьюженной земли -
И опускались на колени
И так ползли, ползли, ползли...

И думал я: «Ну что? Добились?»
Над кем возвысились трубя?
Нас на колени сбить грозились?
Теперь пеняйте на себя!»

ДВА БРАТА

Туман над Чистыми прудами,
Над домом, где была разлука,
Где оба брата загадали:
В такой-то срок искать друг друга...
Когда же выпала солдатам
Заслуженная передышка,
Один из них не вспомнил дату -
Такой забывчивый мальчишка!

Уже испытано годами
Бездомное недосыпанье,
И вот - над Чистыми прудами -
Шатающееся изваяние...
Где кто-то произносит быстро
Слова о нежном и хорошем, -
Он появляется и листья
Взметает океанским клешем...
А грудь матроса - как икона -
Вся в блестках золотого сплава,
Вся в орденах! И по закону!

Ведь нелегко давалась слава!
Ведь прежде чем по черной форме
Огнем рассыпались медали,
Ее не раз бои и штормы
Горячими руками рвали...
В палатах - белые халаты,
Плакаты: как сберечь здоровье;
А в море черные бушлаты
Тяжелой набухали кровью!
Но если было очень больно
И жгла бессонная тоска,
Его всегда спасали волны,
Укачивая моряка...

А здесь нет средства от печали,
И что ты там ни говори -
Мигают тонкими лучами
Слезящиеся фонари.
Хотя в душе еще не верит,
Еще торопится моряк
На противоположный берег
Пруда, что страшно близок так!
Его наверняка задушит
Тоска о брате. И в беде
Он так беспомощен на суше.
Он весь приговорен к воде!
Хозяин буйства и кипенья,
И диких табунов воды
С испугом и недоуменьем
Глядит на Чистые пруды...

1945

КРАСАВИЦА

Как хорошо всем нравиться,
Чтоб были влюблены!
В дни мира слыть красавицей -
Не то, что в дни воины!

Не довелось бедняжке ей
Быть там, где пушки бьют:
Какие муки тяжкие
Ей на плечи падут!

Ей нету хуже горести,
Коль фронт прорвут враги,
И загремят по горнице
Чужие сапоги...

Измучена обидами,
«Проклятой» красотой,
Начнет она завидовать
Горбатой да седой,

Обрежет косу русую,
Сама решит тайком
Навеки смыть красу свою
Горячим кипятком!..

И станет вся болезненной,
Неискренней в словах,
Похожей на поэзию -
В бесчувственных руках...

МОСКВА

Кому не сладко пережить сначала
Тот самый знаменитый миг,
Когда у Белорусского вокзала
Стоял отвоевавший фронтовик!

Его давно и долго ожидали, -
Ведь у него особые права:
Возможно, перед боем на привале
Солдату снилась спящая Москва.

Она была полоской на востоке.
О ней мечтал тоскующий солдат,
Солдат суровый, замкнутый и строгий,
Из тех, что по ночам не спят.

И вышло так, как он мечтал и верил.
Он был из рода тех гостей,
Которым сразу отворяли двери
В домах освобожденных областей.

В помятой шапке, в рядовой шинели,
Он и в Москве рассчитывал на то,
Чтоб вслед ему почтительно глядели
Одетые в гражданское пальто.

Он по-хозяйски всматривался зорко,
Гордясь упрямою мечтой своей:
Москва была нарядная, как елка,
С цепочками вечерних фонарей.

Стоял дворец, считавшийся вокзалом,
И площадь так была озарена,
Что в свете ламп она казалась залом,
В котором получают ордена.

Солдата медленно несло движенье.
Он был в плену у городской волны,
Уже угадывая приближенье
Торжественной кремлевской тишины.

И в тот момент,
Когда глаза он поднял,
Он понял, что к подножью этих звезд,
Пройдя по странам, наконец, сегодня
Он пыль рейхстага на себе донес.

Я посмотрел. И я ему поверил:
Покрытый пылью с ног до головы,
Он видел много. Но, по меньшей мере,
Четыре года не видал Москвы.

Он торопился охватить глазами
Крутые арки каменных мостов,
Особняки с фронтонами и львами
И колоннады новых корпусов.

Он видел ночь в ее столичном виде,
Он видел гордых и прямых людей.
И очень многое, что мы не видим,
Он разглядел на плитах площадей.

Мне кажется, лишь он один заметил,
Что в небе, высоко над головой,
Не белый дым раскидывает ветер,
А это сны летают над Москвой.

Но сон не смел коснуться человека,
И вот упали первые лучи
На первый город будущего века,
Который он из многих отличил.

...Мне тоже надо начинать с вокзала,
Чтоб были у меня, пока я здесь живу,
Влюбленные глаза провинциала,
Впервые увидавшего Москву!

1945

НА МАРШЕ

Сто пятьдесят километров
Ноги нам грунт калечил.
Наземь швыряло ветром
Самых широкоплечих.

Гулко буравил глину,
Ливень густой и хлесткий.
Прочно вросли в трясину
Лошади и повозки.

В месиве мокрой глины
Скоро прошла пехота
Мимо штабной машины,
Вставшей у поворота.

В рытвинах путь неровный,
В яме машина тонет.
Но, говорят, полковник
Первым идет в колонне!

Слух подхватило ветром
И разнесло по ротам.
Сто пятьдесят километров
Строем прошла пехота.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Попал под пули взвод
У жаркой переправы,
И раненный в живот,
Упал солдат на травы.

- Воды! Глоток воды! -
Над ним сестра склонилась.
А солнце с высоты
Осколком вниз катилось.

Знал молодой боец:
Другой зари не будет,
Рассветных туч багрец
Его уж не разбудит!

А он цветов не рвал
И не был в дальних странах,
Вовек не целовал
Девичьих губ румяных!..

-Сестрица! Не бинтуй!
Пришел конец мне, видно!
Ты лучше поцелуй,
Чтоб не было обидно!

- Сейчас, солдат! Сейчас!
Терпи! - она шептала
И в жизни первый раз
Мальчишку целовала.

Тот первый поцелуй
Высоких слов достоин,
Ведь - что тут ни толкуй -
Он целой жизни стоил!

ПОДВИГ ЖЕНЩИНЫ

Была война. И нашей тетке Марье,
Живущей в тихом Липецком селе,
Из госпиталя под Саратовом
От раненного в грудь супруга
Пришло болезное письмо.

В ту пору немец пер напропалую.
Пал Белгород. Пылал огнем Воронеж.
Готовился к атакам Армавир.

Тут тетка Марья,
Рассудив толково.
Троих детей взвалила на телегу,
Впрягла в оглобли рыжую корову
И потихоньку двинулась в Саратов,
Туда, где муж, отец ее детей, кормилец,
Скупой солдатской кровью истекал.

Горела сталь. И лопалась резина.
Машина застывали без бензина.
Корова шла. Везла троих ребят.
Народ глядел. Народ не зря дивился:
В дороге сам кормился и людей
Замысловатый этот «агрегат».

Неспешно продвигалась тетка Марья,
Спала в тени телеги третий месяц.
Варила суп, детей купала в речках,
Выменивала хлеб на молоко.

А сзади шли кровавые сраженья,
Там наши части сдерживали немцев:
Ведь тетке Марье ехать далеко!

ПОСЛЕДНИЙ ФРЕГАТ

Наверняка, в немецких сводках,
Где торопились победить,
О гибели подводной лодки
Уже успели сообщить...

За ней охотились со злобой,
Ее бомбили с высоты,
Разрывами глубинной бомбы
Ей покорежило винты.

Когда же самолеты, воя,
Ушли, теряясь в облаках,
Она всплыла над местом боя
И закачалась на волнах.

А волны в люк с размаху били,
И ветер брызгами бросал,
Пока над палубой крепили
Из белых простынь паруса.

При этом - от скрипящих тросов,
От шума легких парусов
Проснулись в облике матросов
Черты былых «морских волков».

И даже вспомнили, хмелея,
Слова, забытые досель:
- Поднять брам-стеньги и брам-реи!
- Установить грот-бом-брамсель!

По волнам и по мертвой зыби
Матросы гнали наугад
Живой, преодолевший гибель,
Со дна поднявшийся фрегат!..

Уж их не ждали на востоке...
Вдруг кто-то различил с трудом
Тот самый «парус одинокий
В тумане моря голубом...»

1948

ПОЭТ

Памяти Ю. М.

Вот снова ты - как в добром детстве,
Когда удержится едва
От кругосветных путешествий
Кружащаяся голова,
Когда на миг отвагу вселит
В давно изученных местах
На ярмарочной карусели
Легко объезженный «мустанг».
Когда, стихи в ладони скомкав,
Непривлекательный на вид,
Ты веришь, будто незнакомка
Влюбленно на тебя глядит;
А ночью валишься устало
И видишь с трепетом во сне
Как почтальон приносит Славу
В нераспечатанном письме...

Но все по-прежнему назавтра,
О славе некого спросить,
Назло идущим из театра
Осенний дождик моросит...
Хандра... Бессонница...
А там уж
Любимую крадет другой:
Она тайком выходит замуж...
И ты на все махнул рукой,
И только мать тихонько плачет
(Все-все известно матерям!):
Угрюмый призрак Неудачи
Подкрался к запертым дверям!..
Когда б суметь представить рано:
Какой нас ветер ожидал,
Ты б, вместо сказок и романов.
Военный справочник листал
И был бы прав, бунтуя с детства:
Употребляя в виде дров
Все многотомное наследство
«Потомственных профессоров»!

За этот обольстивший морок,
С чахоткой и тоской в груди,
Среди войны и книжных полок
Остался в городе один!
...Круша красивые легенды,
Война была всего трудней
Вот для таких интеллигентных,
Неприспособленных парней.
Уж всё не так! Уж, ставши «взрослой»,
Твоя сестра торгует квасом,
А ты все делаешь наброски,
Строчишь стихи, следишь за Марсом...
Следишь за Марсом!.. А над крышей
Морозный дых пугает город,
И твой сосед ночами рыщет,
Таская доски из заборов.
Голодное, скупое утро...
А ты переплетаешь книги,
Рукой откидывая кудри,
Свисающие, как вериги...

Я часто вспоминаю сцену,
Как я, обидою задетый,
Нес из редакции поэму
И отвергал твои советы,
И неожиданно заметил,
От споров отупевши за день:
Как рядом развевает ветер
Почти что пушкинские пряди,
Клубящиеся кудри бога,
Которому открыта где-то
Непроторенная дорога,
Счастливая стезя Поэта!..

Но это все -
как бы из книжки,
Ты это гонишь, как ошибку.
Я вижу голову мальчишки,
Остриженного под машинку.
Острит, что он стихов не пишет:
Что, мол, стихи вредят здоровью, -
Пускай хозяйничают мыши
В тетрадках с Первою Любовью!..

...Когда же с фронта поезда
Затормозят на перегонах,
К нему заходят иногда
Его ровесники в погонах.
И мимо не проедет дальше,
Того устава не нарушит
Ни подрывник, ни шифровальщик,
Ни первый командир «катюши».
Какой судьбой? С какою целью?
Не станут старые друзья
Хвалиться новою шинелью.
Которой подарить нельзя.
Все спорят по ночам, бледнея,
Настаивая на своем,
Что, мол, Россия - не Расея,
Не тот старинный «чернозем«!..
И - как на старшее начальство -
Влюбленно на него глядит
Во всей Земле свое хозяйство
Почувствовавший инвалид!..
Не я один в нем видел эту
В глазах горящую зарю!
Наверное, он был Поэтом.
Он был Поэтом, говорю.
Был!..
Я оттягиваю время,
Предупреждая наперед.
Что двадцать восемь строф в поэме
В моей,
где он еще живет!
И что, когда бегом с вокзала
Я ринулся -
я опоздал...
Я повторю все, что сказал он,
И все, чего не досказал.

Где мне найти такого друга?
В глазах опять сырая мгла.
Война мела, мела, как вьюга,
И вот дорожку замела...
А матери ее потеря,
Наверно, тяжела вдвойне:
Ведь умер он - в такое время! -
Не на войне.

1945

«ПРИЗРАК»

С. Я. П.

В грозных боях он себя не берег,
И был он смертельно ранен.
С фронта прислали газетный листок
С фотографией в черной раме.

Стала жена называться вдовой,
Дети стали сиротами.
Глядь - он, назло всем врагам, живой:
«Гроб еще не сработали!»

Дома с трудом пережить смогли
Страшную эту радость.
Когда он, как призрак из-под земли,
Пришел в бинтах и наградах!

Что же!.. Как прежде, «призрак» живет:
Вновь газеты читает,
Курит, работает, хлеб жует,
Случается, выпивает...

Я уж не раз убеждался в том,
Что слава - не из металла:
Если герой возвратился в дом,
Он «сошел» с пьедестала.

Тут «церемонии» ни к чему,
«Призрак» все переносит:
То его хвалят,
а то ему
Выговора выносят...

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Долго город трясла война.
Вышибала из окон рамы.
Долго мама была больна.
А потом он стал жить без мамы...

Брел по каменной мостовой
Одинокий озябший мальчик,
И не мог даже пнуть ногой
Подкатившийся звонкий мячик.

Уже в окнах огонь светил,
Ветер холодом веял с речки
А мальчонка сидел один
В темноте, на чужом крылечке.

Как во сне: отворилась дверь,
Чей-то голос, почти как мамин,
Очень тихо сказал: «Теперь
Ты всегда будешь вместе с нами».

Так и жил он - в чужой семье,
Никому не чужой по сути,
И на школьной сидел скамье,
И чертил листы в институте...

До конца неродная мать
Им, как сыном родным, гордилась.
Но пришел ей срок помирать,
Отжила свой век, оттрудилась.

Над ее могилой - гранит
Кем-то очень изваян тонко:
Три ступеньки... На них сидит
Одинокий худой мальчонка.

Мнится, будто ночь впереди,
Ветер холодом веет с речки.
А мальчонка сидит один
В темноте, на чужом крылечке...

РАЗДУМЬЕ

Что-то я с горечью подмечаю:
Стали со мною излишне дружны
Разные праздные краснобаи,
Бумагомараки и болтуны.

Вспомнилась юность: как бились с врагами.
Каждый шел к подвигу, лез на рожон!
И был я друзьями-фронтовиками,
Не модными франтами окружен.

Скольким сердца пулеметом прошило!
Скольких по свету развеяло прах!
Снегом забвения запорошило
Их обелиски в далеких полях.

Отбушевали ребята, отпели...
И в отвоеванной мирной тиши
Те, кто в тылах робко прятались в щели,
Вышли на важные рубежи.

Поле их «битвы» - паркет да застолье.
Как мне таких от души уважать?
Чокаться рюмками - дело простое.
Речи держать - не врагов отражать!

Нет интереса к пустым разговорам.
Слишком круты были годы борьбы.
Тянет в глубинку - к шоферам, к шахтерам,
К пахарям, к людям непраздной судьбы.

СОКРОВИЩА ДРЕВНЕГО ХРАМА

Сын взбирается на колени...
Но не яблок, не леденцов,
Снова юное поколение
Сказок требует от отцов...

А отец молчит озадаченно...
Вспоминает: война, страда:
Жизнь была далеко не сказочна.
Но чудна порой. Хоть куда!

...Шли бои в иностранном городе...
Враг укрылся в старинный храм.
А тот храм был в червонном золоте.
Весь с мозаикой по стенам.

Мы вломились в дверь с автоматами.
В дымке пороха и махры.
А кругом - душный запах ладана.
Алтари. Святые дары.

Как их там: стихари парчовые...
Образа в золотых лучах...
Митры, скатерти кумачовые -
В ярких яхонтах, в жемчугах...

На полу полыхают грудами
Ризы, сорванные с икон,
Сплошь - с алмазами, с изумрудами.
Всё - ничуть не волшебный сон.

Не боясь, видно, «кары божеской»,
Отступающие враги
Жадной шайкой разбойнической
В церкви грабили сундуки.

Верно, мнили себя уж крезами -
Из восточных былых легенд.
Только мы им пути отрезали,
Все отняли в одни момент.

К удивленью попов той местности,
Мы, трофеям ведя подсчет,
Все церковные драгоценности
Сдали в целости под отчет.

И, на знамя держа равнение,
(Сплошь - безбожники. На века!)
Мы с церковным благословением
Уходили из городка...

СОЛДАТЫ СЛУШАЮТ СТИХИ

Ряды притихли напряженно,
Глаза упрямы и строги.
Сначала чуть настороженно
Солдаты слушают стихи...

Поэзия, она - как сказка,
Она по виду далека
От стрельбищ, от сапог, от скаток.
От всех суровых служб полка.

Стихи - как оперная ария,
Как легких балерин полет!
А здесь - обветренная армия.
Тяжелый труд. Соленый пот.

Но есть в стихах такая сила,
Что, видно, всем везде нужна.
Не зря же Родина - Россия
Извечно с песнями дружна!

Стихи, как струны, прогудели,
Провеяли, как паруса, -
И вижу я: поголубели
Недавно хмурые глаза.

Солдатам вспомнились солдатки...
(Они дождутся той поры!)
Простые мокрые палатки
Похожи стали на шатры!

Все сгрудились... Повеселели.
Вопросов сыплется запас:
Каким при жизни был Есенин?
Что пишет Шолохов сейчас?

А вот встает солдат, влекомый
Желаньем строчки в строй связать,
И говорит: - Один знакомый
Просил стихи, мол, показать! -

Встает другой за тем солдатом...
Ребята, видно, не плохи.
Я вижу: все идет, как надо!
Солдаты слушают стихи!

СТИХИ О ВОИНСКОЙ СЛАВЕ

Э. А.

В сырой степи под Перекопом,
Где мы ломали рубежи,
Где были длинные окопы,
Рвы, загражденья, блиндажи, -
Там,
    на пустынных перекрестках,
Чтоб их запомнила страна,
На звездах, на фанерных досках
Мы написали имена.
А над обрывом ямы страшной,
На прорванный Турецкий вал,
Саперный взвод поставил башню
И в небо отсалютовал!

Когда к нему вернулись силы,
Смертельно раненный в бою,
Пришел солдат... и над могилой
Прочел фамилию свою.
Кружило воронье над башней,
И, молча стоя перед ней,
Он стал свидетелем вчерашней,
Последней из своих смертей!

...Когда же он дойдет до дому -
Дойдет наперекор всему! -
И будет навещать знакомых,
Воздвигших памятник ему,
То пусть никто из них
                по праву
Не перестанет замечать
Немеркнущей и вечной славы
На нем лежащую печать!

ДУМА О МИРЕ

Порою над крышею дома,
Еще не очнувшись от сна,
Услышишь ворчание грома
И думаешь: снова война!
Но вот слышно, капли стучатся...
Тут явно война ни при чем,
И быстро угрозу несчастья
Смывает весенним дождем.

Зачем же в мои сновиденья
Среди заревой тишины
Навязчивой дьявольской тенью
Вторгается призрак войны?
Давно заросли пепелища.
А дума все так же горька:
Уж нет ли где в старом кострище
Забытого уголька?
Я знаю, бывает, бывает:
Неспешно проходят года,
И память, глядишь, забывает,
Как выглядит злая беда.
И опыт былой уж не годен.
Я где-то на днях прочитал:
Мальчишка родительский орден
На кожаный мяч променял!
Боюсь, в этом горестном деле
Есть доля и нашей вины:
Наверно, мы плохо воспели
Героев великой войны?!
Я знаю, что требует время
Писать о труде, о страде,
Но снова я к воинской теме
Тянусь в стихотворной строке.
Не всем эта тема приятна.
Но мы тут молчать не вольны.
Не всем еще в мире понятно,
Как много беды от войны!
Поэтому необходимо,
Чтоб гром рокотал в вышине,
Поэтому в радостях мира
Нельзя забывать о войне.

НАЧАЛО

Война начинается сразу,
Врываясь внезапной бедой, -
Как если, гуляя по саду,
Наступишь на грабли ногой!
Тем утром, лучистым и свежим,
Сестра, помню, крикнула мне:
- Война началась! - Я опешил.
- Зачем?! Ты в своем ли уме?!
Ан вот уж на всех перекрестках
Бушует лавина речей,
И плавится в солнечных блестках
Сверкучая медь трубачей!
Бегут за пехотой ребята.
Над строем знамена плывут.
А около военкомата
Отчаянно бабы ревут.
О чем они истово плачут?
Иль мы не сильней, чем враги?
Зачем они крестики прячут
В бойцовские вещмешки?

Когда тебе только шестнадцать,
А близость врага не видна,
Совсем не пустяк разобраться,
Что это за гостья - война.
Война сопоставила рядом
И ратную стойкость и стон.
В ней сходство с победным парадом
И с трауром похорон.

ПЕРВЫЕ БЕДЫ

Я вижу себя в этих датах
В глухом тыловом городке,
Я вижу войну на плакатах -
С пунцовой гранатой в руке!
Я верю без тени сомненья
Всему, что у пыльных дорог
Внушая стране утешенье,
Вещает Информбюро.
Но трудно понять, почему же
Отходят флажки на восток?
Иль наше оружие хуже?
Иль хитростью враг превозмог?
Иль, значит, без толку, задаром,
Давно мы с азартом поем,
Что мы их «могучим ударом
На их же земле разобьем»?!

Все ближе глухие зарницы.
Все больше угрюмых калек.
Все тягостней от границы
Измученных беженцев бег.
А вскоре дождливым рассветом
Я вдруг увидал за окном:
Унылая цепь силуэтов
Плетется в тумане густом.
Не беженцы! Наши солдаты!
Какой у них горестный вид!
Как будто бы в чем виноваты,
Как будто бы совесть болит!
Понурые серые шапки.
Усталый, озябший обоз.
Обмотки. Телеги. Лошадки.
Ведерки висят меж колес.
Должно быть, из долгих сражений
Был в наш городок отведен
Хлебнувший вина поражений,
Потрепанный батальон.
Он вышел из битвы гигантской.
Но было неловко ему

Похожим на табор цыганский
К народу идти своему...
Безмолвно шагали солдаты
Сквозь мутную, мокрую пыль.
Одно дело - песни, плакаты,
Другое - суровая быль...

ВРАГИ

А поршень событий военных
Колеса раскручивал в срок.
Вот первую партию пленных
Доставили в наш городок.
Живые, прямые потомки
Псов-рыцарей
шумной гурьбой
На станции возле колонки
Хлестались холодной водой.
Сложивши на землю мундиры
С расцветкой болотной травы,
Они к себе зла не будили -
Как укрощенные львы.
Я помню большого детину,
Что, как Барбаросса, был рыж.
Он тер свою мощную спину
И смачно покрякивал лишь.
Он все проиграл. Но был весел.
Он жизнь свою мало ценил.
Фашистскую песню «Хорст Вессель»
Он дерзко сквозь зубы цедил.
И мимо всех русских, которых
Сюда их мытье привлекло,
Надменно смотрел этот ворог -
Как будто бы сквозь стекло.

Как ждал я подобного часа -
Поближе врага увидать.
Придумали же: «высшая раса»,
А жизни не могут понять!
Что знал обо мне этот дурень?
Я был для него просто прах.
А мне был доступен и Дюрер,
И Гёте, и Шиллер, и Бах!
Покуда он ржал, словно лошадь,
Я в памяти рылся своей:
Хотелось его огорошить
Высокой культурой моей.
Хотелось, чтоб с глаз его скрылась
Тупая фашистская муть,

Хотелось, чтоб в нем пробудилась
Рабоче-крестьянская суть.
Наверно, немного по-детски,
С задиристым огоньком,
Я им рубанул по-немецки:
- Зачем вы пришли в чужой дом?
В тот миг я был вроде полпреда,
Который две грозных страны
Прямой и разумной беседой
Пытался спасти от войны.

Ан, видно, я тут промахнулся.
Никто меня слушать не стал.
А рыжий детина ругнулся
И нагло захохотал.
Он вытерся. Сплюнул спокойно.
Потом повернулся спиной
И сам же себя непристойно
Пошлепал по заду рукой.
Такой бы наглец без уступки
Всю землю у нас отхватил!
Такой бы и дверь душегубки,
Смеясь, за спиной затворил!

Ну, что объяснишь этим шельмам?
Они только силу поймут.
Сказал я: - Эс лебе Эрнст Тельман! -
И выкрикнул: - Гитлер капут!
Солдаты оделись в мундиры,
Что схожи с болотной травой,
Тряхнули штыки конвоиры -
И тронулся сомкнутый строй.
И словно противное что-то
Мелькнуло и скрылось во мгле.
И гнилостный запах болота
Остался на мокрой земле.

ЭШЕЛОН

Как в праздник - под звуки оркестра
Прощается с нами перрон.
Наш путь начинается честно:
На фронт нас везет эшелон.
Мы едем - как некогда в лагерь,
Как ездили в Крым невзначай.
Еще не простыл в моей фляге
Заваренный мамою чай.
Еще не забыты те песни,
Что пели мы школьной порой,
Еще все печальные вести,
Как ветер, летят стороной...
Мне стать бы столичным студентом!
Мальчишка с пытливым лицом,
Я выглядел интеллигентом,
А вовсе не бравым бойцом.
Далекий от всякого спорта,
Напичканный тьмою цитат,
Я был для сурового фронта
Не первого сорта солдат.
Каким бы ни занят был делом,
В пути я гадал об одном:
Смогу ли я сделаться смелым?
Сумею ли жить под огнем?
На станции в нашу теплушку
Велит посадить военком
Учительницу-старушку
С красавицей дочкой вдвоем...
И мы, удальством щеголяя,
Сбираем им общий букет,
Точь-в-точь как с подножки трамвая,
Скача за цветами в кювет.
Старушка попутчица хочет
Чему-то парней обучить.
А девушка Леля хохочет.
А рельсы прядут свою нить...

Покуда нам просто приятен
Опасный, неведомый путь.

Валерка, мой школьный приятель,
Твердит, что не страшно ничуть.
Он шутит, веселый, как в школе.
И всем нам причина ясна:
Задумал жениться на Леле,
Чуть только утихнет война.

НАЛЕТ

А фронт подступает упрямо.
Вот с неба доносится рев,
И двухфюзеляжная «рама»
Выходит из облаков.
И кажется, будто над нами
Распахивается окно -
И враг озирает глазами
Все рельсовое полотно.
С тревогой следят командиры
За этим зловещим «окном»,
А бойкие парни-задиры
С улыбкой толкуют о нем.
Средь ночи
на крыше, на небе ль
Раздался вдруг скрежет и вой,
Как будто тяжелую мебель
Задвигали над головой.
Шрапнель от зениток во мраке
Посыпалась, как из ведра,
И, как обнаженные шпаги,
Скрестились прожектора.
И помнится: тонко-претонко
Прорезался звук в тишине,
Похожий на голос ребенка,
Расплакавшегося во сне.
Тот голос надрывно и дико
С визгливой поспешностью рос,
Как будто из детского крика
Рождался басистый колосс.
Хлестнул тенорок лейтенанта:
- Живей из вагонов! Ложись!
(Мне эта ночная команда
Запомнится на всю жизнь!)
Удар! И сквозь темень степную
Послышался жалобный стон!
Удар! И рванул врассыпную
Весь наш удалой эшелон!

Укрывшись в дорожном кювете,
Заросшем сырым чебрецом,

С железною «пляскою смерти»
Впервой я столкнулся лицом.
Я помню: с тоскою щенячьей
Слух чутко угадывал вдруг,
Как в небе рождался щемящий,
Легко нарастающий звук.
Хотелось умчаться, как птица,
В любую далекую даль,
Где голод, где холод ярится,
Но где не свистит эта сталь!

Красивым легендам не верьте:
Мол, мужество смерти сильней!
Важнее презрения к смерти
Презренье к слабинке своей.
Не выдать испуга! Не пикнуть!
До скрежета челюсти сжать!
Не думать, чтоб жить иль погибнуть,
Но чтобы себя уважать!
Тут надо, чтоб встал перед взором
Какой-то высокий пример:
Чапаев, Кутузов, Суворов,
Смельчак, одолевший барьер!
Я их призывал к себе властно.
И пусть я был согнут в дугу,
Я понял отчетливо, ясно:
Я призван. И я не сбегу!

Вот кончилась бомбардировка.
Гудок просигналил «отбой».
И мы по-телячьи неловко
У поезда сбились гурьбой.
Глядим мы с отчаяньем шалым,
Как души, попавшие в ад:
Раскиданы люди и шпалы,
И рельсы, как крючья, торчат.
Как факел, пылает теплушка.
И тут же, укрыта травой,
Попутчица наша - старушка
С оторванной головой.
Над матерью Леля бормочет,
Дав волю горючим слезам,

И словно бы голову хочет
Обратно приставить к плечам.
И смерти не верит нимало,
Бесчувственный труп теребя:
- Ну что с тобой, мамочка, мама?
Очнись, умоляю тебя!
Валерка лежит у дороги
И тянется к Леле - помочь.
Да, видно, поломаны ноги.
Жестокая, страшная ночь!

Надолго мне врезалось - шрамом, -
Больней, чем любая картечь,
Как дочь над убитою мамой
Шептала безумную речь!
Я помнил по книгам столетий:
Война - это схватка мужчин.
А бить по старухам, по детям!
Кто ж их лютовать научил?
Нет! Нас не сломило атакой.
А девушка
в скорби своей
Наполнила душу отвагой
И стала присягой моей.

НА СТАЛЬНЫХ МАГИСТРАЛЯХ

Признаюсь, у всех в эти годы
Была козырная мечта:
Попасть непременно в пилоты!
Тогда и война - не беда!
Я тоже надеялся асом
В крылатое племя попасть!
Но был я зачислен приказом
В железнодорожную часть.
Потомок земных машинистов,
Не смог я парить в вышине.
Громить мне досталось фашистов
На рельсовом полотне.
И долго при встрече с друзьями
Томила мне душу вина:
Я думал, что в битвах с врагами
Лишь летчикам удаль дана.
Однако мы тоже немало
Хлебнули железа в бою.
И всем нам геройства хватало
Выдюживать лямку свою.
Сирены. Налеты. Штурмовки.
Воронки на рваных путях...
Прицельные бомбардировки
Досель еще ноют в костях.
Гремели фугасные битвы,
Набаты воздушных тревог.
Как вымерших мамонтов бивни,
Топырились рельсы дорог.
К тому ж у врагов генералы
Придумали, вишь, агрегат,
Чтоб резать смоленые шпалы
И стрелки корежить подряд.
Что ж делать? Стучи молоточком
По шляпкам стальных костылей,
Давай собирай по кусочкам
Мозаику мертвых путей!

Мы шли под огнем, расчищали
Исконную землю свою,

На свой габарит расшивали
Немецкую колею.
Мы рельсам вправляли суставы,
Сцепляли спаленную нить,
Вели фронтовые составы,
Чтоб сталью страну заслонить!
И всюду, где тяжкой порою
Мы шли в огневую пургу,
Я видел немало героев,
Которых забыть не смогу...

МИШКА ЗЫКИН

Под первым же «звездным налетом»
Сыскать мне дружка довелось...
Он лихо носился наметом
Повсюду, где туго пришлось...
По должности техник-путеец,
Амбицией он не гремел,
Но в деле, как хваткий гвардеец,
Все видел, все знал и умел.
Когда загорались вагоны,
Пронзительным голосом он
Кричал: - Расцепляй эшелоны!
Гони их на перегон!
Кидаясь навстречу пожарам,
Он тут же подручных скликал
И, топая с ними по шпалам,
Руками теплушки толкал.

Кто в бункер спешил затереться,
Кто в землю вжимался, во прах,
А он был такой, будто в сердце
Хирург ему вырезал страх.
Он сеял отвагу. И это
Ко мне докатилось сквозь тьму,
Заставило встать из кювета,
Рвануться на помощь к нему.
И он не придрался к испугу:
С чего, дескать, морда в пыли?
А стиснул мне руку, как другу,
И коротко бросил: - Пошли!
И после, в пути нашем долгом
Я знал: уж вовек не бывать,
Чтоб кланяться вражьим осколкам,
Под пулями пыль целовать!

Ах, Мишка, мой друг незабвенный!
Я верил, что рядом с тобой
Прикрыт я от бед
неизменной
Твоею счастливой звездой!
Ты смелый был. В бурях не гнулся.

Во всем свою цель настигал.
А я за тобою тянулся,
Границы души раздвигал.

Таких было много! Мне жалко,
Что я до сих пор умолчал
Про вас, Иванов и Рыбалко,
Про вас, капитан Баяхчан!
Мальчишки, юнцы, лейтенанты,
Путейцы, седые деды -
Какие там были таланты,
Расцветшие в пору беды!
Глядишь, был застенчивый парень -
Орлом обернулся в бою:
Изранен, термитом ошпарен,
Он гонит дрезину свою!
Сквозь мины дорога летела,
А им хоть бы что! Ерунда!
Мол, риск - благородное дело!
Мол, смелость берет города!
Теперь уж, наверно, не страшно
Про них откровенно сказать:
Им многим, шальным, бесшабашным.
Нравилось воевать!
Нигде я уж после, не скрою,
Хоть много всего примечал,
Не видел подобных героев
И дружбы такой не встречал!

ДЕВЧОНКИ С БРОНЕПОЕЗДА

Мне есть что добавить к рассказу
О подвигах русских солдат...
Бои уже шли по Донбассу,
И пятился немец назад.
Мы отняли землю. Но воздух
Еще был у фрицев в руках -
Ватага ночных бомбовозов
Разбойничала в облаках.
Обуздывать вражеский происк
Примчался в кипенье паров
Напористый бронепоезд
С десятком зенитных стволов.
С утра ухмылялась усато
Вся наша путейская часть:
Зенитчицы были девчата.
Ну где ж им в фашиста попасть!
Ведь тут - бронепоезд! Ведь это -
Легенда и миф на века!
Стихи из любого поэта,
Из тысячи песен строка!
А эти девчонки-вострушки,
С курносой беспечностью лиц,
Затеяли постирушки
Промежду прицельных бойниц.
Где ж тут говорить об отваге?
Тут - проза, простое жилье.
Повсюду, как белые флаги,
Светилось девчачье белье.

Чуть сумерки на небе чистом
Сгустились - над головой
С немецким аккуратизмом
Поплыл астматический вой.
Фугас оглушил перегоны,
И люстры висячих ракет
На рельсы и на эшелоны
Плеснули химический свет.
И тут же,
как будто по будням
Справляя хозяйство свое,

Девчонки прильнули к орудьям,
Как прежде стирали белье.
И залпы сверкнули над нами,
Как лампочки в праздничный день,
Трассирующими огнями
Нащупывая мишень.
И вдруг -
к нашей радости общей! -
Снарядом одной из девчат
Фашистский бомбардировщик
Был яблочком с дерева снят.
Но прежде чем плюхнуться пузом
В туман перегонов ночных,
Он рвущимся бомбовым грузом
Задел двух собратьев своих.
Вот номер! Единым снарядом
Три «юнкерса» сбиты во мгле!
Три черные облака рядом
Стремглав
потянулись
к земле!
Уж мы не язвили отныне.
Иным был и голос и стиль:
- Ну, девушки! Ну, героини!
Воткнули фашистам фитиль!
Назавтра они танцевали
На станции в тесной избе
И, кажется,
даже не знали,
Кто так отличился в стрельбе...

ПОЛИТРАБОТА

Как многие - что тут таиться! -
В те годы геройских атак
Я тоже мечтал отличиться,
Ан все выходило не так...
Причислен к политотделу
За «грамотное перо»,
Не раз принимал я умело
Сводки Информбюро.
Но я уж четвертые сутки
От нудных бомбежек не спал
И в тихой, уютной дежурке
В наушниках задремал.
Не внял я, как голосом радующим
Москва диктовала в тот час
Верховного Главнокомандующего
Какой-то победный приказ!

Наутро решительно, смело
Открыл я свой явный пробел
Начальнику политотдела,
Который все время болел.
Начальник мой сделался белым.
Потом стал пунцовым, как мак.
- Да как же? Да что ж ты наделал!
Да я ж тебя, мать твою так!
Стоял я безмолвный, печальный,
Готовый к жестокой судьбе.
- Поймите, товарищ начальник!
- Да я не товарищ тебе!
Какие чеканил он грозы,
Какие созвучья метал,
Пока не закончил угрозой
Отправить меня в трибунал!
Хлебнул бы я горя в охотку.
Нелегкая длань у войны!
Проходишь при ней обработку
И с этой, и с той стороны!
Шагаешь то в воду, то в пламень,
Хватаешь, то шрам, то синяк,
Серьезнейший держишь экзамен.
Все прочие после - пустяк!

В тот раз я не скис оробело,
Сумел устоять на краю.
Начальник политотдела
Простил мне оплошность мою.
А после, мне кажется, даже
Бывал у него я в чести,
Поскольку и мелом и сажей
Умел пропаганду вести.
В Донбассе вдоль всех полустанков,
Забывших про сон и покой,
Призывы «Громить оккупантов!»
Писались моею рукой.
Не ради эстетских капризов,
Искусством захваченный в плен,
Карабкался я по карнизам
Вокзальных разрушенных стен.
Точь-в-точь как учил Маяковский,
Вздымал я призыв и плакат,
Чтоб яростный гонор бойцовский
В дороге не гас у солдат.
Я видел, что бой был неистов,
Я ведал, что враг не дурак,
А все ж малевал я фашистов
Трусливою сворой собак.
Я всласть донимал их там басней,
Сатирою брал на рога!
На фронте нет дела опасней,
Чем переоценка врага.
И, не открывая Америк,
Я бойко писал о враге,
Что Гитлер, и Геббельс, и Геринг -
Все мечены буквою «Г».
Я горд был, когда на вокзале,
Затеяв в пути перекур,
Солдаты до слез хохотали
От этих карикатур.

МЕЛИТОПОЛЬ

Уже абрикосы и тополь
Роняли сухую листву,
Когда мы вошли в Мелитополь -
Как в солнечный сон наяву.
Весь пригород, как в панораме,
Сиял в обрамленье садов,
А город вздымался рядами
Старинных и стройных домов.
Объятья. Улыбки. Вопросы.
Беседы в радушных домах.
Сушеные абрикосы
Скрипели у всех на зубах.
Нас кликали в гости молодки -
И часто по кругу ходил
Кувшин абрикосовой водки
Под маркою «абрикотин»...

А тут позвала нас актриса,
Любимица местных кулис...
На ней было платье из плиса.
На мебели тот же был плис...
На стол подавались за чаем
Конфеты немецких сортов,
И в комнате тихо звучали
Пластинки немецких певцов.
Артистка смеялась: - Трофеи!
Но Мишка решил не шутить:
- Вот юмор: фашистские звери
Пластиночки любят крутить!
Хозяйка ввернула: - Хоть дурно
Перечить гостям, я скажу:
Они жили очень культурно,
Я умными их нахожу.
Как ладно все немцы одеты:
В мундирах, в плащах дождевых;
Какие у них сигареты!
Какие конфеты у них!
Связисту Румянцеву Роде
Понравилась «смелая» речь.
Как сахар при жаркой погоде,
Готов был сиропом истечь.

Но Мишка насупился хмуро.
Я тоже угрюмо притих.
- Вот вы говорите - культура!
А где же гуманность у них?!
Мы вышли. Нам было обидно.
Победа была так трудна,
А тут оказалось, как видно,
Иным не по сердцу она...

А фронт наш в преддверии Крыма
Застыл. Приближалась зима.
Нам сделалось необходимо
Искать потеплее дома.
Пока лютовала погода,
Мы силы копили во мгле.
Я прожил почти что полгода
У стрелочника в семье.
А Родька Румянцев по-свински
Полез в непотребную грязь:
Примазался к подлой артистке,
Острил, что «налаживал связь».
Он, как о большом достиженье,
Шептал, что условился с ней:
- Покамест мадам в положенье...
Но вскорости будет моей...

В ту пору у многих людишек
Была поговорка одна:
Чего, мол, теряться? Все спишет,
Все начисто спишет война!
Она ж ничего не списала!
Кто орден принес, а кто шрам.
А кто-то - ни много ни мало! -
Один только горестный срам.

...Порою припомнить занятно
Подробности прожитых лет.
Для местного драмтеатра
Я делал какой-то портрет.
Директор был тоже «мальчишка» -
Совсем молодой партизан,
По виду суровый с излишком:

Чуть что - он рукой за наган!
Что думал - все резал он прямо.
Я помню такой эпизод,
Как наша знакомая дама
Попала в крутой переплет...
Влетела к начальству артистка,
Крича про сердечную боль -
Отказывалась, скандалистка,
Играть незаглавную роль.
Вдруг он рубанул, как свинчаткой:
- Да что вы кривляетесь тут?
Вас кличут «немецкой овчаркой»,
Про вас вон частушку поют:
«Комм, Мария, шляфен -
Морген сахарин;
Вшистко едно война,
Фарен нах Берлин!»
Артистка, как в зрительном зале,
Пыталась продолжить игру,
Но юный директор в запале
Рывком расстегнул кобуру.
- Актриса! Вы разве актриса?
Вы попросту рыба тарань,
Беременная от фашиста.
Чужая, продажная дрянь!
Как ветер, «сердечница» эта
Взметнулась из-за стола,
Аж пуля из пистолета
Ее бы не догнала!
Ведь вот как: война пощадила
И внешность, и мебель, и дом,
А душу живую спалила
Своим искрометным огнем.

МАШИНИСТЫ

Ну что говорить про плохое?
Все это - лишь сумрачный фон.
Я лучше припомню героев,
В которых был сердцем влюблен...
Шумели, гудели бураны
Над юной моей головой,
Над станцией Партизаны,
Над линией передовой.
Сюда сквозь любые заносы,
Сквозь лютые холода
Везли битюги-паровозы
Тяжелые поезда.
Вели их сюда машинисты,
Орлы среди наших ребят,
Что сами не слишком речисты
И мало о ком говорят.

От стужи захватит дыханье,
Поземкой продует до слез.
Случалось, просил я: - Механик!
Пусти, брат, на паровоз!
Что ж делать? Пускали погреться,
Не глядя на строгий запрет,
Озябшего политотдельца
С помятою пачкой газет.
В безлюдье, ветрами продутом,
Где стужа да жалящий снег,
Казался мне чудом уюта
Стальной машинистский отсек.
Здесь жар не спадал и в морозы,
Здесь пахло душистым дымком,
И щедро в пути паровозы
Поили горячим чайком.

Не знаю, как выразить словом
Те чувства, что так далеки...
Вот раз с машинистом Бойцовым
Я вез боевые листки.
Взлетев из-за кустиков тощих,
В туманный, предутренний час

Блуждающий пикировщик
Устроил охоту на нас.
Под ливнем огня, под бомбежкой
Свидетелем подвига став,
Я видел, как вязью сторожкой
Механик спасал свой состав.
То он тормозил на разгоне,
То, вновь набирая пары,
Он мчал от разбойной погони,
Как камень, летящий с горы.
Вцепившись рукой в регулятор,
Прильнув, избоченясь, к окну,
Он сам был пилот, авиатор,
Парящий по полотну!
Он ловче был летчика даже,
Хоть мчал не по воздуху он,
Хоть груза в его «фюзеляже»
Побольше - на тысячу тонн.
Ведь летчик-то в сумраке мглистом
Кружил каруселью шальной,
А яростный путь машиниста
Всегда по прямой, по прямой!
Пехотные части с обозом,
Уральская сталь с огоньком
Тянулись за паровозом,
Как гуси за вожаком.
Не бойкого гонора ради
Механик хвалился в пути:
- Майоры, полковники - сзади,
А я, генерал, - впереди!
И впрямь - с генеральским уменьем
Он поезд от гибели спас:
Стервятник отстал в отдаленье,
Истратив свой боезапас...

С тех пор мне особенно близки
Дела машинистов лихих,
Их дерзкий запал машинистский
И гордая сдержанность их!
Все черные, будто бы негры,
От смазки и от углей,
На вид они были надменны,
С повадками королей!

Гордились лихой поговоркой:
«Проскочим! Нам все нипочем!»
Ходили боксерской походкой -
С продвинутым левым плечом.
Не зря машинистов,
Таили в себе их ладони
Запасы невиданных сил.
В гражданской нас вывезли кони,
Теперь паровоз вывозил!..

КРЫМ

Едва по угорьям проталым
Дохнуло теплом молодым,
Напористым третьим ударом
Открылась битва за Крым!
Над гребнем Турецкого вала,
Над камнем Ишуньских твердынь
Стена из огня и металла
Затмила небесную синь.
Дул ветер с кремнистых откосов,
Он нес сквозь туман и огонь
То нежную цветь абрикосов,
То едкую трупную вонь.
Но нам все ясней становилось,
Что солнце, залившее Крым,
Бесспорной победы добилось
Над пленом, над тленом ночным!

В пути от Чонгарского моста
Я жадно смотрел на людей,
Срывавших поспешно и просто
Приказы фашистских властей.
Толкуя о хлебе, о севе,
Крестьяне из разных концов
На крыши вагонов насели,
Как стаи шумливых скворцов.
И некая бабка сурово,
Браня комендантов в пути,
Орала, что вправе корова
Меж танками место найти!
Три года земля ожидала
Такой говорливой весны.
Теперь она вновь оживала,
Забыв про тяжелые сны...

...И ты расцветала, как вишня,
Девчонка, хлебнувшая бед,
Виктория, Веточка, Вита,
Соседка семнадцати лет...
Я видел, как тучи светлели,
Как в них утихала гроза,

Как все веселей голубели
Твои озорные глаза!

Однажды, в сиреневый вечер,
Завыла сирена, как зверь.
И кто-то поспешный, как ветер,
Влетел в темноте в мою дверь.
И голос Виктории страстно,
Порывисто, как на бегу,
Позвал меня: - Где вы? Мне страшно!
Я больше так жить не могу!
Ко мне себя жарко прижала
И молча застыла, дрожа.
Я даже слыхал, как дрожала
Звенящая струнка душа.
Но девичье сердце - загадка.
Что было в нем: страсть или страх?
Мне было и жутко и сладко
Сжимать ее руки в руках.
Я ей говорил: - Успокойся!
Я был с ней, как брат иль отец.
Я бойко твердил ей: - Не бойся.
Войне уже скоро конец!
Я гладил худые ладошки,
Как будто спасал их от бед.
Давно ли я сам при бомбежке
Нырял без оглядки в кювет?!
Нам в жизни бывает не страшно,
Когда помогаем другим.
С того-то я, видно, отважно
Держался под громом ночным.
Как птаха, согретая мною,
Девчонка смирила испуг
И с первым сигналом «отбоя»
Стремглав упорхнула из рук.

Под самый канун Первомая
Не спал я две ночи подряд,
Плакатным шитьем подновляя
Дырявый вокзальный фасад.
Усталый, измученный с виду,
Лучистым предпраздничным днем

Я встретил на улице Виту
С нарядной подружкой вдвоем.
Немного смутившись от встречи,
Она мне кивнула: - Привет!
В кино нынче праздничный вечер.
Хотите, возьмем вам билет?
Исконный ценитель искусства,
Я грустно сказал: - Не смогу.
Сегодня ночное дежурство.
- Сбегите!
- Ну как я сбегу?
- Как знаете! - Обе с улыбкой
Отвесили легкий поклон
И скрылись в листве за калиткой,
Где хрипло басил патефон.

ПЕРВОМАЙ

Казалось, ушло все плохое.
Счастливым стал солнечный край.
Но ввек не забудут в Джанкое
Трагический тот Первомай.
Пока украшались эстрады,
Пока накрывались столы,
Чужих бомбовозов армады,
Урча, наплывали из мглы.
Ну что мне бомбежки? Работа!
Уж сколько я их переждал!
Однако такого налета
Я даже во сне не видал!
Качалась земля, громыхала
Страшней, чем Помпея в свой час,
Каленой зарей полыхала
И сыпалась пеплом на нас.
От гула тряслись перегоны.
Весь узел светился, как днем.
Как брызги, взлетали вагоны,
Груженные грозным огнем!

Среди полыхающих рельсов
Я видел опять в эту ночь,
Как Мишка с отрядом путейцев
Теплушки расталкивал прочь.
Я видел, как, снятый с платформы,
Взорвался вдруг ящик гранат
И напрочь подсек непокорных,
Отчаянных наших ребят.
Я видел, как, насмерть стоявший,
Бессильно поник головой
Старик ветеран, не желавший
Оставить свой пост часовой.
Горела, дымилась дорога.
Вокзал полыхал, словно стог.
Бойцов умирал от ожога.
А Мишка от взрыва оглох.
Все это - солдаты! Я мог бы
Понять!
Но еще я видал:

Вонзилась фугасная бомба
В набитый людьми кинозал!
Нет! Это не бред среди ночи,
Не мрамор античных скульптур -
Те головы, руки и ноги,
И пальцы, где был маникюр...
Мы знаем, как выглядят люди,
А это все сгрудилось там,
Как склад неизвестных орудий,
Развинченных по частям.
Плитняк стал похожим на марлю,
На бинт у хирурга в руке,
И кровь киноварной эмалью
Застыла на плитняке...

Вдруг - словно о чем-то забытом -
Я вспомнил. И стало темно!
Ведь там же Виктория, Вита!
Она же спешила в кино!
Такое несчастье для мамы!
Так это нелепо - суметь
В разгаре концертной программы,
В предпраздничный день умереть!
И горе и плен испытала,
Видала и муки и кровь,
И, выжив, душой расцветала,
Готовилась встретить любовь,
Тянулась так жадно и звонко
К весеннему солнцу! Чтоб жить!
И нет ее! Сгасла девчонка!
И негде цветы положить!
И так это просто бывает,
Когда торжествует беда,
Которая всё убивает,
Которая жжет города!

Нет, я не певец пацифизма!
Коль горе заденет страну,
Я вновь буду стойким, Отчизна!
Но я ненавижу войну!

Глава 12

Другие

АСКЕТЫ

Кажись бы, утрата невелика,
Что в лексике наших лет
Из обиходного языка
Исчезло слово «аскет»!

Куда б этот термин употребить?
Иные слова в чести.
Довлеют глаголы: «достать», «добыть»,
«Добиться», «приобрести».

А все же к чему прибедняться нам?
Характер аскета жив:
Он так же, как прежде, суров и прям,
Не суетен и не лжив.

Нет волчьей алчности у него,
И сущность его мудра:
Не нужно лишнего ничего -
Ни почестей, ни добра.

И, как ни хитри, в вековечной мгле
Лишь тот оставляет след,
Кто слыл подвижником на земле,
Кто прожил жизнь как аскет.

БЕСКОРЫСТЬЕ

Нет, не тем соловьям-солистам,
О которых молва гремит, -
Самодеятельным артистам
Муза милость свою дарит!

Лишь на клубных простых подмостках
Инженеры или врачи
С непосредственностью подростков
Носят гамлетовские плащи.

По субботам, в конце работы,
Там у них - репетиций шум,
Им скучать не дают заботы:
Где добыть парик иль костюм?

И не нужно им громких лавров:
Каждый делом богат своим! -
И поэтому, как подарок,
Сладость славы приходит к ним.

1959

БОЙ

В столичном
Ювелирном магазине,
Где золото
Сверкает на витрине,

К исходу дня,
Спокойно и устало,
Кассирша в будке
Выручку считала.

И тут-то вдруг
(Все помнят по газетам)
Вошел грабитель
В маске, с пистолетом,

Высокий, сухощавый,
Словно жердь.
Сказал ей хрипло:
- Деньги или смерть!

Все было так,
Как в фильмах на экране:
Свинец и смелость
Встретились на грани.

Бродвейских фантомасов
Эпигон
Решил к Москве
Примерить свой закон!

Не трудно было б
Под угрозой смерти
Отдать рубли,
Лежащие в конверте,

И в том ее никто б
Не осудил,
И он бы пистолет
Не разрядил!..

Но здесь расчеты вора
Промахнулись!
На миг два мира
Намертво столкнулись.

Глаза в глаза!
Отвага и разбой
Вступили в бой,
В непримиримый бой!

Кассирша знала:
Бой они вели
Не только за
Народные рубли!

Тут ей не подобало
Быть слабее
Питомца подлых гангстеров
С Бродвея!

Она погибла,
Как солдат в войну,
За весь наш образ жизни!
За страну!

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Русичи, сородичи мои,
Говорю от боли, от любви!
Кто-то нам настойчиво и хитро
Навязал зловредный культ поллитра.
И уж так пошли мы водку пить,
Чтобы живота не пощадить.
И почто мы это зелье дуем,
В честь чего без продыха пируем?
Это же дракон, зеленый змей
Жрет нас, дураков, как пескарей!
Это же остатки дней своих
Делим на двоих да на троих.
Хватит, братцы, про камыш нам петь,
Время об Отчизне порадеть!
Время очень трезвыми глазами
Последить за нашими врагами -
Как, зачем, и кто из них
Спаивает наших часовых!

ВЕЧЕРНИЕ ТЕНИ

Ты сегодня скучаешь опять как вчера,
Значит, время потеряно даром
А за окнами синие вечера
Догорают осенним пожаром.

От лиловой луны, от цветных фонарей
По земле растекаются тени.
И похожи они на людей, на зверей,
На узорные стебли растений.

Можно долго бродить - любоваться на них,
Потому что как звуки и числа,
Как страницы старинных, потрепанных книг
Тени полны глубокого смысла!..

Нам бы ночи не спать,
Чтоб будить тишину,
Чтоб шуршала листва под ногами,
Чтоб две тени, сплетенные светом в одну,
Неотступно скользили за нами.

ВЫВОД

С годами
сердцем и рассудком
Я сторонюсь все горячей
Необязательных поступков,
Неубедительных речей.

Мне по душе теперь простые,
Прямые чувства и слова,
Дела земные, не пустые -
Как хлеб, как дружба, как трава.

Изведав жизнь, имею смелость
Сказать открыто, как никто:
Уж лучше ничего не делать,
Чем делать что-нибудь не то.

ГЛАЗА ЛЖИ

- Ты солгала мне!
- Ну, что за бред?! -
(А это видел сам!)
В глазах голубиный, невинный свет...
Ну как судить по глазам?

- Ты солгала мне?
- Нет! Никогда!
- Правду, правду скажи!

С тех нор мне запомнилось навсегда,
Какие глаза у лжи.

1960

ГРУСТЬ

Уж очень мы весь век страшимся
Крупицу счастья упустить
И там порою веселимся,
Где лучше было б погрустить.

Не надо убегать от грусти,
Она спасает нас как друг,
Когда в любом неясном чувстве
Прорежется неверный звук.

Грусть - это снятый груз обмана,
Грусть - это правда без прикрас,
Грусть - это облако тумана
В сутемный
предрассветный час.

1974

ЗАКОН

Пока пропахшие войной
Орудия не бьют,
Дипломаты пьют вино
Порой с врагами пьют.

С врагами можно говорить
И за столом сидеть
С врагами можно даже пить
Нельзя с врагами п е т ь!

Мы под одной Луной живем,
Но разный держим путь.
И песни разные поем,
И в этом наша суть!

Писал я много на веку,
Но все, народ, сожги!
Коль хоть одну мою строку
Вдруг запоют враги!

КАЖДОМУ

Солнце во мгле непогожего дня
Не греет,
Сердце, где нет ни любви, ни огня
Стареет.

Жди не того, когда звонкий запев
Похвалят,
Жди одного: когда громкий припев
Подхватят!

Кто никогда своей отчей земле
Не служит,
Тот ни другим, ни семье, ни себе
Не нужен!

Время
Того, кто не любит людей,
Забудет:
Камень швырнет, а кругов на воде
Не будет!..

1968

КОНЬ

Не могу смотреть, как на арене,
Пыль бичом стреляющим гоня,
Дрессировщик ставит на колени
Нервного и нежного коня.

Как он, бедный, пятится и скачет,
Подавляя собственный позор,
Как он от толпы стыдливо прячет
Свой блестящий оскорбленный взор...

Лишь однажды в цирке - впрямь как в песне -
Конь порвал тугие удила
И при всех фасонистый наездник
Вылетел как пуля из седла.

Ахнул цирк, а конь стрелою в двери,
Сквозь контроль, в шумиху площадей,
Где текла, глазам своим не веря,
Жизнь, отвыкшая от лошадей.

Золотой попоною покрытый,
Рассыпая ржанья звонкий альт,
Конь летел и жаркие копыта
Целовали городской асфальт.

Мимо красноглазых светофоров,
Карим взором не косясь на них,
Мимо перепуганных шоферов,
Мимо обомлевших постовых...

Конь летел, неся свободы трепет,
С гордою, как вымпел головой.
А сквозь камни проступали степи,
Пахнущие скифскою травой...

КУКЛА

Целый день в Москва-реке
Льнет народ:
Не ладьи-кораблики -
Лед плывет.

Ребятишки бегают
У перил,
Кто-то куклу с берега
Уронил.

Убегает гулкая
Стынь-вода,
Уплывает куколка,
Бот беда!

В желтом солнце плавится
Шелк волос,
Розовое платьице
Порвалось.

Смотрят очи синие
В небосвод,
Ножки апельсиновые
Вмерзли в лед,

Средь весенней просини -
Вдруг печаль.
«Поиграли? Просили?
Вам не жаль?»

Тает льдинка жухлая,
Жуть вода,
Уплывает куколка
в никуда.

1965

ЛАСКОВЫЕ СТРОЧКИ

Над рекой туманы вьются чайками,
Кони сонно бродят по лугам,
Волны кучерявыми овчарками
Ластятся к зеленым берегам.

Ветерок в пинг-понг играет с ивою,
Облака парчу в зените ткут,
Вдоль дороги струи шаловливые,
Словно струны нежные, поют.

Юркие, старательные ласточки
Пыль сметают с заревых небес

Люди, я прошу вас: будьте ласковей,
Это вовсе с миром не вразрез!..

1975

ЛЕГЕНДА

Разошлась по городу легенда,
Будто где-то здесь невдалеке,
Девушка с косой и с белой лентой
Утопиться вздумала в реке.

Мол, спозналась с горечью душевной,
А уж с ней не миновать беды!
Только будто вдруг старик-волшебник
Вынес ее чудом из воды

В жизни много нужно человеку,
Нужен хлеб, нужна и красота,
И пошел народ на эту реку -
Поглядеть на дивные места.

Одним словом, так или иначе,
Дело стало сказкой обрастать,
И примчал из области докладчик,
Чтобы этот миф разоблачать.

Он гремел. Срывал аплодисменты.
Выдумку цитатами разнес,
Осмеял нескладную легенду,
А другой легенды не привез.

Сам он, видно, не тонул ни разу,
Не спасал он жизни никому,
И, наверно, в детстве тихих сказок
Не шептала бабушка ему.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Стоит жара Подметки башмаков
В расплавленном асфальте утопают.
Стоит жара И тени облаков,
Как тающие льдинки, уплывают.

А над рекой - скамьи в сухом репье.
Скользят байдарки, воду полосуя.
Качается буксир как пресс-папье,
И чайки роспись чертят по лазури.

Чем тяжелей густой июльский зной,
Тем все охотней льнут к речной прохладе:
Кусты, купавы, купол голубой
Купаются в живой зеркальной глади.

И, не смущаясь светлой наготы,
Вблизи реки, рождающей доверье,
Купальщицы как белые цветы,
Колышутся сквозь сонные деревья.

1965

ЛУЧШЕЕ ЧУВСТВО

Во всем мальчишки любят состязаться.
А я во многом уступал друзьям.
Что я умел? Глазеть да удивляться
Деревьям, людям, песням и цветам.

Теперь я знаю: есть такое мненье,
Что этот дар - совсем не пустяки,
Что в мире рождены из удивленья
Мечты и сказки, песни и стихи.

Все чудеса, что от других таятся
Умеет видеть удивленный взгляд.
Кто глубоко умеет удивляться,
Тот неизменно счастлив и богат!

С годами тают светлые виденья
Черствеют утомленные сердца
А я хочу, чтоб чувство удивленья
Со мной навек осталось до конца.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Из шума пестрых голосов,
Из гула речи беспокойной
Вдруг возникает «Вальс цветов» -
Очаровательный и стройный.

И манит, манит зов смычков
На площадь девушек веселых,
И прут на круг из кабачков
Гуляки в праздничных камзолах.

И среди них, смеясь хитро,
Вступает в город Мефистофель,
На шляпе яркое перо,
И хищный, ястребиный профиль.

Звенит его удалый смех,
Его глаза горят отвагой,
И он танцует лучше всех,
И лучше всех владеет шпагой.

Но не завидуйте ему:
Все это - лишь обман искусства,
А блеск и удаль ни к чему,
Когда в душе ни капли чувства.

И что ему с того, что он
Всех лучших девушек тревожит?
Кто в сердце нежности лишен,
Тот быть счастливым уж не может.

НАД СЕРЕБРЯНКОЙ

Над речкой Серебрянкой
Висит веселый визг,
Над речкой Серебрянкой -
Фонтаны синих брызг.
А над водою, в парке,
Черемухи цветут,
И разбитные парни
Подсолнушки грызут...
Там есть ларек, эстрада,
Глазки дощатых касс;
И танцы «до упада«
Под популярный джаз
Но кроме пива с водкой
И танцев под оркестр -
Там любят в синих лодках
Катать своих невест.
Среди осок зеленых,
Точеных, как ножи,
Они скользят в затоны,
В ночные камыши.
Плывут за ними звезды
И чуть дрожат впотьмах,
И замедляют весла
Свой лебединый взмах.
К ним ветлы тянут лапы,
И светятся в реке
Кувшинки, точно лампы
На тоненьком шнурке.
А вдалеке, за лесом.
Средь восковых берез,
Как настоящий леший,
Кричит электровоз.
Там в бочажинах черных
Несчетны чудеса.
Там у простых девчонок -
Русалочьи глаза.

1965

НОВЫЙ СОРТ

Под ветвями, за столом тесовым
Заседает опытный совет:
Судьи сорт оценивают новый,
Сладость ягод, аромат и цвет.

Садовод янтарную черешню
Высыпает на газетный лист,
Тихо приговаривает: - Ешьте,
Этот сорт особенно душист.

С видом деловитым и ученым
Люди молча ягоды едят.
А над ними, точно струны, пчелы
Глухо и завистливо гудят

Поглядишь - и скажешь: не иначе,
Просто, мол, счастливая семья
Собралась позавтракать на даче,
Угощают: - Лакомьтесь, друзья

Нет, они не те, кто любит сласти.
Важный труд - черешню оценить!
Правда, этот труд похож на счастье.
Но ведь он таким и должен быть.

1952

* * *

Папы знают: дети любят сласти.
Потому для каждого так просто:
Взять и подарить коробку счастья
Человечку маленького роста.

Ну, а взрослым, им ведь тоже надо,
Чтобы кто-то (раз уж нету бога)
В жизни иногда дарил бы радость,
Пусть не часто, пусть не очень много!

Люди мучатся от боли и от страсти,
Так нужны им ласка и участье,
Человек не может жить без счастья,
Человек не должен жить без счастья.

Если ты сегодня не умножил
Хоть на каплю чью-то радость в мире,
Так считай, что день напрасно прожил,
Как ленивый гость в чужой квартире.

ПЕСНЯ (ВТОРАЯ)

Опять сады кудрявятся
Опять цветет весна,
А девица-красавица
Тоскует у огня.

Зачем с утра до вечера
Ручьи поют в пути?
Не в силах сердце девичье
Томиться взаперти.

Оно трепещет, бедное,
Гнетет его печаль.
Оно, как птица пленная,
Из клетки рвется в даль.

Открыть бы клетку тесную
Да молвить сердцу вслед:
«Лети в лазурь небесную,
Гляди на белый свет!

Живи судьбой свободною,
Дней счастья не считай!
Потом зимой холодною
Обратно прилетай!»

ПЕТУХИ
(шутка)

В Москве не слышно петухов
И лишь как память детства
Они живут у стариков
На белых полотенцах.

А было (дедов расспроси!):
Не диктор, не будильник,
А петухи во всей Руси
Работников будили.

Вот села русские
петух
Удерживает стойко
С утра захватывает дух
От птичьего восторга!
Большого тут искусства нет
Всего четыре ноты
Но это же трубит рассвет
Прорвавший сумрак ночи!

1969

ПОЖЕЛАНИЕ

Дай бог сберечь мне на земле
Тот восхищенный взгляд,
Каким мальчишки на селе
На радугу глядят.

Еще дай бог, чтоб дольше мог
У речки, у волны
Ловить не рыбку на крючок,
А радость тишины.

Чтоб ни корыстный интерес
Ни карьеристский рост
Не заслонили синь небес
И трепетанье звезд.

Все заповедные дары
От века не просты:
Без настоящей доброты
Не видеть красоты!

1980

ПРАВДА

Всем известно: пылкие порывы
Жгучей страсти, чувственной мечты
Мы узорим, точно ювелиры,
Тонким гарнитуром красоты.

Вяжут цепь венчальные колечки,
Блещет снегом пышная фата,
Греют сердце льстивые словечки:
«Жизнь моя! Навеки? Навсегда!..»

В рыцарском усердье постоянном
Род людской любви приносит в дар:
Звон стихов, разгулье ресторанов,
Ветер танцев, музыку гитар

Но уж как бы все мы были рады,
Коль еще бы помнить об одном:
Дай нам бог любовь украсить п р а в д о й,
Чистой п р а в д о й, искренней во всем!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Чуть лишь утро лучом изумруда
Мне в окошко ударит, звеня,
Ожиданье какого-то чуда
До краев наполняет меня.

Вот пропел над вершинами ветер,
Вот петух прокричал озорно.
Что-то важное будет за этим,
Где-то чудо случиться должно!

Все бывает: и боль, и остуда,
И тоска, и незваная грусть,
Но и в горе предчувствие чуда
Все равно бередит мою грудь.

Как не верить, что чудо случится?
Вот уже приближается весть!
Вот сейчас кто-то в дверь постучится...
Только б счастье суметь перенесть!

1972

ПРОСТАЯ ЛЮБОВЬ

Нам простой любви не хватает:
Мало ценим мы все простое.
Надо больше любить трамваи,
Те, в которых трясемся стоя.

Надо больше ценить бульвары,
Где ограды как дым, сквозные,
Надо крепче любить базары,
Где товары все - расписные!

Надо легче прощать обиды,
Доброты от людей не пряча,
Улыбаясь с приветным видом -
И своим, и чужим удачам

Нет, не нужно искать покоя:
Жажде подвига - всюду честь!
Но любите жизнь и такою,
Вот такою,
какая есть.

1960

РЫЦАРИ ИЗ РОМАНОВ

Рыцари из романов
С гонором боевым
Нежно и неустанно
Служили дамам своим.

Если же сердце дамы
Охладевало вмиг,
Рыцари из романов
Не упрекали их.

Рыцари из романов
Умели все понимать:
Дамы непостоянны
Что же их упрекать?

Чтобы в глазах у дамы
Вновь обрести почет,
Рыцари из романов
Шли в далекий поход.

Бились с ордою вражьей,
Гибли в боях лихих
С именем той,
что даже
Не вспоминала их!..

1961

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Над селом дымок курится.
Солнце светит. Скот мычит.
Рядом кладбище теснится.
Рядовой обычный вид.

Чинно парочки гуляют
У кладбищенских оград,
Пастухи коров гоняют,
Ребятишки гомонят.

Мертвые спят под крестами,
А живые «крест несут«
Никакого места драме
Отродясь не видят тут.

Словно здесь приемлют очи
Скорбный час холодной тьмы
Как мельканье дня и ночи,
Смену лета и зимы.

Словно здесь в родстве с землею,
Где дружны вода и твердь,
Грозной роковой чертою
Не разъяты жизнь и смерть!

Кто-то смерть навеки ляжет,
Кто-то встретит крик грачей, -
Надо всеми тучку вяжет
Солнце спицами лучей.

СЕРДЦЕ ДРУГА

Пытанный жестокими боями,
Смел ли я без друга обойтись?
А вот нынче верными друзьями,
Кажется, не смог обзавестись.

Правда, есть, конечно, сослуживцы,
Родичи, соседи тоже есть.
Компаньоны к рюмке приложиться,
Эти есть! Да велика ли честь?!

Сердце друга излучает радость,
С ним в беде и счастье веселей.
Друг везде как тень шагает рядом.
Нету у меня таких друзей.

Может это бред мой в час недуга?
Может просто нервы разошлись?
Если есть на свете сердце друга,
Я прошу: - Не прячься! Отзовись!

1974

СИЛА СЛОВА

Не ценит слова -
кто не был
В высоких крутых горах,
Где десять шагов до неба,
Где вечность сквозит в снегах...

В горах надо тихо ехать,
За каждым словом следить,
Чтоб в гулком ущелье эхо
Случайно не разбудить.

Бывает: лишь звук единый
Качнет снеговой карниз -
И вот уже гул лавины
Летит, нарастая, вниз!

И нет в мире сил, чтоб снова
Вернуться на прежний путь,
Чтоб то роковое слово
Поправкой перечеркнуть!

СТАРЫЙ МАРШАЛ

Встречается мне часто на прогулке
На скверике, где дети и мамаши,
Морщинистый по-стариковски хрупкий,
С мохнатым шарфом
отслуживший маршал.

Он с малышами возится от скуки,
Но офицеры, провожая дам,
При встрече с ним бледнеют вдруг
и руки
Вытягивают коротко по швам!

А он, не глядя ковыляет мимо,
Как будто он совсем уж и не он.
Лишь пахнет дымом маршальское имя,
И шум листвы над ним как шум знамен.

И каждый раз, когда по переулку
Он стариковской палочкой стучит,
Мне слышится раскат орудий гулких,
Рев авиации, победный звон копыт!

А многие проходят - и не видят,
И часто мне покоя не дает:
Вдруг кто случайно старика обидит,
Заденет, обругает иль толкнет?!

1955

СЧАСТЛИВАЯ

Седая, некрасивая,
Усталая на вид,
«Какая я счастливая!» -
Она мне говорит...

И вправду, так и светятся
Два солнца из-под век.
Дивлюсь. Не часто встретится
Счастливый человек!

- В чем счастье? - шепчет тихая. -
Вишь, робкой я слыла,
Трудилась век ткачихою,
Богатств не наткала.

А тут всех наших суженых
Война взяла к себе.
Вот и жила без мужа я,
Не радуясь судьбе.

Ну ладно. Что же делать-то?
Чем скрасить маету?
Взяла в детдоме деточку,
Чужую сироту.

Была девчонка хилая,
Как смерть господь прости!
А нонь - какая милая!
Аж глаз не отвести!

Ну, стало быть, мы с дочкою
Живем себе ладком
Как вдруг велят мне: срочно, мол,
Явиться в исполком!

И вон какую весточку
Нежданно слышу я:
Поздравь свою, мол, девочку -
Нашлась ее семья!

Всем свидеться не терпится,
Но ты - вторая мать -
Скажи: согласна встретиться
Согласна ль из принять?

О господи! Согласна ли?
Бог видит: и не прочь!
Ведь вон какой прекрасною
Я им взрастила дочь!

«Нет, мать с отцом схоронены
В год боевой страды.
Сестренку ищут с родины
Три брата, три сестры».

И тут они, молодчики,
Нагрянули в мой дом:
Учительницы, летчики,
Ветврач и агроном.

Все ласковые самые,
Добрее не сыскать:
Уж с первой встречи «мамою»
Меня все стали звать!

Теперь скучать мне некогда:
То, глядь, подарки шлют,
То сами в праздник съедутся,
То в гости призовут.

СЧАСТЬЕ

Писать о любви безответной
Привычно и просто в стихах.
А счастье, оно бессюжетно,
О нем не расскажешь в словах...

Оно - в синих тенях заката,
Что стелют в саду тополя,
И в ласковом запахе мяты,
Которым объята земля.

Оно - в этом шепоте сонном
Про то, что другим не понять:
Про губы, про сосны, про солнце,
Которому хочется спать.

Оно - в этих смятых ромашках,
В заломленной белой руке
И даже в забавной букашке,
Ползущей по вашей щеке...

1956

ТУРКМЕНСКИЙ БАЗАР

Цветных ковров ажур.
Стада папах лохматых.
Рубцы тигровых шкур
На солнечных халатах...

Как музыка ушам,
Как сладкий мед для чая,
Радушное «салам»
Меня везде встречает...

Я здесь брожу в пыли.
Не спрашивая цены:
Был прав Махтум-кули:
«Лишь слово драгоценно!»

Среди ковров и лент
Один товар мне дорог:
Старинный шелк легенд
Да жемчуг отговорок.

ШПАГА ЧЕСТИ

А все-таки было бы хорошо,
Чтоб в людях жила отвага,
Чтоб каждый по городу гордо шел
И сбоку сверкала шпага!

И пусть бы любой, если надо, мог
Вломившись в дверь без доклада,
С обидчиком честно скрестить клинок
И твердость мужского взгляда.

Как сладко за подленькое словцо,
За лживую опечатку
Врагу в перекошенное лицо
Надменно швырнуть перчатку!

Тогда б не бросали на ветер слов
Без должного основанья,
И стало б поменьше клеветников,
Болтающих на собраньях.

А совесть и гордость имели б вес.
И, сдержанный блеском шпаги,
Никто бы без очереди не лез,
Тыча свои бумаги.

ШУТ

Обычно при любом
Владетельном князьке
Жил мудрый шут: с горбом,
В дурацком колпаке...

На долю горбуна,
Умевшего острить.
Была там власть дана:
Всю правду говорить!

Кривляясь и смеясь,
Он вслух мог произнесть
Чего не смел и князь:
Назвать - где грязь,
Где лесть.

Но истиной в речах
Он вызывал лишь смех.
А прочие, ловча,
Все также лезли вверх.

И помнил каждый плут,
Что надо век хитрить
Что «может только шут
Всю правду говорить«!

Тут для меня суть в том:
Бывает до сих пор,
Считают шутовством
Правдивый разговор.

НАД ШАХМАТНОЙ ДОСКОЮ

Я в шахматы играл со Счастьем,
Рассчитывая каждый ход,
Я, как большой, искусный мастер,
Послушных пешек вел вперед.

Я горд был, что мои фигуры
Ряды противника теснят.
Но счастье становилось хмурым
И отворачивало взгляд.

И вдруг я совершил ошибку
Зевнул и проиграл коня -
И с ослепительной улыбкой
Взглянуло счастье на меня!

И понял я: плохой я мастер!
Здесь трудно все предугадать.
Чтоб выиграть улыбку Счастья,
Порою надо проиграть!

* * *

Я не умею быть счастливым,
Я легче трудности несу.
Так часто людям некрасивым
Костюм нарядный не к лицу.

Мне петь бы песни в день удачи,
А я все думаю, чудак
«Быть может, рядом кто-то плачет...
Мне весело, а им-то как?»

Как можно, чтоб меня машина
Несла на мягких тормозах,
А кто-нибудь смотрел мне в спину
С обидной завистью в глазах?!

И на пирах я счастлив не был;
Меня смущает там одно:
Еще есть в мире дом без хлеба,
А я пью хлебное вино!

Всегда, когда я рад бываю,
Мне трудно скрыть неловкий вид,
Как будто я сижу в трамвае,
А рядом женщина стоит...

1954

ПРЕДУПРЕЖДЕНЬЕ

1

Есть легенда: влюбленным разлука грозила.
И печальная девушка в лунную ночь
Тень любимого перстнем на стене очертила,
Чтобы память оставить, чтобы боль превозмочь.

Где ты, юность моя? Золотая влюбленность,
Наша шумная школа, учителя речь,
Годы пылких исканий, души окрыленность?
Мне хотя бы в стихах вашу тень уберечь...

Ах, какими порой мы бывали плохими,
Что за подлый смешок наши губы сводил,
Когда вечно простуженный старенький химик
В одеяло закутанный в класс приходил.

Мы пускали в полет озорные намеки,
Мы не знали, что главное - свет, а не тень,
Не ценили того, что на каждом уроке
Возникал он бессменно, как белый день.

И по черной доске наступала рядами
Кавалерия формул, за строем строй,
И взрывали «гремучую смесь» перед нами,
Его руки, спаленные кислотой.

Что-то гордое было в фигуре согбенной,
Что-то дерзкое пряталось в колких зрачках.
Он любил повторять: - Сколько тайн во вселенной!
Много больше, чем двоек у вас в дневниках!

А зима лютовала. Мороз все ярился.
Помню, староста класса оповестил:
- Не спасло одеяло! Алхимик свалился!
Может, кто-то сходил бы к нему - навестил?

Вот тогда-то впервые, мой старый учитель,
Я, чуть-чуть оробев, постучался с крыльца
В одинокую вашу чудную обитель,
В вашу келью премудрого мудреца.

Тут меня обступили тетради, бумаги,
Тигли, колбы, реторты, кривой телескоп;
И старинные книги, как строгие маги,
Вещим взором веков мне прицелились в лоб.

И казалось неважным, ни капли неважным,
Что края одеяла лежат на полу,
Что черствеет батон на пакете бумажном,
Что одежда на кресле пылится в углу...

Вот где мудрая жизнь! Это понял я разом.
Здесь одна лишь наука над веком царит,
Здесь природу сверлит испытующий разум,
А отвергнутый быт оттеснен и забыт.

Одинокий старик, захлебнувшийся в кашле,
Точно сказочный призрак, предстал предо мной
Чудотворцем - волшебником в каменной башне,
Окруженным таинственной тишиной.

Когда ночь подступает шагами глухими,
И рентгеновским снимком мрак чернеет в окне,
Седовласый учитель, как древний алхимик,
Плавит золото мудрости в книжном огне.

Сняв клокочущий чайник с пылающей плитки,
Он не ужин зовет меня с ним разделить:
Просто те золотые словесные слитки
Ему надо кому-нибудь раздарить.

Он заводит беседу «высоким глаголом»,
Ему хочется знать, чем живет молодежь.
Что сказать? Чем живем мы? Фокстротом, футболом,
Школьным джазом, туризмом... Всего не сочтешь!

И сказал мой учитель: - Футболом мир болен.
Я не против. Но есть тут загвоздка одна:
Никому в этом слишком ценимом футболе
Не ясна философская сторона.

И сказал мой учитель: - Светлых дум озаренье
Вправе спорить с сияньем вселенских лучей.

И наш разум обязан сквозь три измеренья
Прорываться к четвертому - к сути вещей!

И сказал мой учитель: - Есть великое дело:
Свет бессмертной Науки выводить на простор.
Этой славной богине служил Кампанелла,
Ломоносов, Коперник и Томас Моор.

И поведал учитель о планетах, о звездах.
И об атомных тайнах повел свой рассказ.
И заставил увидеть невидимый воздух -
Будто сдернул повязку с завязанных глаз.

И в распахнутом круглом окне телескопа,
Как в каюте плывущего в ночь корабля,
Мне открылись видения звездного скопа,
Сквозь которые плавно несется Земля.

И сказал мой учитель: - Сколько дивного рядом!
Золотая эпоха уж видна впереди!
Скоро нам покорится раскованный атом
И к далекой вселенной пролягут пути!

Задыхаясь, учитель кашлял хрипло и долго
И, хватаясь за книги, страницы листал.
И, как звезды, горели глаза от восторга,
И до темных глубин ясный взор доставал...

2

Я домой возвращался на себя непохожим:
Белый свет мне казался туманной игрой,
И, по-новому глядя в лица редких прохожих,
Я искал в них клубящихся атомов рой.

Я как будто проник внутрь предметных конструкций,
В юркий быт электронов, в их цепкую власть;
Я боялся плечом к кирпичам прикоснуться,
Чтоб в межъядерном поле навек не пропасть!

Я почувствовал вдруг, как из далей огромных,
Из космической глуби, из звездных ночей
Мир ворвался в меня, как в звучащий приемник,
Гулом альфа- и бета- и гамма-лучей!

И мне сделалось страшно в этом мраке полночном,
Полном скрытого смысла, огня и борьбы;
Показался мне слабым и очень непрочным
Стебелек моей тонкой и зыбкой судьбы.

И на миг, как лазутчик, проникла в сознанье
Злая дума о роли учителей:
Ведь, конечно, позорно и опасно незнанье,
Но глубокое знанье, пожалуй, страшней!

Ну а все же я верил, что даром не сгину:
Я ведь знал, что природа - мне кровная мать.
Как не по сердцу матери быть жестокою к сыну,
Так нелепо вселенной людям зло насылать.

3

Мне порой говорили: - Может, сходим на танцы?
- Ты пойдешь на каток? - Я глазами моргал.
Я глядел на друзей, как глядят иностранцы,
Потому что их речи едва понимал...

Я швырял им ответы острее, чем гвозди,
Я летел мимо них, озираясь, как вор:
Я спешил к дорогому учителю в гости,
Чтоб продолжить волнующий разговор.

Золотая девчонка была у нас в школе,
Мы с ней многим делились, бродя вечерком.
Только новую дружбу я таил и от Оли,
Потому что боялся прослыть чудаком.

Вскинув вверх, как гранату, журнал в развороте,
Я врывался к учителю, как ураган:
- Вот прочтите о Капице, о Резерфорде!
Человечество скоро расколет уран!

И, склонясь, как над хлебом, над новым журналом,
Старый химик со смаком губами жевал.
Ах, как жарко науке успеха желал он!
Как настойчиво людям он счастья желал!

Говорил мне учитель: - Станет садом планета,
Станут людям доступны любые дела,

Каждый камень послужит источником света,
В каждой капле проснется источник тепла.

Говорил мне учитель: - Мы у цели бойцовской:
Скоро нам покорятся все тайны Земли,
И вот-вот уже в космос, как мечтал Циолковский,
Полетят межпланетные корабли.

Говорил мне учитель: - Скоро будут открыты
Марсианских каналов немые творцы,
И - откуда вторгаются метеориты,
И - к чему на Луне этих оспин рубцы.

Говорил мне учитель (Я слушал как сказку):
- Где-то в космосе тоже жизнь разумная есть,
И об этом не раз сквозь безмолвную маску
Прорывалась на Землю туманная весть.

Говорил мне учитель: - Прислушайтесь к мифам:
Зря ли Марсом - планетой! - бог войны окрещен?
Не сгорел ли в реальном полете над миром
Легендарный сын Гелиоса - Фаэтон?

Говорил мне учитель: - Как нить Ариадны,
Размотает наш ум всех преданий секрет:
Может, нимбы богов - это просто скафандры?
Может, контуры храмов - это память ракет?

Словно крылья росли у меня за плечами,
И тянуло к неведомым звездным лучам.
И во сне все упорней летал я ночами:
Видно, я еще рос, хоть и школу кончал.

И мне снились сады - в розах белых и алых,
Города гармоничные, как идеал,
И спокойная гладь марсианских каналов -
Голубей и прямей, чем Ферганский канал.

Часто снились мне цирки и амфитеатры
На седой, алебастровой почве Луны,
В тех театрах сидят мудрецы и гиганты
И глаза их на Землю устремлены.

И, взирая на наши пожары и драки,
Понимая, как нужно рассеивать мрак,
Шлют нам братья из космоса вещие знаки,
Только мы их секрет не раскусим никак!

4

Но вернемся на Землю, ведь я - ее житель.
Огневых испытаний приблизился срок.
Я ушел на войну, а мой старый учитель
Вел в нетопленой школе за уроком урок.

Я писал ему в письмах о далеких походах,
Он в ответах желал мне счастливых путей,
Сообщал о классических классных невзгодах,
О лентяях, о спорах учителей.

Отгремели бои. Мы вернулись из далей.
Я, признаюсь, чуть-чуть погордиться хотел:
На груди у меня красовались медали,
А на сердце учителя орден блестел.

«Неужели и он уходил в батальоны?«
- Нет! - смущенно сказал он. - Для фронта я
стар.
Вывел несколько формул для нужд обороны.
Что за формулы - я углубляться не стал.

Мы достойно отметили праздник Победы.
Жарким ливнем салютов был нам воздан почет.
И опять закудрявились наши беседы -
Неуемной, раскованной мысли полет!

5

Уж вконец затихали вселенские драки.
Но внезапно опять загремела пальба.
Грянул взрыв в Хиросиме, вслед за ним -
в Нагасаки.
Вознеслись над планетой два страшных «гриба»!

Потянулись с Востока такие рассказы,
От которых померкли кошмарные сны,
Как растаяли в небе рыбацкие фанзы,
Как мосты и дома поднялись до Луны.

Водокачки, вокзалы в песок рассыпались.
От горячего пепла почернел белый день.
Люди, птицы и звери, как дым, испарялись,
Оставляя на камнях пугливую тень.

Два жестокие взрыва, махнувши косою,
Как траву, посбривали леса и сады,
С корнем вырвали храмы - с их древней красою,
Опрокинули джонки в пену мертвой воды.

Радиация рыбу в морях заразила,
В кровь людскую незримой отравой вошла.
Настоящее, прошлое гибель сразила,
Над грядущим свирепый топор занесла!

Столь безумной затеи не знала планета!
Чтоб природа себя пожирала сама!
Сумасшедшим был тот, кто решился на это!
Исполнительный летчик тоже спятил с ума!

...Мой учитель всегда был сердечным и светлым.
А теперь словно душу подернуло мглой,
Словно взрыв тот, минуя десять тыщ километров,
Угодил в него едкой, ядовитой волной.

Стали резче на лбу две угрюмые складки,
Взгляд наполнился мрачным, тревожным огнем,
Будто горечь какой-то печальной догадки
Грибовидным пятном отпечаталась в нем.

Он сгибался от старости и от простуды,
На глазах затихал, замирал человек.
Лишь росли в его комнате книжные груды -
От седых букинистов, из библиотек.

Помню, чем-то однажды взволнован ужасно,
Он подвел меня к кипам раскиданных книг
И шепнул, задыхаясь: - Мне ясно! Все ясно!
Наконец-то я в тайну преданий проник!

И сказал мой учитель: - Нам пора догадаться,
Что в далеких эпохах, за тысячи лет,

Уж случались крушения цивилизаций
На обугленных почвах соседних планет!

Вспомним грустные мифы классических старцев,
Сопоставим с событьями наших времен:
Почему бог войны именуется Марсом?
Отчего, сбившись с курса, сгорел Фаэтон?

Что мерещилось грекам огневой колесницей,
Искрометной квадригой в неловких руках,
Может, вовсе не миф о несчастном вознице,
А трагический факт, отраженный в веках?!

Там, на Марсе, на близком к нему Фаэтоне
Мудрецы до высоких вершин доросли,
Там могущество атома взяли в ладони,
Да потом с этим «джином» совладать не смогли.

Мир мечтает о правде! Однако известно:
Ложь гнетет ее злобною силой своей.
В жизни праведным быть многим не интересно,
Скользкий путь авантюр им куда веселей!

Может, были раздоры там между жрецами,
Может, власти хотелось, может, слава звала -
И погаными атомными грибами
Вся поверхность планет в некий час поросла!

До Земли, до Луны докатились их битвы,
В жарком блеске ракет пали гости с небес -
И ворвались их громы в людские молитвы,
Где - Юпитер и Марс, где - Перун и Зевес.

Пел далекий поэт: «Встала Дева Обида,
Заплескала крылами у синей волны...»
Отчего провалилась на дно Атлантида?
Может, атомным взрывом ее дни сочтены?

А откуда меж лунных сухих океанов
Эти оспины, кольца, пруды без воды?
Может, вовсе не кратеры мертвых вулканов,
Может, атомных взрывов прямые следы?

Где теперь Фаэтон? Та же скорбная повесть:
Полыхнула планета, как порох в стволе;
Уцелел от нее астероидный пояс,
Угольки метеоров, светящих во мгле.

Видно, Марс, бог войны, был в боях победитель.
Но и сам радость жизни радиацией сжег.
В страшных атомных битвах, - сказал мой учитель, -
Может быть лишь один - очень страшный итог.

И сказал мой учитель: - Обидная штука.
Не узнавши всей правды, я из жизни уйду...
Для прогресса и света существует наука.
Почему ж она сеет печаль и беду?

И сказал мой учитель: - Я постичь не умею:
Разве может все лучшее опрокинуться вспять?
Человечество славило дар Прометея -
Неужели придется его проклинать?

И сказал мой учитель: - Расставаясь с Землею,
Я хотел бы собратьев предупредить:
Надо быть осторожней с грозной силой цепною,
Чтобы страшного бедствия не повторить!

6

Годовщину Победы мы встречали огнями.
А мой старый учитель был у края пути...
В непроглядную ночь он ушел со словами:
- Интересно б узнать, что нас ждет впереди?

Дорогой мой учитель! Если был бы ты рядом,
Я тебе рассказал бы в неспешных речах,
Как запрягся в работу обузданный атом -
В медицинских приборах, в бетонных печах.

А еще бы сердечней был ты мне благодарен,
Если б мог тебя вестью порадовать я,
Как в могучей ракете взвился в космос Гагарин
И за ним все другие удалые друзья.

Не скажу: «Спи спокойно»! Ты не мог быть
спокойным.

Слишком темная тень над планетой висит.
Но и тут - на пути к разрушительным войнам -
Наш недремлющий атом солдатом стоит!

Скрыты наши ракеты в тайных скалах угрюмых,
Возле них часовые забыли про сны,
Чтоб любому врагу страшно было подумать
Прикоснуться к горячему пульту войны.

Над страной нашей весны грохочут громами.
Люди духом светлеют с течением лет.
Как бы мог ты гордиться учениками:
Все - в трудах, все - в заботах, бездельников нет.

Есть работа и мне в этой жизни тревожной:
Славлю милую Землю, наш солнечный дом,
Чтобы недругам стало еще невозможней
Замахнуться над миром смертельным огнем!

ВТОРАЯ ВЕСНА
(В Сокольниках)

1

В мае березки в Сокольниках белые,
Чуть опушенные зеленью раннею.
Кажется будто нарочно так сделали,
Чтоб на березках писали признания.
Залиты солнцем стихи неумелые,
Что на коре нацарапали школьники,
Эти сердца их пронзенные стрелами,
Больше похожие на треугольники...
Праздничным днем
(видно, им не до
праздников!)
Бродит здесь стайка девятиклассников,
Роясь в тетрадках и книжках своих,
А иногда забывая про них.
Сядут... Начнут повторять...
Не выходит!..
Вот Ольга, не дочитав главу,
Тугую планшетку
(портфель был не в моде)
Беспечно бросила на траву.
А Ленька заметил:
- Вы только взгляните!
Скажете, может быть, сходства нет?
Ведь это же ты,
ну, признайся, Витя,
Выжег на лавочке Ольгин портрет?
У Лены от хохота даже веснушки
Затанцевали, запрыгали вдруг.
Что с ней поделаешь? Хохотушка.
Солнечный зайчик, скользящий из рук.
Виктор
друга
толкнул
легонько,
Нахмурился и ничего не сказал.
- Какой противный болтун ты, Ленька! -
Шепнула Ольга, пряча глаза.

2

Кто в нашей школе,
не знал об Оле!
Оля чуть-чуть в мальчишку играла.
Слыла она свойской,
что значит - простой.
Когда футболистов у нас не хватало,
Ей даже кричали: - В воротах постой!
Была она первой красавицей в классе
И тайной мечтою была для всех,
Но, кажется, не было в том разногласий,
Что Витька имел наибольший успех.

Витька был парень на вид суровый.
Чтоб выглядеть старше, курил без конца.
К тому же имел он густейшие брови,
В наследство доставшиеся от отца.
В душе он надеялся стать командармом,
Хотя и опаздывал наверняка.
Вот быть бы ему
по примеру Гайдара
В 17 лет командиром полка!

3

Виктор и Ольга дружили с детства.
Ходили на лыжах в зимние дни.
С детства жили они по-соседству,
С детства книжки читали одни...
Вдвоем они бегали в консерваторию,
После же в тихие вечера,
Шли по Москве, напевали и спорили,
За руки взявшись, как брат и сестра.
Что еще?
Шахматы.

«Враг не сдается?»
Битва за битвой. За туром тур.
Они встречались, как два полководца,
Над строем пешек своих и фигур.
А фото?
Дверь на крючок защелкнута.
Мрак. Проявители. Красный свет.

И вот уже тихая ванная комната
похожа на фаустовский кабинет.

Сколько решенных вместе вопросов,
Общие огорченья и смех,
И первые Витькины папиросы,
И турпоходы, и велопробег.
Правда, Ольга ходила на танцы,
А Виктор на вещи смотрел, как боец:
- Ты еще Оля имеешь шансы
Сделаться фифочкой наконец.

Что ж! Не беда, если мнения борются,
Если ругаются, зла не тая,
Если и спорят, но после не ссорятся -
Так и должны поступать друзья.

Ленька же был «ординарцем» у Вити.
Всегда он острил. Лез из кожи вон.
- Ты что, все сияешь? - спросит учитель.
- А что мне плакать? - ответит он.
Но от последней его остроты
Виктору с Ольгой пришлось покраснеть.
У них недосказано было что-то
И зря он решился это задеть.

4

Ребята смеялись...
А рядом с ними,
Лишая влюбленных покоя и сна,
В вишнево-сиреневом
солнечном дыме
Над городом колдовала весна.
Гроза прошумела, развесив по веткам
Одну за другою, как бусинки, в ряд
стеклянные, искристые подвески,
Такие ж, как в залах на люстрах звенят.

Еще не успели покрасить заборы,
Еще стебельки набираются сил,
Но май как алхимик весь мир без разбора
В весеннее золото преобразил.

5

Вот так все и было
до той минуты,
До той неожиданности, когда
На них
(есть любители глупых шуток!)
Фонтаном обрушилась вдруг вода.
Шел по аллее какой-то парень,
Березку -
всю в каплях дождя -
встряхнул,
Учтиво вымолвил: - С легким паром! -
И на прощанье рукой махнул.
Был бы мальчишка - дело другое.
Что ж этому надо? Какая цель?
Что-то враждебное было, злое
В смуглом смазливом его лице.
Видя, как, бледная от возмущенья,
Ольга отряхивается платком,
Виктор, не мешкая ни мгновенья,
Кинулся следом за тем «шутником».

Но
ухватила его за куртку
Ленькина
(«Брось говорю!»)
рука.
- Тихо. Постой. Не сердись на шутку.
Плюнь ты на этого дурака!
Не понимаешь?
Скажу иначе.
(Голос друга сделался глух.)
Это ж тот самый Колька-Красавчик!
Его все собаки знают вокруг.

6

...Колька-Красавчик.
Он был как легенда,
Помню, не раз во дворе вечерком,
В темных подъездах укрывшись от ветра
Мы шепотком говорили о нем.
Где-то, мол, Кольку случайно толкнули...

Парень прощенья просить не стал...
А Колька сразу ж:
- Идем потолкуем! -
И чуть его бритвой не «расписал»! -

Колька, он чаще ходил в одиночку,
Но в тупиках, во дворах проходных,
Чуть только свиснет,
на выручку тотчас
Прямо как с неба
ватага «своих».
Сами мы не были с ними знакомы,
Но о таких мы слыхали не раз:
Есть у них собственные законы,
И эти законы пугали нас.

- Что с них возьмешь?
Им ничто не в
новинку!
Дай ты такому Кольке отпор,
Он тебе в спину засадит финку -
И опаздает твой прокурор.
Все это Ленька втолковывал другу,
Он убежденно верил сейчас
В то, что он Виктору сделал услугу
Может быть, даже от смерти спас.
Девушки тоже смотрели сердито
И Лена твердила ему об одном:
Что ты, Витенька,
драться с бандитом?
Да он же зарежет тебя потом!

7

А Виктор притих
и сделался грустен.
Видно с собой он хитрить не стал:
«Что там скрывать? Если б ты не струсил,
Ты бы себя удержать не дал!
Где же былая твоя отвага?»
Виктор до боли губу прикусил
Ему казалось,
что с каждым шагом

Колька
гордость его
уносил.

«Силой» тебя называли в школе,
А ты, оказалось, труслив и слаб!
Так опозориться перед Олей!
Рыцарь! Ее защитил хотя б!

Горькие мысли терзали парня,
Не покидая его ни на миг.
Уже фонари загорелись в парке,
А Виктор сидел и не видел их...

8

...А потом экзаменов тревога,
Разных книг несметное число.
Это все забылось понемногу,
Все быльем-травою заросло.
Незаметно пролетело лето.
Вот и снова школа кличет нас.
Как-то странно: даже сам директор
Говорит нам «вы».
Десятый класс!
Голос колокольчика веселый,
На доске сверкающий чертеж.
И везде -
от потолка до пола -
Окна, солнцем залитые сплошь.
Солнечные зайчики на парте,
На стене, на книгах, на цветах,
Оба полушария на карте
Тоже в светлых солнечных лучах...

Ленька в настроении прекрасном,
Как всегда, острит:
мол, весь секрет
В том и состоит, чтоб первоклассник
Сразу понял, что ученье - свет!
Виктор другу вовсе не перечит,
Только шепчет: - Ладно, не бубни!
Тут вот снова и случилась встреча,
Ждать которой не могли они...

9

За прогулы и за хулиганство,
Выгнанный уже из многих школ,
Колька вновь
с железным постоянством
В районо
устраиваться шел.
Если ж фальш его смиренной позы
Начинала здесь надоедать,
Извлекал свой самый главный козырь:
- Что ж мне остается? Воровать?
И тогда испуганные тети
Руки вверх: - Ах, что вы? Мы сейчас! -
В результате
Кольку переводят
В нашу школу,
в наш десятый класс.

10

Он вошел, на всех с улыбкой глядя,
В полосатом «мощном» пиджаке,
Чуть стесняясь книжек и тетрадей,
Что для виду нес в своей руке.
Изо всех товарищей по школе,
С кем столкнулся там,
среди аллей,
Он узнал одну лишь только Олю
И сейчас же поклонился ей.

Здесь она была совсем другая:
Вдумчивые, строгие глаза,
И на темной кофточке - тугая
Тускло-золотистая коса.
А сидел с ней
робкий и приличный,
Как сказал о нем один остряк,
Из кефира сделанный отличник,
Вечный стенгазетчик и добряк.
Чтоб соседку не задеть коленкой -
До того отличник был несмел! -
Он буквально вплющивался в стенку,
Вчетверо сжимался и краснел.

Кольке это показалось странным.
(«Девочка что надо! Высший класс!»)
Предложил билет ей на «Тарзана»
Улыбнулся,
выслушав отказ.

11

В общем, оказался он веселым.
Анекдоты сыпал, как зерно.
Всех ребят, учителей, всю школу
Сравнивал с героями кино.
А ребятам что?
Те льнут к речистым.
Возле Кольки сгрудятся в кружок.
- Как у нас директор?
- Декабрист он!
От народа страшно он далек.

Об учительнице литературы,
Женщине пятидесяти лет:
- Здорово поет!
Колоратура!
Ей бы с этим голосом... в балет!
Зазвенит звонок:
- Ты мое счастье!
Запоет: «Иду я в моряки...»
В «дальнем плаваньи» бывал он часто,
Молчаливо стоя у доски.

Все довольны. Все кругом смеются.
- Ну и Колька!
- Ну, брат, и чудак!
И уж вовсе с ним не расстаются,
И уж вроде он у них вожак!
Вместе с ним в кино -
билеты тут же!
Вместе в парк -
на танцы под баян.
А потом и дальше
(«Что мы - хуже?») -
Вместе с ним
под вечер
в ресторан...

12

Колькину удаль
(вернее, грубость!)
Виктор и сам наблюдал не раз
В темном фойе молодежного клуба
В самый поздний вечерний час.
Вот в заграничном плаще стиляга
С длинным, как штык, мунштуком в зубах,
Под впечатленьем картины «Бродяга»
Буйствует и шумит в дверях.
Рядом девчонка в платочек плачет
А робкий завклубом твердит с мольбой:
- Ну, погулял и кончай, Красавчик,
Выпил лишку, ступай домой.
Но Николай ухмыляется, ухарь.
Гордо подняв воротник плаща:
- Гляньте-ка, братцы, водку разнюхал.
А ты
меня
угощал?

Меряет взглядом как все хулиганы,
Злобно, свирепо: уйди, мол, не трожь!
Дерзко засунуты руки в карманы,
Где (все уверены) спрятан нож...
Виктор думал
(и разве не прав он?):
«С таким бесполезно язык чесать,
Ему бы по челюсти двинуть с правой,
Чтобы в нокаут на полчаса!»
Но обходил стороной:
мол, ладно!
Не достает чтоб в историю влип?
Что мне,
больше всех прочих надо?
Меня же не трогает этот тип...

13

Но и его ревнивою болью
Вскоре обжег один разговор...
Как-то на днях он поссорился с Олей,
И ссора не кончилась до сих пор.

Во всем виноват был тот вечер горький,
Когда он по парку бродил дотемна.
И вдруг увидел шагает Колька
А рядом... Неужто Ольга?.. Она!..
Вместе, в ногу, идут куда-то.
Какой у Ольги взволнованный вид!
Верно, про все, что таил он свято,
Колько запросто ей говорит.

Утром он хмуро спросил:
- Влюбилась?
Она спокойно в ответ:
- А что ж?
- Чем же я заслужил немилость?
- Ты для меня чересчур хорош.
...Когда она стала такою грубой?
Дерзкое, злое, чужое лицо.
Лиловой помадой подмазаны губы,
И на руке золотое кольцо.
Ей на уроке сказал учитель
(Брови дрогнули у старика):
- Оля. Вы ваше кольцо снимите
И положите в портфель
пока.
Как это сразу ее задело!
Как она резко в ответ ему:
- Носить кольцо -
мое личное дело,
И я его -
не сниму!
Тут Колька ей громко шепнул - Молодчина!

Но класс
был против
на этот раз!
Даже Леночка,
красная, как малина,
Молчала, не поднимая глаз.

14

Виктор видел: развязность Кольки
Уже начала раздражать ребят,

Уже они злятся в душе
да только
Всерьез с ним ссориться не хотят.

Здесь бы
сказать свое
комсомолу
Чтоб закипела вокруг борьба
Но наша хорошая в общем школа
В этом вопросе была слаба.
Про Кольку твердили:

- Учится парень?
Стекол в школе не бьет? Так чего ж?
Наш колектив его переварит:
В классе здоровая молодежь!

15

Однажды,
Виктор с отцом
чуть не ссорясь
Спорил, руки уперши в стол.
Отец громыхал:
- Гимназисты! Горе!
Разве таким был наш комсомол?

А он стоял прямой крупнолицый
испытанный стройками и войной
Под пятьдесят, а такой же, как в тридцать,
Чуть тронутый первою сединой.
Вы бы в книжках хоть почитали
[...]Чтобы уметь презирать врагов
[...]Как ваши отцы на своем стояли,
[...]Когда кулаки нам в спины стреляли,
Когда, озверев, в чернозем зарывали
Нас,
комсомольцев двадцатых годов!

В споре и Виктор огнем зажегся:
[...]Неужто мы сами уж так слабы?
[...] мерили смелость футболом и боксом,
Не испытав настоящей борьбы.

А если тревога погранохраны
Ночью опять поднимет народ,
Нам ведь с боями шагать по странам
Грудью падать на пулемет.

Таяли призраки всех сомнений,
Страхов, обид и ненужных фраз
Он чувствовал:
надо идти в наступленье!
Иначе красавчик разложит класс!

Но утром уже на доске расписаний
Приказ директора вещал со стены:
«За учиненный скандал в ресторане
Николай...
и Ольга...
исключены».
С какой неожиданной острою болью
Виктор слова эти прочитал.
«Оля! Ты слышишь?
Прости меня, Оля!
Я, кажется,
здорово
опаздал».

16

Столько на улицах веток пахучих!
Столько ручьев не звенело давно!
Смело в холодных, нахмуренных тучах
Май прорубил голубое окно!
Снова повсюду! -
куда не гляньте! -
Взгляды синей и улыбки светлей,
Снова все девушки, как по команде,
Сняли пальто
и стали стройней.
В шумных сокольнических аллеях
Сосны горят золотым огнем,
И молодые березки белеют,
Ласковым вымытые дождем...
И возмужавшее поколенье,
Определяя чувства свои,

Пишет на лавочках
уравненья,
Формулы юношеской любви...

17

Долго Виктор в Сокольниках не был:
Просто былого будить не хотел,
Но раздразнило веселое небо,
Бросил учебники, не усидел.
Вот он бредет под березками парка,
Вновь вспоминает любовь свою,
Только уже незнакомая пара
Заветную облюбовала скамью...
Грустно без милой в такую погоду
В нежных потемках зеленых аллей.
Видно, закон есть:
чем краше природа,
Тем одиночество тяжелей.
С виду посмотришь: одно и то же -
Солнце и щебет вернувшихся стай...
Но до чего ж они не похожи,
Нынешний и прошлогодний май!

18

Виктор нашел автоматную будку
И, вспоминая былые права,
Робко и вроде как будто бы в шутку
Промолвил в трубку:
- Ну, как ты? Жива?
Он думал, что Ольга ответит смущенно:
Он же с тех пор ее не встречал;
Но, как и прежде, по телефону
Уверенно голос ее звучал:
- Ах, это ты? Что ж звонишь так редко?
Опять экзамены? Вот беда!
Что нового в школе? Как отметки?
Все четверочки, как всегда?..
Где сама я? Тружусь на заводе.
Никто мне здесь двойками не грозит.
(Весь разговор был такой,
что вроде
Взрослая с мальчиком говорит.)

Она не пыталась хитрить нисколько,
И Виктор всю правду решил узнать:
- Оля, ты все еще помнишь Кольку?
- Мне о нем некогда вспоминать.

Потом добавила не без грусти:
- Знаешь, я давно поняла,
Если б ты в парке тогда не струсил,
Я бы тебя разлюбить не смогла.
Впрочем, теперь это дело прошлого.
- Что ж, до свиданья!
- Всего хорошего!
Щелкнуло в трубке... Значит, прощай!..
Ну, отчего же
так не похожи вы,
Нынешний и прошлогодний май?..

СТРАШНЫЙ СОН

Среди ночи сынишка заплакал во сне
И проснулся я вдруг,
горестно выпятив губы
- Что ты, маленький, что? -
Сын прижался ко мне:
- Мне приснилось: никто меня больше не любит!..

- Я тебя понимаю, мой глупый малыш:
Этот сон твой действительно
Страшный-престрашный!
Но не бойся! Вокруг только темень и тишь;
Догоревшие угли событий вчерашних.

Папа, мама и бабушка любят тебя.
Столько разных тебе накупили игрушек.
Спи, пока они долго ночами не спят,
Чтобы всё в твоей жизни устроить получше!

Я б хотел, чтоб и после,
Когда мы уйдем,
Этот страшный твой сон был далеким от были,

Чтоб друзья, и семья,
И все люди кругом
Тебя крепко-прекрепко
Всем сердцем любили!

1961

ЭПИЛОГ

Размышления на кургане

ПАВШЕМУ ВОИНУ

Где-то в сердце лесов, далеко от дорог,
Упокоился твой позабытый курган.
Для тебя не осталось побед и тревог,
Только медленный дождь и тягучий туман.

Нить легенды найду я в зеленых ветвях,
Не развеяв по ветру, как тающий дым,
Я спою об ушедших былых временах...
Славный воин и вождь, ты тогда был живым.

* * *

Вот и все... И уже безразлично, кто прав,
Всех равно будут звездные волны нести.
Только там, у живых, в мире неба и трав,
Будут песни о чести и славном пути.

Будут новые битвы, и павшие вновь
Уцелевшим уже не сумеют сказать:
Если это так важно - пролитая кровь,
Непонятно, зачем же еще проливать?

Будут новые люди, и выстроят дом,
И зерном полновесным нальется земля,
Кто-то песню споет, но совсем о другом,
Облетевшие листья ногой шевеля...

Где-то в сердце лесов, далеко от дорог,
Позабытой легендой играет листва.
Под седеющим дубом пробился исток,
А на древнем кургане - цветы и трава...

СОДЕРЖАНИЕ

Биография 6

Глава 1. *Родина*

Дом под вязами 13
Дума о Родине 14
Лесная дорога 16
Пейзаж 17
Русь 18
Сентябрьское утро 20
Дума о России 21

Глава 2. *Традиции и наследие*

Аркольский мост 33
Березки 34
Богатырка 35
Богатырь 36
Витязи 37
Выборы атамана (шутка) 40
Гардарикия 41
Голубая роза 42
Град Китеж 43
Град Чернигов 44
Гусляры 46
Девушка за столом 47
Друзьям поэта 48
«Живая вода» 49
Казачьи песни 50
Кони 51
Куликово поле 52
Ложки звучат 54
Могилы предков 55
Монументы 56
Олеговы корабли 57
Ольга 58
Палехская шкатулка 59
Первопечатник 60
Пересвет 61
Петровские корабли 63
Плач княгини Евдокии по князе Дмитрии Донском 65
Поездка в Суздаль 67
Покров-на-Нерли 68
После побоища 69
Посольство казака Байкова 70
Потомки Солнца 72
Псковитянка 73
Разноцветье 74
Родня 75
Родословная 76
Русская рубашка 77
Русские бани 79
Рыцарская баллада 80
Сказ о богатырской обиде 81
Слава веков 82
«Славянская мифология» (шутка) 84
Славянский меч 85
Слово 86
Споры о вкусах 87
У Троицы 88
Хлеб 89
Чувство Родины 90
Лесная сказка 91
Соколиная охота 95
Перуновы стрелы 98
Дом волхва 101
Гуслярские песни 104
Заговор на остуду 106
Купальская ночь 109
Березка 113
Последнее предание 116
Меч-кладенец 119
Падение Перуна 126

Глава 3. *Лирика*

Белые ночи 179
Берестяная грамота 180
В ботаническом саду 181
В весеннем городе 183
В зоопарке 184

В любви так много печального . . . 185
В осеннем парке . . . 186
В поезде . . . 187
В пути . . . 188
В Сокольниках . . . 189
В тот день . . . 190
Весеннее напутствие (шутка) . . . 191
Воспоминанье . . . 192
Даме сердца . . . 193
Два сердца . . . 194
Девушка с загадочным лицом . . . 196
Ключ . . . 197
Когда по трезвым расчетам . . . 198
Когда ушла ты, не любя . . . 199
Коль верно, что могут эксперты . . . 200
Лебединое озеро . . . 201
Любовь . . . 202
Мертвый город . . . 204
Мечта . . . 205
Мне бы жизнь твою как кинопленку . . . 206
Мне нравится эта девушка . . . 207
На реке . . . 208
На свадьбе . . . 209
Навзикая . . . 210
Не упрекну томящей болью . . . 211
Неудавшееся свидание . . . 212
О цветах . . . 213
Облака . . . 214
Осенью . . . 215
Первое свидание . . . 216
Песня . . . 217
Письмо . . . 218
Помедли, ночь . . . 220
Попутчица . . . 221
После кино . . . 222
Прощальное танго . . . 223
Ревность . . . 224
Свидание в Кремле . . . 226
Северный полюс . . . 227
Со Светкой, смешливой девочкой . . . 228
Старый сказ . . . 229
Стихи о счастье . . . 230
«Стыдливая мимоза» . . . 231
Счастье . . . 232

Телефонный звонок . . . 233
У моря . . . 234
Черный лебедь . . . 235
Чужие . . . 236
Апрель . . . 237

Глава 4. Детство

Бабушкин сад . . . 249
Вишневое варенье . . . 250
Воспоминанье . . . 251
Где ты мое детство . . . 252
Детство . . . 253
Недоверие . . . 254

Глава 5. Отцовство

В роддоме . . . 256
Гордость . . . 257
До чего мы похожи с сыном . . . 258
Дочка . . . 259
Кот в сапогах . . . 260
Отцы и дети . . . 261
Спасибо сыну . . . 262

Глава 6. Профессия

Корреспонденты . . . 264
Паровозный гудок . . . 265
Шоферы . . . 266

Глава 7. Искусство

Искусство балета . . . 268
Искусство слова . . . 269
Лель . . . 270
Магазин игрушек . . . 271
Ожидание . . . 272
Палехские узоры . . . 273
Перевоплощенье . . . 274
Скрипка . . . 275
У гроба художника . . . 276
Художнику . . . 277
Чувство красоты . . . 278

Глава 8. Природа

Апрельский этюд . . . 280
Березы . . . 281
В вечернем затоне . . . 282
В лугах . . . 283
Весенние заботы . . . 284
Весенний ветер . . . 285
Вешняя вода . . . 286
Возвращение . . . 287
Встреча стада . . . 288
Гроза . . . 289
Деревья . . . 290
Добрый гром . . . 291
Дожди . . . 292
Дождь в лесу . . . 293
Зарится хлеб . . . 294
Зимний сад . . . 295
Зимним утром . . . 296
Ива-бредина . . . 297
Иван-да-Марья . . . 298
Красота . . . 299
Лес . . . 300
Лесные цветы . . . 301
Листопад . . . 302
Лицом к солнцу . . . 303
Мой скворец . . . 304
Осенние строки . . . 305
Осень . . . 306
Оттепель . . . 307
Подорожник . . . 308
Простая трава . . . 309
Рань . . . 310
Северные кружева . . . 311
Синий сон . . . 313
Сквозь дождь . . . 314
Снегири . . . 315
Снегопад . . . 316
Сухая трава . . . 317
Тайна радуги . . . 318
Черемуха . . . 319
Черемуховые поляны . . . 320

Чернеют березы... . . . 321
Черные березы . . . 322

Глава 9. Посвящение

Актриса . . . 324
Байрон . . . 325
В липовой аллее . . . 326
В Михайловском . . . 327
В ясной поляне . . . 328
Возвращение . . . 329
Выстрел . . . 330
Имя поэта . . . 332
Как Циолковский . . . 333
Козьма Минин . . . 334
Лев Толстой . . . 335
Лермонтов . . . 336
Лермонтов на Кавказе . . . 338
Максим . . . 339
Маяковский и Есенин . . . 340
На Тверском бульваре . . . 341
Нестеров . . . 342
Ответ поэту . . . 343
Паганини . . . 344
Пианисту . . . 345
Портрет матери . . . 346
Портрет с натуры . . . 347
Портрет Суворова . . . 348
Портрет . . . 349
Преображение . . . 350
Преподобный Сергий . . . 351
Разговор с Бурлюком . . . 352
Рылеев . . . 354
Старик . . . 355
Стенька Разин . . . 356
Франсуа Вийон . . . 357
Художник . . . 358
Выстрел . . . 359

Глава 10. Революция

Атомоход «Ленин» . . . 366
Первая любовь . . . 368

Скрипка Тухачевского 370
Памяти моего отца 371

Глава 11. Великая Отечественная война и ее след

«Memento mori!» 400
Апрель 401
Враги 402
Два брата 403
Красавица 405
Москва 406
На марше 408
Первый поцелуй 409
Подвиг женщины 410
Последний фрегат 411
Поэт 412
«Призрак» 415
Простая история 416
Раздумье 417
Сокровища древнего храма 418
Солдаты слушают стихи 420
Стихи о воинской славе 422
Дума о мире 423
Начало 424
Первые беды 425
Враги 427
Эшелон 429
Налет 431
На стальных магистралях 434
Мишка Зыкин 436
Девчонки с бронепоезда 438
Политработа 440
Мелитополь 442
Машинисты 445
Крым 448
Первомай 451

Глава 12. Другие

Аскеты 454
Бескорыстье 455
Бой 456

Больной вопрос 458
Вечерние тени 459
Вывод 460
Глаза лжи 461
Грусть 462
Закон 463
Каждому 464
Конь 465
Кукла 466
Ласковые строчки 467
Легенда 468
Летний день 469
Лучшее чувство 470
Мефистофель 471
Над Серебрянкой 472
Новый сорт 473
Папы знают: дети любят сласти 474
Песня (вторая) 475
Петухи (шутка) 476
Пожелание 477
Правда 478
Предчувствие 479
Простая любовь 480
Рыцари из романов 481
Сельское кладбище 482
Сердце друга 483
Сила слова 484
Старый маршал 485
Счастливая 486
Счастье 488
Туркменский базар 489
Шпага чести 490
Шут 491
Над шахматной доскою 492
Я не умею быть счастливым 493
Предупрежденье 494
Вторая весна (В Сокольниках) 504
Страшный сон 518

Эпилог 519

Игорь КОБЗЕВ

Избранное

Сборник стихов

Компьютерное обеспечение
Игоновой Т.

Сдано в печать 00.00.15. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура TimesET.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72. Тираж 500 экз. Заказ № 000.